

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО

УНИВЕРСИТЕТА

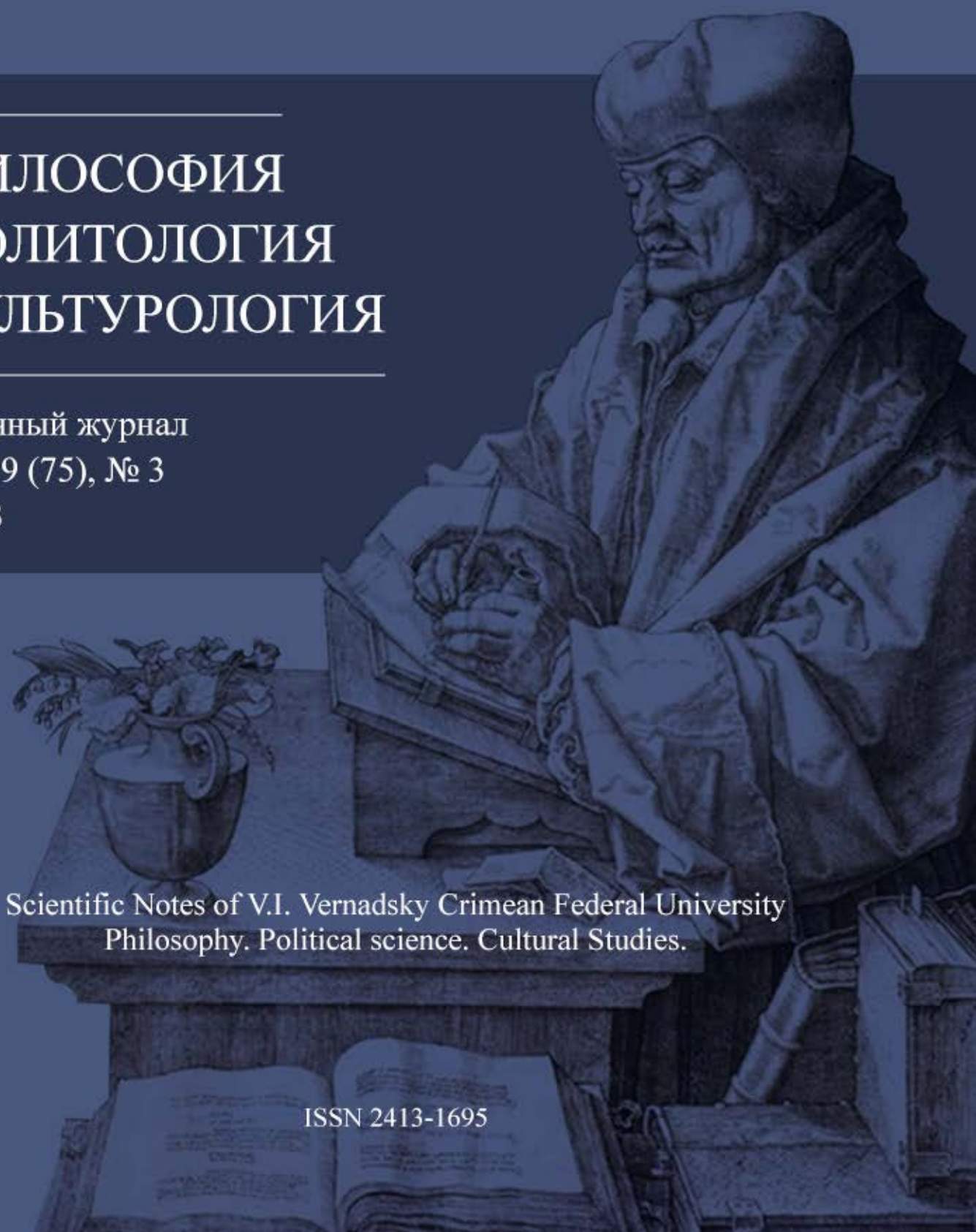
имени В.И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал

Том 9 (75), № 3

2023

Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Philosophy. Political science. Cultural Studies.

ISSN 2413-1695

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского».

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № от 2022 г.

Главный редактор – А. В. Карабыков, д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Заместители главного редактора:

А. Н. Володин, канд. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (культурология);

Н. В. Киселева, канд. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (политология).

Редколлегия:

И. А. Андриющенко	к. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
И. С. Бакланов	д-р филос. н., проф., СКФУ (Ставрополь)
А. В. Бедрицкий	к. полит. н., директор Таврического информационно-аналитического центра (ТИАЦ)
О. А. Габриелян	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Д. В. Гарбузов	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. А. Грива	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
А. А. Ирхин	д. полит. н., доц., СевГУ (Севастополь)
Ю. М. Коротченко	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
С. А. Маленко	д-р филос. н., проф., НГУ им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
П. Г. Носачев	д-р филос. н., доц., ВШЭ (Москва)
Л. Т. Рыскельдиева	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. С. Сапанжа	д. культурологии, проф., РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
М. Г. Федотова	д-р филос. н., доц., ОмГТУ (Омск)
А. А. Хлезов	д-р филос. н., проф., СевГУ (Севастополь)
А. В. Швецова	д-р филос. н., проф., КУКИИТ (Симферополь)
О. К. Шевченко	д. филос. н., доц., Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) КФУ им. В.И. Вернадского (Ялта)
М. А. Шепелев	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. Б. Элькан	д. искусствовед., доц., КУКИИТ (Симферополь)
С. В. Юрченко	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Ю. В. Норманская, к. культурологии, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный за выпуск: : Л. В. Савостьянова, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Технический секретарь: А. К. Оруджева, ИММиД, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Адрес редакции:

295007, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, корп. 2, ауд. 308

Тел.: +7-978-105-60-57; Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: vernadskiana@yandex.ru Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:

Формат 70x100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78 Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)
Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ «ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Платонова С. И. Социальная идентичность в цифровом обществе: философское осмысление.....	4
Попов Д. Н. Способы и границы познания человека в Гаудия-веданте.	14
Колесникова Г. И. Аксиологическая составляющая в концепте «социальная справедливость»: Значение в регуляции межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности.....	30
Гарбузов Д. В., Громова Е. А., Нечухрин А. Н., Рамазанов С. П. Философские истоки принципа диалога как системы мировоззрения и метода исторического познания.	41

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Григорьев С. Л. Кинематографический экран: эффект воздействия на мировоззрение человека XX столетия.....	58
Зайцева Д. С. Итальянский кинематограф в советской повседневной культуре 1960–1970 гг.....	68
Мурата С., Читтик У. С. Роль суфизма в китайском исламе / Пер. с англ. Р. Н. Энверова.....	79

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ильичев А. В. Русофобский нарратив в исследованиях ведущих британских авторов по Второй мировой войне как фактор формирования современного мировоззрения британского общества.	85
Иванова Д. Г. Поп-культура как политический инструмент в отношениях Южной Кореи и Японии: Сакура под волной Халлю.	108
Абрамов С. В. СВО и трансформация отношений России с постсоветскими государствами на примере Центральной Азии, Закавказья и Белорусии.....	119
Скрутон Р. Руссо и истоки либерализма / Пер. с англ. С. В. Мельничука.....	142

РЕЦЕНЗИИ

Хэзлит Г. Основания морали / пер. с англ. А. А. Столярова. Москва, Челябинск: Социум, 2019. 556 с. (В. С. Гайцук).....	150
---	-----

ФИЛОСОФИЯ

УДК 159.9.01

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Платонова С. И.

***Аннотация:** Цифровизация социальных процессов приводит к трансформации социокультурных феноменов, включая социальную идентичность. Цель статьи заключается в анализе особенностей социальной идентичности человека цифрового общества. Методологической основой исследования выступает сравнительный анализ и принцип энактивизма, утверждающий со-возникновение новых качеств при взаимодействии человека и реальности. В статье рассматриваются проблемы соотношения реальной и сетевой идентичности, механизмов формирования и особенностей виртуальной идентичности. Обсуждается формирование человека-виртуала, киборга как симбиоза живого и машинного, природного и технического. Анализируются и сравниваются теории сетевой идентичности. Ряд теорий говорит о дополнении реальной и сетевой идентичности, о «цифровом двойнике» реального индивида. Другие теории рассматривают множественную идентичность, растождествление личности и борьбу идентичностей. Показаны положительные и негативные стороны цифровой идентичности. Цифровая идентичность характеризуется потребностью в «других», это стремление к унификации и однообразию поведения, мыслей, чувств, ценностей, это стремление к подавлению индивидуальности. В целом, цифровая идентичность антиномична: можно выделить такие ценностные противоречия, как свобода/социальный контроль; индивидуализация/коллективизация; творчество/стандартизация. Делается вывод о том, что цифровые технологии должны учитывать антропологическую уязвимость и соответствовать потребностям и возможностям человека.*

***Ключевые слова:** цифровое общество, социальная идентичность, виртуальная идентичность, человек-виртуал.*

Современное общество переживает цифровую трансформацию, затрагивающую все сферы, институты, процессы, включая деятельность и существование человека в целом. Цифровые коммуникации становятся важной и в некоторых случаях (онлайн образование, онлайн коммуникация, удаленная работа в период пандемии) необходимой частью человеческого бытия. С помощью беспроводных технологий можно работать, общаться, учиться, слушать музыку, играть, делать покупки. Возникли понятия «цифровая культура», «цифровой диалог», «цифровая религия», «цифровое поколение», «цифровое существование» и др.

Признание того факта, что сетевые технологии влияют на социальную идентичность, на трансформацию социальных ценностей, стало общим местом. Многие исследователи согласны с тем, что человечество переживает цифровой поворот [1]. Опираясь на феноменологическую философию, герменевтику, социальную психологию, конструктивистский подход исследователи изучают феномены цифровой коммуникации: селфи, лайки, цифровой диалог в обучении, «цифровой след», ценности дигитального мира, рутинизацию Интернета [2; 3; 4]. В фокусе внимания обществоведов находятся как особенности этих феноменов, их влияние на человека, так и потенциальные угрозы и риски, связанные с тотальным распространением цифровых технологий [5]. По убеждению В.В. Миронова, цифровая пещера, в которой оказались современные люди, «может выступить моделью нового тоталитарного общества» [6, с. 18].

Одним из важных и не вполне изученных вопросов является вопрос, связанный с особенностями индивидуальной и социальной идентичности в контексте цифровых трансформаций общества. Требуют детального изучения следующие вопросы: Как и каким образом, развитие и распространение компьютерных технологий влияет на социальную идентичность? Что происходит с человеком, «сращенным», встроенным в цифровые технологии?

Целью нашей статьи является исследование особенностей формирования и трансформации социальной идентичности в цифровом обществе, а также анализ воздействия цифровых технологий на социальную идентичность. Методологической основой статьи является сравнительный анализ и принцип энактивизма, постулирующий «со-возникновение» новых качеств при взаимодействии человека и реальности, утверждающий, что «человек, видоизменяя конфигурации существующей реальности, изменяет себя» [4, с. 58].

В цифровом обществе вопрос об особенностях формирования и сущностных характеристиках социальной идентичности приобретает новые смыслы. Как отмечает М. Кастельс, «беспроводная коммуникация стала передающей платформой для выбора многих типов цифровых продуктов, включая игры, музыку, видеоизображения и новости ... Единая компьютерная сеть электронной коммуникации охватывает все, что мы делаем, везде и всегда» [7, с. 116-117]. До появления цифровых технологий социальные коммуникации характеризовались ситуацией «лицом-к-лицу» (face-to-face). При этом социальное взаимодействие «лицом-к-лицу» характеризуется эмоциональностью, обменом «едва уловимыми оттенками смыслов и значений», что является несомненной ценностью для межличностных взаимодействий [8, с. 490]. В цифровом обществе коммуникации трансформировались в ситуацию «лицом-в-устройство» (face into the device). Жизнь «лицом-в-устройство» может ограничиваться исключительно компьютерными взаимодействиями, характеризующимися анонимностью, произвольностью, отсутствием живого эмоционального непосредственного общения, переживания.

Существуют исследования, в которых наряду с индивидуальной и социальной идентичностью, рассматривается виртуальная (сетевая) идентичность. Вместе с этим понятием используются и другие категории: «on-line identity» (он-лайн идентичность), «digital

identity” (цифровая идентичность), “кибер-идентичность”, “метаидентичность”, “репост-идентичность”, “идентичность в виртуальном пространстве”» [9, с. 58]. Согласно Д.Н. Погорелову и Е.А. Рыльской, «виртуальная идентичность – это подсистема эго-идентичности, состоящая из текстовых, визуальных, аудиальных характеристик виртуального образа, отражающего физические и личностные свойства и особенности коммуникации, определяющие целостность и тождественность личности в рамках субкультуры пользователей социальных сетей» [9, с. 58]. Данные авторы предлагают концептуальную модель виртуальной идентичности, состоящую из трех взаимосвязанных структур: кибераддикции, принятия субкультуры сетевого общения, а также виртуального образа, созданного самим пользователем [9].

Анализ влияния цифровых технологий на формирование и трансформацию социальной идентичности человека привел к появлению двух позиций: цифровых оптимистов и цифровых пессимистов [4]. Цифровые оптимисты развивают мысль о том, что «реальная и сетевая идентичности, скорее, дополняют друг друга, чем противопоставляются в сознании пользователя, как альтернативные. ... В блогах и социальных сетях наблюдается стремление личности к репрезентации своих подлинных свойств, что отражает значимость самоутверждения личности в процессе ее самоконструирования. В виртуальных проекциях идентичности человек раскрывает себя, свои возможности, о которых он прежде не знал» [10, с. 159–160]. Как отмечает И.В. Фролова, «пользователи социальных сетей предоставляют о себе преимущественно достоверную информацию, социальные сети являются эффективным ресурсом для выражения реальной идентичности пользователя» [11, с. 33]. И.В. Фролова говорит о конструировании сетевой идентичности, которая «является продолжением идентичности реальной, при этом они имеют тенденцию к сближению» [11, с. 33, 36]. По сути, используется метафора «цифрового двойника» как виртуальной копии человека. При этом сетевые пользователи демонстрируют определенную свободу поведения, выражения собственного мнения, принятия решения. Сетевое общение самостоятельно, самодеятельно, экстерриториально, является ресурсом раскрытия человеком собственной реальной идентичности.

В исследованиях цифровых пессимистов проводится более осторожная оценка влияния социальных сетей на идентичность пользователя [4; 5; 12]. По убеждению Т.Г. Лешкевич, «в антропологическом измерении ценности цифровой эры воспринимаются как антиценности, маскирующие “вшитые” манипулятивные стратегии, режимы настройки поведения с установками поставить все под контроль» [4, с. 55]. Ученые отмечают возможности моральной деформации, когда «в формировании своего цифрового аватара индивид не скован большей частью запретов и норм, каким он вынужден следовать в своей офлайн жизни» [8, с. 494]. М. Шрофф и А. Фордхэм, «используя метафору “цифровая тень” для обозначения способа представленности личностной идентичности в виртуальном пространстве», считают, что эта «тень может приобрести известную независимость и даже власть над отбрасывающим ее человеком» [8, с. 493–494].

Еще до появления информационных технологий и сетевых коммуникаций концепт «виртуальная идентичность» использовался И. Гофманом в его драматургической теории. В контексте идей американского социолога виртуальная идентичность – это опре-

деленная роль, которую играет индивид, это «стратегия поведения, направленная на выживание в условиях конкретного социального мироустройства» [13, с. 7]. Важной особенностью теории И. Гофмана является тезис о растождествлении «Я», о своеобразном противостоянии реальной и виртуальной идентичностей.

В рассматриваемом контексте интересной представляется концепция «борьбы идентичностей» Р. Фогельсона. В этой концепции «выделяются четыре компонента идентичности: реальная (представления индивида о себе в конкретный период его жизни); идеальная (модель поведения и существования, к которой индивид стремится); негативная («образ себя», которого индивид стремится избегать); предъявляемая (набор образов, которые индивид транслирует другим людям с целью повлиять на их оценку)» [13, с. 7].

Попробуем развить тезис о борьбе идентичностей, предложенный Р. Фогельсоном. По нашему мнению, цифровые коммуникации усиливают эту борьбу. Можно согласиться с А.В. Резаевым, В.С. Стариковым, Н.Д. Трегубовой, что «нахождение в онлайн-пространстве приводит к тройному растождествлению. С одной стороны, это растождествление Self, социального «Я» человека и виртуальных аватаров. С другой стороны, это растождествление стремления к оригинальности/самовыражению и заданной жесткими институциональными рамками виртуальной саморепрезентации. С третьей стороны, это растождествление желания максимальной открытости и невротической боязни за сохранение приватности» [14, с. 6–7].

Необходимо отдельно отметить, что человек, создавая виртуальную модель себя, выходит за пределы реального Я, поэтому следует говорить о множественной идентичности. При этом количество множественных идентичностей, созданных одним человеком, может быть значительным. Примером формирования множественной идентичности является опыт Дейви Уиндера, поставившего задачу формирования разнообразных аватаров, призванных стать «гранями множественной виртуальной идентичности» [8, с. 494].

Цифровая среда и виртуальная коммуникация приводят к возникновению нового механизма формирования идентичности. В рамках традиционного общества формирование личной и групповой идентичности происходит при соотнесении и сопоставлении человека с «Другим», с разными социальными общностями, воспринимающимися как устойчивые, стабильные социальные элементы. Согласно метафоре З. Баумана, человек традиционного общества похож на паломника, знающего, кто он есть, куда ему идти и какова его система ценностей [15].

В условиях цифрового общества речь идет о соотнесении индивида с виртуальными пользователями и группами. В данном случае функцию «Другого» выполняют пользователи Сети. «Другой» является виртуальным по своей природе. Виртуальные объединения и общности могут быть эфемерными, воображаемыми, неустойчивыми, открытыми для своих пользователей и герметичными для «чужих» пользователей. Поэтому человек цифрового общества испытывает сложности в формировании индивидуальной и социальной идентичности. Следуя метафоре З. Баумана, такого человека можно сравнить с туристом без определенного места жительства и документов и задающего мучительным вопросом, какую идентичность выбрать [15]. В результате формирование идентичности

приобретает двойственный, амбивалентный характер: с одной стороны, речь идет о формировании реальной идентичности, с другой стороны, можно говорить о формировании виртуальной идентичности. Как справедливо отмечают В.Д. Курганская, В.Ю. Дунаев и А. Сагикязы, «немногие люди сохранили способность четко отделять друг от друга реальную (офлайн) и виртуальную (онлайн) области окружающего мира» [8, с. 494].

Сетевые коммуникации и виртуальная идентичность усиливают механизмы социального сравнения. Социальные сети – это своего рода «социальное зеркало», смотрясь в которое пользователь ожидает поддержки в виде лайков, одобрительных комментариев, постов. Сравнение себя с другими может привести к заниженной самооценке и отрицательным эмоциям, подавленности, ущербности, беспокойству. В любом случае, социальное сравнение ориентирует человека на внешние сигналы, на социальное зеркало, а не на «собственные мысли, чувства, ценности и сознание своей индивидуальности. ... Социальное сравнение может заставить людей делать то, что они иначе бы не сделали» [12, с. 600–602]. А. Пентленд характеризует современное цифровое общество как «социальный улей», в котором люди подражают друг другу. В работе «Социальная физика» он пытается сформулировать законы социального поведения, идентичные законам физики [16].

Следовательно, цифровые технологии и цифровое общение стимулируют и развивают стремление индивида к некоей унификации, стандартизации, желанию понравиться как можно большему кругу виртуальных лиц. Подобные процессы подавляют индивидуализацию, творчество, самостоятельность, свойственные реальному индивиду, ограничивают индивидуальную активность. Как итог, цифровое общество подавляет стремление к развитию индивидуальной идентичности, индивидуальности, осознанию себя как уникального «Я» и ориентирует на единые цели, ценности, коллективную жизнь.

Важной особенностью цифрового общества является тот факт, что информационная среда с разнообразными технологиями может привести (и приводит) к появлению гибрида «человек-виртуал», киборга, *homo digital*, искусственной социальности. Здесь уместно поставить следующие вопросы: «Как трансформируется социальная идентичность в контексте слияния реального и виртуального? Можно ли утверждать, что индивидуальная и социальная идентичности сращиваются с компьютерными технологиями, и, как следствие, создается социотехническая идентичность?»

О симбиозе социальных и природных систем пишут многие исследователи [17; 18; 19]. Дж. Урри говорит о взаимодействии множественных человеческих и нечеловеческих актантов. В акторно-сетевой теории, развиваемой Б. Латуром и его последователями, утверждается, что нет фундаментального деления на человеческое/нечеловеческое, социальное/природное. Все эти сущности оказываются акторами, находящимися на одной онтологической плоскости. Согласно Д.В. Галкину, в цифровом обществе функционируют «гибриды технических и живых систем, в которых соединяются когнитивные, функциональные, тканевые и технические элементы» [20, с. 15].

В настоящее время проблема взаимодействия и взаимоотношения человека и виртуальных технологий приобретает особую остроту, связанную с вовлеченностью индивидов в информационную среду. Амбивалентность сетевого общения, использование

всевозможных технических устройств, общение «лицом в устройство» (face into the device) ведет, по нашему мнению, к формированию социотехнической идентичности, к формированию киборга, совмещающего в себе природные и технические свойства. С кем или с чем в таком случае будет идентифицировать себя человек, целиком «сращенный» с цифровыми технологиями? Вполне возможно, что мы стоим перед выбором: или человек будет руководить информационными технологиями, или информационные технологии будут руководить нами. Обозначенная проблема является, по нашему мнению, актуальной и подлежит дальнейшему изучению и обсуждению.

Итак, мы имеем феномен идентичности, сформированный и функционирующий в цифровом обществе. Современное общество динамично, плюралистично, поэтому идентичность также является динамичным процессом. При этом социальные сети не имеют единого центра, единого источника власти. Следовательно, идентичность индивидов является неопределенной, множественной, незавершенной. Это связано не только с отсутствием единого центра, но и с расплывчатостью ценностно-нормативной структуры общества. Формирование идентичности амбивалентно: с одной стороны, социальные сети оказывают влияние на идентификацию индивида. С другой стороны, задействован внутренний потенциал человека, его творческие возможности. В целом, виртуальная идентичность антиномична: можно выделить такие ценностные противоречия, как свобода/социальный контроль; индивидуализация/коллективизация; творчество/стандартизация, самопрезентация/приватность.

Феномен социальной идентичности в цифровом обществе имеет как положительные, так и негативные характеристики. Позитивным является то, что виртуальная идентичность продолжает реальную идентичность, виртуальная и реальная идентичности дополняют друг друга. «Поскольку интернет-коммуникации становятся продолжением повседневных контактов из реального мира, сетевая идентичность ... должна быть достаточно единообразной с «Я» из реальной жизни» [11, с. 33–34]. Жизнь «лицом в устройство» (face into the device) становится неотъемлемой частью человеческого бытия.

С другой стороны, к негативным особенностям социальной идентичности цифрового общества можно отнести формирование феномена множественной идентичности, связанной иногда с рискованными и опасными экспериментами виртуальной самопрезентации. Виртуальная идентичность предполагает сращенность человека с цифровыми технологиями, которые становятся основополагающей ценностью и способом получения информации. Освоение цифровых навыков, связанных с получением информации, является всего лишь определенным формализованным алгоритмом, принципиально отличающимся от логико-дискурсивного мышления, сопряженного с творчеством, характерного для человека доцифровой эпохи [4; 8]. Человек в условиях развития информационных технологий в меньшей степени ощущает себя ответственным за собственные действия, которые часто регулируются и направляются заданными алгоритмами и компьютерными вычислениями (например, управление транспортом, производством, ориентирование на местности, получение информации).

Заключение

Подводя итоги, выделим основные особенности социальной идентичности в цифровом обществе:

- во-первых, происходит смешение реальной и виртуальной жизни. Наряду с реальной идентичностью формируется виртуальная (сетевая) идентичность;
- во-вторых, сетевые коммуникации затрудняют формирование идентичности и приводят к борьбе идентичностей;
- в-третьих, виртуальная идентичность связана с социальным сравнением, приводящим зачастую к заниженной самооценке пользователя и желанию соответствовать определенным стереотипам, социальным моделям;
- в-четвертых, идентичность характеризуется потребностью в «других», это стремление к унификации и однообразию поведения, мыслей, чувств, ценностей, это стремление к подавлению индивидуальности;
- в-пятых, нахождение в виртуальном пространстве приводит к интегрированию человека с цифровыми технологиями и появлению гибрида «человек-виртуал».

Список литературы

1. Касавина Н.А. «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 4. С. 73-89.
2. Баева Л.В. Цифровой диалог в обучении: когнитивные, социальные, экзистенциальные особенности и риски // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 2. С. 439-453.
3. Иванов Д.В. Интернет-коммуникации как социальная рутина в российских мегаполисах // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 1. С. 97-116.
4. Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 53-63.
5. Платонова С.И. Большие данные и организация социального контроля в цифровом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 81-91.
6. Миронов В.В. Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 4-24.
7. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.
8. Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Сагикызы А. Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 487-499.
9. Погорелов Д.Н., Рыльская Е.А. Структура виртуальной идентичности как интегрального феномена // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14. № 3. С. 57-68.
10. Карпова М.К., Моница М.А. Социальные сети как особый канал самопре-

- зентации индивида // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 1 (21). С. 158-167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-osobyu-kanal-samoprezentatsii-individa> (дата обращения: 17.04.2023).
11. Фролова И.В. Сетевая идентичность современного человека: философская рефлексия // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С. 40-52.
 12. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти: Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020.
 13. Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 3-11.
 14. Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3-12.
 15. Бауман З. Индивидуализированное общество: Пер. с англ. М.: Логос, 2005.
 16. Пентленд А. Социальная физика. Как большие данные помогают следить за нами и отбирают у нас частную жизнь: Пер. с англ. М.: Аст, 2018.
 17. Urry J. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*. N.Y.: Routledge, 1999. 266 p.
 18. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford University Press, 2007. 301 p.
 19. Toly H. Notes on Cyber-Luddism // *Knowledge Cultures*. 2014. Vol. 2. No. 3. P. 155-188.
 20. Галкин Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // *Международный журнал исследований культуры*. 2012. № 3 (8). С. 11-16.

Сведения об авторе

Платонова Светлана Ипатовна – д-р филос. наук, доцент, г. Ижевск, Удмуртский государственный аграрный университет, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин

E-mail: platon-s@bk.ru

Platonova S. I.

SOCIAL IDENTITY IN A DIGITAL SOCIETY: PHILOSOPHICAL REFLECTION

***Abstract:** Digitalization of social processes leads to the transformation of socio-cultural phenomena, including social identity. The purpose of the article is to analyze the social identity of a modern person. The methodological basis of the research is a comparative analysis and the principle of enactivism, which asserts the co-emergence of new qualities in the interaction of man and reality. The article deals with the problems of the correlation of real and network identity, the influence of online platforms and digital technologies on the formation and transformation of social identity. The formation of a virtual human, cyborg as*

a symbiosis of living and machine, natural and technical is discussed. The theories of network identity are analyzed and compared. A number of theories speak about the complement of real and network identity, about the «digital double» of a real individual. Other theories consider multiple identities, disidentification of personality and the struggle of identities. The positive and negative sides of digital identity are shown. In general, digital identity is antinomic: one can distinguish such value contradictions as freedom/social control; individualization/collectivization; creativity/standardization. It is shown that the formation of identity is largely controlled by large online platforms that use big data analytics, manipulative strategies that push users to a certain model of behavior, consumption and form values and meanings. Digital identity is characterized by the need for «others», it is the desire for unification and uniformity of behavior, thoughts, feelings, values, it is the desire to suppress individuality. It is concluded that digital technologies should take into account anthropological vulnerability and meet human needs and capabilities.

Keywords: digital society, social identity, virtual identity, virtual person.

References

1. Kasavina N.A. «Digital existence»: cifrovoj povorot v ponimanii chelovecheskogo by`tiya [“Digital existence”: a digital turn in the understanding of human being] // Cifrovoj ucheny`j: laboratoriya filosoфа. 2020. T. 3. № 4. P. 73-89.
2. Baeva L.V. Cifrovoj dialog v obuchenii: kognitivny`e, social`ny`e, e`kzistencial`ny`e osobennosti i riski [Digital dialogue in learning: cognitive, social, existential features and risks] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Filosofiya. 2022. T. 26. № 2. P. 439-453.
3. Ivanov D.V. Internet-kommunikacii kak social`naya rutina v rossijskix megapolisax [The Internet Communication as Social Routine in Russian Metropolitan Areas] // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2022. T. 13. № 1. P. 97–116.
4. Leshkevich T.G. Chelovek-virtual i peredacha kul`turny`x cennostej pokoleniyu e`poxi cifry` [The Virtual Person and Transmitting Cultural Values to the Digital Generation] // Voprosy Filosofii. 2022. № 3. P. 53-63.
5. Platonoba S.I. Bol`shie danny`e i organizaciya social`nogo kontrolya v cifrovom obshhestve [Big Data and the Organization of social control in the digital society] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2022. № 4. P. 81-91.
6. Mironov V.V. Platon i sovremennaya peshhera big-data [Plato and the modern cave of big data] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. 2019. T. 35. Vy`p. 1. P. 4–24.
7. Castells, M. Vlast` kommunikatsii [Communication power]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2016.
8. Kurganskaya V.D., Dunaev V.Yu., Sagikyzy A. Fenomen identichnosti v social`nom konstruirovanii virtual`noj real`nosti [The phenomenon of identity in the social

- construction of virtual reality] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosophiya i konfliktologiya. 2022. T. 38. Vy`p. 4. P. 487–499.
9. Pogorelov D.N., Rylskaya E.A. Struktura virtual`noj identichnosti kak integral`nogo fenomena [Virtual Identity as an Integral Phenomenon] // Psixologiya. Psixofiziologiya. 2021 T. 14. №. 3. P. 57–68.
 10. Karpova M.K., Monina M.A. Social`ny`e seti kak osoby`j kanal samoprezentacii individa [Social networks as a special channel for self-presentation of an individual] // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2018. T. 6. № 1 (21). P. 158-167. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-osobyi-kanal-samoprezentatsii-individa> (accessed 17 April 2023).
 11. Frolova I.V. Setevaya identichnost` sovremennogo cheloveka: filosofskaya refleksiya [Network identity of modern man: philosophical reflection] // Cennosti i smy`sly`. 2018. № 2 (54). P. 40-52.
 12. Zuboff S. Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushhee na novykh rubezhakh vlasti [The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]. Moscow: Izdatel`stvo Instituta Gaydara, 2020.
 13. Sanina A.G. Genezis idei identichnosti v sociologii i smezhny`x naukax [The genesis of the idea of identity in sociology and related sciences] // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. № 12. P. 3-11.
 14. Rezaev A.V., Starikov V.S., Tregubova, N.D. Sociologiya v e`poxu «iskusstvennoj social`nosti»: poisk novy`x osnovanij [Sociology in the age of ‘Artificial Sociality’: search of new bases] // Sociologicheskie issledovaniya. 2020. № 2. P. 3-12.
 15. Bauman, Z. Individualizirovannoe obshhestvo [The Individualized Society]. Moscow: Logos, 2005.
 16. Pentland A. Social`naya fizika. Kak bol`shie danny`e pomogayut sledit` za nami i otbirayut u nas chastnuyu zhizn` [Social Physics. How Social Networks Can Make Us Smarter]. Moscow: ACT, 2015.
 17. Urry J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. NY: Routledge, 1999.
 18. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford University Press, 2007.
 19. Toly H. Notes on Cyber-Luddism // Knowledge Cultures. 2014. № 2 (3). P. 155-188.
 20. Galkin D.V. Digital Culture: metodologicheskie voprosy` issledovaniya kul`turnoj dinamiki ot cifrovy`x avtomatov do texno-bio-tvarej [Digital culture: Methodological Issues of Cultural Dynamic Research: From Digital Automatic Machines to Technical-biocreatures] // Mezhdunarodny`j zhurnal issledovanij kul`tury`. 2012. № 3(8). P. 11-16.

Platonova Svetlana Ipatovna – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Izhevsk, Udmurt State Agricultural University, Full Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines.

E-mail: platon-s@bk.ru

УДК 165.4

СПОСОБЫ И ГРАНИЦЫ ПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ГАУДИЯ-ВЕДАНТЕ

Попов Д. Н.

Аннотация: Данная статья реконструирует теорию познания гаудия-веданты в контексте современных проблем эпистемологии, комбинируя исторический и проблематический подходы. Специфика теории познания гаудия-веданты определяется методологией стратификации реальности по отношению к европейской философии и особой формой теоцентричности с акцентом на эстетику внутри индийской философии. В результате исследования удалось выявить соотносительность уровней стратификации познания в рамках проблем обоснования знания, способов познания, статуса свидетельства и уровней знания. Обоснованность через надежность (релейбилизм) средств познания (прамāна) соотносится с доверием к свидетельству (кредуализм) и метатеоретическим уровнем знания (цабда). Обоснованность через очевидность (эвиденциализм) опыта субъекта (прамāтр) соотносится со сведением свидетельства к восприятию (редукционизм) и эмпирическим уровнем знания (пратйакша). Проблема ограниченности человеческого познания в гаудия-веданте решается за счет теистического осмысления свидетельства и необходимости эмоциональной трансформации для доступа к откровению.

Ключевые слова: гаудия-веданта, обоснование, способы познания, свидетельство.

Актуальность исследования теории познания гаудия-веданты¹ может быть продиктована общим интересом к нестандартным формам философствования и поиском вариантов решения существующих проблем познания, таких, как обоснованность знания, способы познания, уровни знания и ограниченность человеческого познания. Кроме того, в области индийской философии гаудия-веданта является последним широким самостоятельным ответвлением, получившим распространение за пределами Индии, но пока недостаточно исследованным. Экзальтированный акцент гаудия-веданты на учении бхакти, поклонения Божественному, в форме широкой поэтической литературы послужил большим вкладом в объединение Индии на основе идеи бхакти, а также

¹ Из существующих вариантов названия философской школы, таких, как бенгальский вайшнавизм (В.С. Ватман, Ф. Сарделла, К. Окита), гаудия-вайшнавизм (Л. Вонг, Дж. Эдельман), вайшнавизм Чайтаньи (Caitanya Vaiṣṇavism) (Дж. О'Коннелл, Н. Дельмонико, Г. Швейг, В.В. Останин), гаудия-веданта (А. Ускоков), веданта-вайшнавизм Чайтаньи (Chaitanya Vaishnava Vedanta) (Р. Гупта), веданта гаудия-вайшнавизма (Gaudiya Vaishnave Vedanta) (Г. Стапп), веданта-вайшнавизм Бенгалии/Дживы/Чайтаньи (М. Брахмачари/Д. Гупта), гаудия-веданта была выбрана из соображений краткости; для различия религиозной и философской составляющей учения; так как оно не связано только с одним автором или местностью; для одновременной отсылки не только к местности возникновения и этносу, но также и основательно и главному аспекту почитаемого Божества [1].

преодолению кастовых предрассудков и интереса к человеку как к личности [2, с. 4–5].

Главным исследованием гаудия-веданты в отечественной литературе считается монография В.С. Ватмана «Бенгальский Вайшнавизм» [2]. Она включает в себя небольшую главу, посвященную теории познания, однако рассматривает только средневековых авторов и не содержит проблематической оценки. На данную монографию опираются статьи В.Б. Сокола, в которых произведен компаративный анализ гносеологии гаудия-веданты и феноменологии Э. Гуссерля [3]. В зарубежной литературе особо стоит отметить статьи по теории познания гаудия-веданты Дж. Эдельманна [4], А. Ускокова [5] и Л. Вонга [6].

В данной работе мы будем опираться на подход «всемирная философия», разработанный А. Шопенгауэром, П. Дойссеном, С. Радхакришнаном, Ф.И. Щербатским, В.К. Шохиним, согласно которому понятия и идеи философий разных культур могут быть приблизительно соотнесены с учетом культурных особенностей опыта и смысловых ассоциаций. В данном исследовании будет использоваться совмещение исторического и проблематического подхода для преодоления проблемы культурно-философской замкнутости. Как отмечают Р.В. Псху и А.В. Парибок, для обогащения философий различных культур необходимо преодолеть институциональный раздел творческого философского исследования и интереса к отдаленному культурному наследию [7]. Поэтому для плодотворного исследования философии неевропейских культур мы будем руководствоваться современными проблемами, гибко обращаясь с различными контекстами, выделяя общие области смысловых полей.

Если рассматривать особенности индийской философии, которые могли бы нам представить новый ракурс на теорию познания, то в первую очередь нужно обратить внимание на ее склонность к недвусмысленным моделям логики, по типу тетралеммы. В целом более агональный, соревновательный характер индийской философии, согласно исследованию В.К. Шохина, привел к стратификационным подходам к реальности, причем, по крайней мере, на тысячу лет раньше других [8, с. 8]. В традиции адвайты у данного метода выделения разных уровней реальности в рамках одной проблемы закрепилось название «саманвая-вьякхья» (интерпретация синтеза) [9, с. 50].

Второй особенностью является теоцентричность. Максимальное развитие данный аспект получил в гаудия-веданте. Это связано с дуалистическим и персоналистическим характером данного ответвления веданты вкуче с развитым теозстетическим синтезом ее учения бхакти [10]. Под теозстетическим синтезом в данном случае подразумеваются труды основателей учения гаудия-веданты Рупы и Санатаны Госвами (15–16 вв.). Вдохновленные идеями своего учителя Шри Кришна Чайтаны, они ввели в анализ духовного опыта в рамках персоналистического направления веданты понятийный инструментарий индийской поэзии и театра (кāvya, nāṭya-śāstra). Также данная эстетизация сопровождается диалектической схемой, некоторым кодом традиции, являющимся условием персоналистического эстетического обмена. Джива Госвами назвал ее ачинтья-бхеда-абхеда таттва, непостижимое отличие и единство, которое применяется во всех стратификационных вопросах соотношения противоположностей: части и целого,

источника и энергии, причины и следствия, личного и безличного, природного и сверх-природного и т.д. [2, с. 152–153]. Как показывают исследования индийской математической традиции, в рамках индийской философии теологические аспекты философской системы непосредственно влияют на ее характер познания [11].

Обоснование знания

В индийской философии каждая школа обосновывала свое учение через доказательство эффективности своих способов познания (прамāна), поэтому, как утверждает В.Г. Лысенко, экспозиция философии в Индии начинается именно с теории познания [12, с. 11]. Основой теории познания (прамāна-таттва) гаудия-веданты послужили работы Дживы Госвами (16 в.), который написал первые труды гаудиев в контексте индийской философии того времени. Джива Госвами начинает свой труд об Абсолюте с теории познания гаудия-веданты в Таттва-сандарбхе, первой из шести частей его фундаментального труда, а также более подробно в комментарии под названием Сарва-самвадини (далее СС для указания номера текста) [13, р. 243–358]. В проблеме познания Джива опирается, как и все представители веданты, на школу ньяи. В комментарии к Ньяя-сутрам приводится следующее определение познания: «инструментальная причина истинного знания» (прамāна — прамā-караṇа) [14, с. 151]. Прама – истинное знание, в 7 сутре определяется как «смысл, совпадающий с реальностью» (йатхрātхāнубава) [14, с. 151].

Поэтому для гаудия-веданты знание не является мнением, убеждением, возникшим на основе психологических факторов: эмоций, предрассудков, желаний, предрасположенности. Знание зависит от способа его получения. Случайное истинное мнение: мне так казалось – оно так и получилось, как в проблеме Геттиера, не является знанием. Чтобы убеждения считались знаниями, необходимо, чтобы они были получены достоверным способом. Такое понимание способа познания или источника знания является актуальным в современной теории познания [15] и точно охватывает проблему праманы в индийской философии [16]. Как отмечает Джива Госвами, истинное знание может быть получено из обычного источника, не имеющего абсолютного авторитета (сāmвй-явахāрика). Но это не доказывает, что данное средство познания авторитетно (СС 29).

Однако нельзя отнести позицию гаудия-веданты к обоснованности знания через надёжность внешних способов его получения, экстерналистскому релейбилизму. Синтетический стратификационный подход веданты, принимает также и обоснованность знания через очевидность непосредственного опыта или позицию интерналистского эвиденциализма. Например, В.Б. Сокол сопоставляет гносеологию Дживы Госвами с феноменологией, которая рассматривает обоснование через очевидность внутренних переживаний, личного опыта [3]. Позиция обоснованности через надёжность способа (релейбилизм) апеллирует к наличию знания без его понимания у агентов без эпистемических добродетелей, например у детей. Позиция обоснованности через очевидность опыта (эвиденциализм) апеллирует к наличию самообоснования знания в рамках внутреннего опыта субъекта, обозначаемого термином «праматри» в индийской философии. Синтез двух подходов мы можем увидеть в гаудия-веданте в образе мудреца, опи-

рающегося для решения новой проблемы на достоверные источники и одновременно на внутреннее ощущение уполномоченности свыше на правильное различение ситуации (тат-прабхāва-лабдха-пратйакша-вишешавадбхир) (СС 37). Теоэстетический акцент гаудия-веданты делает принцип эвиденциализма даже выше релейбилизма в вопросах применения знания в новых условиях, связывая возможность их решения с особой эстетической чувствительностью к опыту в рамках субъект-объектных отношений. Данный аспект развил Бхактисиддханта, теоцентрически переосмыслив концепцию Шанкары дрк-дршйа-вичара [17].

Способы познания

Джива Госвами далее перечисляет десять основных способов познания (прамāна), обсуждаемых в индийской философии. Автор дает им самые общие определения и не касается дискуссий по данному вопросу. Баладева Видьябушена (18 в.), главный комментатор Дживы Госвами, в первой главе «Веданта-сьямантаки» [18, с. 3], посвященной эпистемологии, рассматривает стратификацию способов познания по школам индийской философии. Стратификационный подход не отбрасывает ни один из вариантов ответов на поставленный вопрос, но располагает эти ответы в соответствии с уровнем реальности. Сатьянараяна комментирует, что хотя Джива, также как и в классической веданте, делает акцент на трёх главных способах, но принимаются и все остальные [19, с. 57]. В то же время гаудия-веданта стратифицирует способы познания особым образом по степени самостоятельности, расширяя и преобразуя их содержание согласно своей онтологии, как будет показано далее. Наиболее достоверными, самостоятельными в нашем опыте, как заключает Баладева, являются восприятие, логическое суждение и свидетельство [18, с. 11]. Остальные способы познания включаются в их сочетание.

В современной философии, согласно Стэнфордской энциклопедии, выделяются пять способов познания: восприятие, интроспекция, память, разум, свидетельство [15]. С позиции предпосылок и задач гаудия-веданты интроспекцию и память можно включить в восприятие. Источник познания в форме разума опирается на независимые от опыта структуры разума, то есть истины логики, математики и геометрии. Такое понимание соответствует общему определению гаудия-веданты, благодаря которому все остальные логические способы познания подчиняются рассуждению (анумāна).

Соотношение способов познания: статус свидетельства

Главным вопросом стратификации способов познаний для гаудия-веданты как в 18, так и в 20 веке станет соотношения трех самостоятельных способов познания (прамāна). Можно указать, что похожие способы познания рассматриваются в русской философии всеединства, начиная с В.С. Соловьева [20]: эмпирический, рациональный и мистический (религиозное откровение). Также И. Берлин разделяет способы или источники познания на три типа, в соответствии с тремя типами вопросов: формальные или теоретические, эмпирические и философские [21]. В 19–20 вв. такие же сопоставления применяли гаудии. В «Таттва-вивеке» Бхактивинода Тхакур (19 в.) рассматривает позитивизм О. Конта и Дж.С. Милль как пример эмпиризма, отвергающего все остальные средства познания, и потому ограниченного и вовсе не позитивного (ком. к тексту 1.5–8)

[22]. Бхактисиддханта (19–20 в.) писал статьи с критикой эмпиризма [23]. Бхактиведанта (20 в.) в своих размышлениях о философии Декарта ставил рационалистов выше эмпиристов, так как им доступны суждения о сверхчувственном [24, р. 141]. Однако, как отмечает В.Г. Лысенко, с позиции истории философии мы не можем найти точных аналогов эмпиризму и рационализму в индийской философии [12, с. 12]. Они могут характеризовать позиции индийских школ в аспекте способов познания, но не совпадают в вопросе врожденных идей, так как концепция самскар, впечатлений в уме, не несет познавательного аспекта, а существование объективных идей не противоречит их чувственной познаваемости [12, с. 14–15]. Поэтому понятия эмпиризма и рационализма нужно понимать в данном ограниченном контексте.

Важным аспектом соотношения способов познания является критика способности рассуждения. Баладева в «Говида-бхашье» (2.1.12) рассматривает вопрос, почему рассуждение, не может иметь наибольшее значение. С помощью только рассуждений нельзя прийти к определенному основанию. Поэтому мыслители приходят к разным описаниям одного объекта, например, атома, в зависимости от школы [25, р. 237–238]: для вайшешики (Канада) и ньяи (Гаутама) атомы существуют постоянно, для буддистов моментально (вайбхашики (Сангабхадра) – объективно; йогачары-виджнянавадины (Йогашастра) – когнитивно; мадхьямики (Нагарджуна) – контингентно, пустотно). Также эмпирист Д.Беркли выступал с критикой рационалистов в трактате «О движении», на примере понятия силы у Ньютона и Лейбница [26, с. 384–385]. То есть рассуждение с одинаковыми исходными все равно может приводить к разным результатам.

Демонстрация ограниченности нашего опыта является самой частой темой для гаудиев: это пространственная, временная, субъективная, человекообразная ограниченность (СС 18). В дополнение к этому опыт можно по-разному описать, интерпретировать в форме причин и следствий: дым над горой можно перепутать с туманом или дым может оставаться после уже потушенного пожара (СС 20–21). Реальная жизнь сложнее геометрического пространства и не может быть строго однозначно категоризирована. В итоге, как и подчеркивается в гаудия-веданте, теория и опыт взаимно проникают друг в друга, и это сохраняет возможность ошибки несмотря на формальную точность рассуждений (вйабхичāре сама-вйаптāу) (СС 22).

Главной задачей в соотношении способов познания для гаудиев является защита особого статуса свидетельства. Например, к уровню стратификации школ, которые не принимают свидетельство как способ познания можно отнести буддизм, как это делает Сатьянараяна, расширяя стратификацию Баладевы [19, р. 57]. Буддисты школы йогачары (Дигнага, 5–6 вв.) отрицали самостоятельность свидетельства как источника познания (кроме высказываний Будды, как отмечал мимасак Кумарила), так как доверие возникает не к утверждению, а к человеку, то есть выводу о его достоинстве или описываемому факту (восприятию факта) [27, с. 56]. В современной философии данную проблему познания можно отнести к дискуссии о самостоятельности свидетельства, где сталкиваются два подхода: редуктивный и нередуктивный. Буддизм можно отнести к редуктивному подходу к свидетельству. Данный подход более распространен в европейской философии,

начиная с трудов эмпириста Д. Юма и критического подхода И. Канта [28, с. 305]. Важно отметить, что близкая редуктивная позиция к свидетельству в философии Юма и буддизма (в особенности аргументов из раздела абхидхармы), имеет вероятность быть результатом непосредственного знакомства Юма с данными разделами буддистского учения. Как показала Э. Гопник, Юм мог узнать аргументы буддийского скептицизма в 1723–1740 гг. от иезуита Королевского Колледжа Ч. Доула, с которым он общался лично и вел переписку [29]. Редуктивный подход, с учетом данных обстоятельств, имеет и исторические пересечения. Его позиция заключается в том, что все знание, полученное через свидетельство, может быть редуцировано к познанию через восприятие, индивидуальный опыт и поэтому является вторичным. Для доверия свидетельству должны быть дополнительные причины, включающие проверку личности свидетельствующего [28, с. 305].

Родоначальником нередуктивного подхода, или кредулизма, то есть доверительного отношения к свидетельству, в европейской традиции является Т. Рид с его теорией здравого смысла. В отсутствии основания для сомнений у нас есть обоснованное право доверять свидетельству говорящего. Мы ограничены и не обладаем как информацией, для достаточного основания к каждому свидетельству, так и достаточными возможностями, для независимой перепроверки всех полученных от других сведений. Так, Д. Чалмерс и Э. Кларк в теории расширенного сознания говорят о взаимосвязи познания всех членов сообщества и обоснованности доверия к свидетельству других, наравне с собственной памятью, записной книжкой и смартфоном [30, р. 17]. Теория расширенного познания также имеет параллели в индийской философии и свои онтологические основания в веданте [31].

Современные кредуалисты приводят аргумент от особенности детского взросления. Джива Госвами также апеллирует к тому, что человек не может не принимать авторитет, так как в детском возрасте он не может лично проверить знания на опыте (на *вйавахāра-сиддхи*), получаемом от взрослых (СС 25). Однако в детстве человек набираемся некоторых стереотипов, которые в ситуациях сложных процессов не срабатывают. Джива Госвами приводит пример диагностики и лечения заболеваний (СС 18, 23). Также приводится пример особых специфических свойств редких материалов: соотношение твердости алмаза и железа (СС 22). Тут необходимо свидетельство специалиста, принятие неочевидной модели реальности. В современной философии Э. Фрикер различает два вида доверия: 1) доверие к другому равному, просто обладающему для меня ценной информацией, например, что происходит в соседней комнате; 2) доверие к эксперту, обладающему превосходящими знаниями относительно меня [32]. Доверие к эксперту наиболее оправдано, так как в сложных областях я даже не смогу оценить аргументов в пользу той или иной позиции, и даже имея талант к познанию в данной сфере, у меня может не хватить времени или интереса. Таким способом утверждается особый статус свидетельства.

Способы познания и уровни знания

Кроме того, свидетельство, выражаемое в речи, доступно только для человека, в отличие от других способов познания, оно может предполагать устройство самой ре-

альности за пределами человеческого знания (парамартха-прамапакам) (СС 25). В этом смысле самостоятельность свидетельства относительно выше в рамках повседневного опыта, так как может выходить за его пределы. Все остальные способы познания, как более самостоятельные, так и менее, будут неизбежно дополнять свидетельство (СС 24).

Особый статус свидетельства как фундаментальной основы знания можно обнаружить в индийской философии в целом. Например, Патанджали-йога-сутра (1.9) определяет функцию ментального конструирования (викалпа) не просто через отсутствие референта, но и через источник знания в форме свидетельства [33, с. 90]. Вьяса комментирует Патанджали: «Однако и при отсутствии референции, [то есть объективной основы], его применение представляется зависимым от авторитетности вербального знания» [33, с. 90]. Таким образом, мы видим, что абстрактные объекты напрямую увязываются со свидетельством (шабдой). Также в комментарии к Ньяя-сутрам (1.1.39) Ватьсяна устанавливает соответствие между частями доказательства (аваява) и способами познания, которым размечает различные уровни обоснования со свидетельством на базовом уровне тезиса [14, с. 174]. В целом, как подытоживает В.Г. Лысенко, проблема соотношения способов познания в индийской философии решалась через разделения сфер познания: восприятие – непосредственное знание, рассуждение – невоспринимаемое в данных условиях, свидетельство (особенно в значении откровения) – трансцендентное, принципиально невоспринимаемое [12, с. 15].

В качестве примера осмысления свидетельства как источника невоспринимаемого знания в гаудия-веданте можно привести статью Бхактисиддханты Сарасвати (19–20в.), где он рассматривает причины принятия людьми того или иного философского учения, его фундаментальных посылок [цит. по: 34]. Причиной выбора того или иного свидетельства о невоспринимаемом является природа (пракрти) и внутренние желания человека (ручи), что согласуется с текстами Бхагавата Пураны (11.14.8–9). Бхактисиддханта подчеркивает невозможность человеку не придерживаться никакой традиции (сампрадаи): «Некоторые люди,... не стесняются прославлять себя, говоря о себе как о «не-сектанте», не принадлежащем ни к какой сампрадае... Но в конечном итоге они сами оказываются заключенными в узкие рамки словаря, находящегося вне традиции (асампрадайка), и ограниченные скобками своих же собственных рассуждений» [цит. по: 34]. Поэтому люди принимают одну из традиций с ее откровениями согласно своей природе или создают новую: «...для устранения противоречий (виродха-парихара) и для достижения желаемого совершенства, существует необходимость в общении с теми, кто имеет подобные нам устремления и желания (сва-джати-ашайа), а также расположены к нам. В зависимости от различий во вкусах (ручи) обязательно будет возникать необходимость в создании сампрадаи» [цит. по: 34]. Так в гаудия-веданте подчеркивается особая специфика свидетельства (шабда-прамапы) как особого уровня знания.

Таким образом, подобно тому, как в современной теории познания выстраиваются иерархии убеждений в фундаменталистской структуре познания, в веданте структурируются также и сами источники знания по уровням. Согласно С.А. Лебедеву, мы можем выделить три уровня научного знания: эмпирический, теоретический и метатеоретиче-

ский [35]. Соответственно мы можем соотнести восприятие (пратйакша) с источником эмпирического уровня знания, рассуждение (анумāна) – теоретического, и свидетельство (шабда) – метатеоретического. Согласно анализу С.А.Лебедева, данный подход также является оправданным на основании критериев истинности с разными уровнями знания: каждый уровень имеет собственный критерий и, следовательно, источник [36]. Метатеоретический уровень знания, с одной стороны, является базовым для остальных, а также независимым, что соответствует специфике свидетельства в гаудия-веданте.

Однако, несмотря на столь высокий статус свидетельства, мы не можем свести позицию гаудия-веданту чисто к защите свидетельства как источника познания или кредуализму. Как отмечает В.Г. Лысенко, что почти все индийские школы философии можно назвать эмпиристическими в смысле убежденности в чувственном происхождении всего знания [12, с. 14]. Данное утверждение можно приложить и к гаудия-веданте. Так Джива Госвами (16 в.), описывая восприятие мудреца (ваидушйа-пратйакша), говорит о том, что оно является основой для авторитетного свидетельства (шабдасйа апи тан-мўлатват ча) (СС 16). Здесь как раз подразумевается особый вид восприятия, характерный для индийской философии – сверхчувственное восприятие [12, с. 15]. Бхактивинода Тхакур (19 в.) также в одном из своих ранних произведений, «Датта-каустубха» (1873), описывал только два достоверных способа познания: восприятие и логическое рассуждение [37, р. 6–8]. Он также выделяет две основы для восприятия и рассуждения: чувства и дух. Свидетельство Бхактивинода определяет как восприятие и рассуждение, полученные от других. Поэтому гаудия-веданту можно также рассмотреть и как редукционистов по отношению к свидетельству, но уже на сакральном уровне стратификации познания, на уровне духа (парамāртха). Как показывают исследования Л. Вонга и Дж. Эдельманна, данная редукционистская позиция гаудия-веданты существенно отличается от модернистской позиции философов Бенгальского возрождения, придающей одинаковый статус любому откровению с возможностью его эмпирической проверки [4; 6]. Можно добавить, что даже Джива Госвами спустя десять стихов приводит обратное утверждение: мы не можем принять чувственную основу свидетельства (шабдасйа пратйакшāвагамйатвена), так как тогда оно потеряет свой независимый статус (СС 26). Бхактивинода Тхакур в поздней работе «Даша-мула-таттва» пишет о ведущей роли свидетельства против восприятия и рассуждения [38, р. 23–32]. Однако это не является противоречием, а спецификой применения стратификации познания у гаудиев. Данные уровни различаются по способу обоснования и уровню знания. Доверие к свидетельству (кредуализм) относится к обоснованию через надежность внешнего способа познания (экстерналистский релейбилизм) и к теоретическому и метатеоретическому уровню знания. Сведение свидетельства к другим способам познания (редукционизм) относится к обоснованию через очевидность внутреннего опыта (интерналистский эвиденциализм) и к эмпирическому уровню знания.

Ограниченность обыденного свидетельства

Несмотря на то, что доверие к свидетельству авторитета оправданно, это еще не означает, что оно приведет к истинному знанию. Попытка достижения объективного знания за счет обыденной коммуникации (бахўнам пратйакша) согласно Дживе Госва-

ми, не достигает успеха из-за невозможности всеобщего восприятия и вероятности заблуждения локальной группы людей (СС 18). В реальной жизни невозможно избежать ошибок в познании. Уже школа ньяи приходит к тому, что для конечного существа достижения истины невозможно [27, с. 68]. Мы должны довольствоваться практической ценностью нашего знания, что в некоторой степени говорит о его адекватности. В итоге мы приходим к ограниченности познания человека, то есть фаллибилизму в повседневном знании. Джива Госвами в Таттва-сандарбхе (9) приводит четыре недостатка человеческой природы, ограничивающих его познание [13, р. 25–26]. Согласно А.Ускокову, первые три недостатка относятся к восприятию и рассуждению [5, р. 69–70]: 1) путаница (бхрама), например куклы с человеком; 2) невнимательность (прамада); и 3) ограниченность чувств (каранпаатава). Четвертый недостаток – склонность к обману (випралипса), относиться к свидетельству, но не так фатален, как предшествующие. Таким образом, любое познание реальности человеком ограничено.

Для преодоления этой ограниченности Джива Госвами переосмысляет понятие шабда, свидетельство в сакральном смысле (СС 26). Шабда не может быть определена как речь (вачаха) свободная от недостатков (брахмади рахитам), так как все люди думают о своем знании как безошибочном, что приводит к необходимости выяснять относительную ценность различных мнений. Поэтому, чтобы обойти человеческие недостатки, сакральное свидетельство должно иметь нечеловеческий источник, быть откровением Абсолюта. Джива Госвами выделяет следующие критерии откровения: 1) содержит знания обо всем и тот, кто поймет его, станет ученым во всех вопросах; 2) универсальная мудрость, очищающая остальные способы познания; основа всего традиционного знания; 3) самопроявлено с начала времен и вне времени; 4) не имеет автора; 5) проявляется в каждый цикл творения; 6) его авторитет принимают по милости Бога (тат-крпайа) и известно как Веды (СС 27). Гаудия-веданта стремится показать, что корнем всего познания является свидетельство (шабда) в сакральном смысле, а точнее свидетельство Бога, или воплощенный в слове Бог (шабда-брахма) [2, с. 74]. Абсолют раскрывает Себя человеку через свидетельство священных писаний. Поэтому для понимания свидетельства необходимо вступить в отношения с Абсолютом, получить от Него полномочия (тат-прабхавалабдха) (СС 37). Первый шаг в процессе эстетического становления отношений между Абсолютом и человеком называется в гаудия-веданте путем преданности (шарангагати) [38].

Выводы

Итак, в работе была рассмотрена специфика и актуальность решения проблемы обоснованных способов познания и ограниченности человеческого знания в гаудия-веданте с реконструкцией в рамках проблем современной философии. Главная особенность гаудия-веданты – сочетание стратификации реальности и теозстетика. Поэтому обоснованность знания поэтому можно реконструировать, с одной стороны, через надежность внешних источников знания (экстерналистский релейбилизм, прамана-таттва), и через непосредственный личный опыт (интерналистский эвиденциализм, праматри-таттва). В вопросе количества обоснованных способов познания гаудии с одной

стороны ценят специфику каждого, с другой стороны, выделяют как наиболее самостоятельные и независимые три способа: свидетельство, восприятие и рассуждение. Среди них главным поднимается вопрос об обоснованности свидетельства. В рамках данной проблемы мы можем реконструировать стратификацию доверительного подхода к свидетельству (кредуализм), причем с различием в случае свидетельства другого, специалиста и откровения. Но на уровне сверхчувственного познания (парамартха) восприятие и опыт имеют большее значение и являются основой свидетельства, что предполагает редукционистскую позицию. Их соотношение становится возможным, если учесть разные уровни обоснования: свидетельство характерно для обоснования через надежность способа познания (релейбилизм), а сверхчувственное восприятие для обоснования через очевидность опыта (эвиденциализм). Кроме того, для гаудия-веданты важен аспект различия способов познания по уровням знания: свидетельство соотносится с метафизическим знанием (метатеоретическим), рассуждение – с теоретическим, а восприятие – с эмпирическим. Однако данные способы познания не дают человеку гарантии истинного познания из-за его ограниченности склонностью к ошибкам в познании. Позитивный вывод гаудия-веданта находит в сверхчеловеческом источнике фундаментального знания и переосмыслении свидетельства (шабды) в теозстетической перспективе свидетельства Бога знания для человека из своей любви к Нему.

Список литературы

1. Bhaktisiddhanta Sarasvati. Amrta Vani, Nectar of Instructions for Immortality. Touchstone Media, 2013.
2. Ватман, С. В. Бенгальский вайшнавизм / Под ред. С. В. Пахомова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2005.
3. Сокол, В.Б. Компаративный анализ феноменологии Э. Гуссерля и теистической веданты Дживы Госвами // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2011. № 8–1 (14). С. 183–188.
4. Edelman, J., Satyanarayana, D. When Stones Float and Mud Speaks: Scriptural Authority and Personal Experience in Javagosvamin's Sarvasamvadina. The Journal of Hindu Studies, 2014. P. 1–28. DOI:10.1093/jhs/hiu003.
5. Uskokov, A. Bengali Vaishnava Epistemology // Journal of Vaishnava Studies. Vol. 18 No. 1, 2009. P. 53–86.
6. Wong, L. Universalising Inclusivism—and Its Limits: Bhaktivinod and the Experiential Turn // Journal of South Asian Intellectual History, 2018. P. 221–263. DOI: 10.1163/25425552-12340002.
7. Парибок, А.В., Псху, Р.В. Методологические и содержательные аргументы против «понятийного европоцентризма» // Философские науки, 2019. Т. 62. № 6. С. 54–69. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-54-69.
8. Шохин, В.К. Стратификации реальности в онтологии адвайта-веданты. М., 2004.

9. Чаттопадхья, Д. От санкхьи до веданты. Индийская философия: даршаны, категории, история. Сфера, 2003.
10. Ватман, С. В. Понятие бхакти в текстах традиционных вишнуитских мыслителей // Вестник СПбГУКИ, № 2 (23) июнь, 2015. С. 48–54.
11. Останин, В.В., Суботялов, М.А. Надрациональный компонент традиции математиков в Индии // Философия науки, 2022. № 2 (93). С. 3–17.
12. Лысенко, В. Г. Чувственное и рациональное познание: Индия и Запад (принципы сравнительного анализа) // Философский журнал. 2010. №2 (5). С. 5–16.
13. Jiva Gosvami. Tattva-sandarbha with Sarva-samvadini. Translated and commented upon by Goriparanadhana Dasa. Vrindavan, Giriraja Publishing, 2013.
14. Ватьсьяяна. Ньяя-сутры. Ньяя-бхашья. Историко-философское исследование, пер. с санскрита и коммент. В.К.Шохина. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
15. Стап, М. Эпистемология // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д.Б. Волкова, В.В. Васильева, М.О. Кедровой. URL: <http://philosophy.ru/epistemology/> (дата обращения 29.03.23).
16. Филипс, С. (Phillips, Stephen). Эпистемология в классической индийской философии [электронный ресурс] // Стэнфордская философская энциклопедия/ пер. с англ. Канаева Наталия // Brick of Knowledge. 2019. URL:<https://brickofknowledge.com/articles/epistemology-in-classical-indian-philosophy> (дата обращения 29.03.23). (DOI: 10.34704/BKN.2019.01.001.2019.73.64.211)
17. Baladeva Vidyabhusana, Radha-Damodara Gosvami. Vedanta-syamantaka: With the Gloss of Baladeva Vidyabhusana. Translated by Demian Martins. India, 2019.
18. Bhakti Vikāsa Swami. The Seer and the Seen // Śrī Bhaktisiddhānta Vaibhava. The Grandeur and Glory of Śrīla Bhaktisiddhānta Sarasvatī Ṭhākura. Volume One. Gujarat, India, 2008. P. 173–186.
19. Jiva Gosvami. Tattva-sandarbha: first of the six Sandarbhas written by Jiva Gosvami. Translated and commented upon by Satyanarayana Dasa. Vrindavan, Jiva Institute for Vaishnava Studies, 2015.
20. Попов, Д.Н. Код России и методологическая специфика теории познания 21.Соловьева, В.С. // Международная конференция «Цивилизационные коды России (к столетию «Философского парохода»)». Санкт-Петербургский государственный университет, 17–18 ноября 2022 г. Материалы конференции / Отв.ред. Н.В. Кузнецов, А.Н. Сунами. СПб.: ООО «Сборка», 2022. С. 198–200.
21. Берлин И. Назначение философии // Вопросы философии, № 5, 1999. С. 91–98.
22. Śrīla Bhaktivinoda Ṭhākura. Tattva Viveka. Tr. by HH Bhanu Swami. Tattva Cintāmaṇi Publishing, 2020.
23. Bhaktisiddhanta Sarasvati (ed.). Empiricism versus religion // The Harmonist (Shree Sajjanatoshani). Vol. 28, no. 12, 1931. P. 353–356.
24. Bhaktivedanta Swami. Dialectic Spiritualism. Vedic Views of Western Philosophy. Prabhupada Books. Singapore, 1985.

25. The Vedanta-sutras of Badarayana with the commentary of Baladeva. Tr. by Rai Bahadur Srisa Chandra Vasu. Second Indian Edition, 1979.
26. Беркли, Д. О движении, или о принципе и природе движения и о причине сообщения движений/ Пер. с англ. Под ред. И.С. Нарского. М., Мысль, 1978.
27. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 1–2 / Пер. с англ. М.: МИФ, 1993.
28. Каримов, А.Р. Эпистемология добродетелей: научная монография. СПб.: Алетейя, 2019.
29. Gopnik, A. Could David Hume Have Known about Buddhism?: Charles François Dolu, the Royal College of La Flèche, and the Global Jesuit Intellectual Network // Hume Studies, Volume 35, Number 1&2, 2009. P. 5–28.
30. Clark, A., Chalmers, D. The extended mind // Analysis, no 58:1, 1998. P. 7–19.
31. Попов, Д. Philosophy of Biology: Enactivism and Vedanta // Proceedings of the International Conference on «Science and Philosophy in Indian Knowledge System» (Ed. Rohit Omar, Rishi Mohindru, Karan Chandra, Suresh Bhalla). Delhi: Noida International University, 2022. P. 228–236.
32. Fricker, E. Testimony and epistemic authority // The epistemology of testimony. Edited by Jennifer Lackey, Ernest Sosa, 2006. P. 225–250.
33. Классическая йога («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья») / Пер. с санскр., введ., коммент. и реконструкция системы Е.П. Островской и В.И. Рудого. М.: Наука, 1992.
34. Перун, К. Явление Шри Ямуначарьи и немного о важности сампрадаи. URL: <https://brijabasidas.wordpress.com/2016/07/18> (дата обращения 29.03.23).
35. Лебедев, С.А. Уровни научного знания // Вопросы философии, 2010. № 1. С. 62–75.
36. Лебедев, С. А. Истинность уровней и видов научного знания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки, 2020. № 4. С. 87–94. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-87-94.
37. Bhaktivinod, Kedarnath Datta. Datta-kaustubham. 2nd edition. Calcutta: Gaudiya Mission, 1942.
38. Bhaktivinoda Ṭhākura. Daśa-mula-tattva. Translated by Sarvabhavana Dāsa. Rasbihari Lal & Sons. Vrindavan, 2009.
39. Кришнадас Кавираджа. Чайтанья-чаритамрита. Bhaktivedanta Vedabase. URL: <https://vedabase.io/ru/library/cc/madhya/22/100/> (дата обращения 29.03.23).

Сведения об авторе

Попов Дмитрий Николаевич – к. филос. наук, г. Москва, Российский биотехнологический университет, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

E-mail: popovdник@gmail.com

Popov D. N.

MEANS AND LIMITS OF HUMAN KNOWLEDGE IN GAUDIYA-VEDANTA

Abstract: *This article reconstructs the gaudiya-vedanta epistemology in the context of modern epistemological problems, combining historical and problematic approaches. The specifics of the gaudiya-vedanta epistemology are determined by the methodology of the stratification of reality in relation to European philosophy and a special form of theocentricity with an emphasis on aesthetics within Indian philosophy. As a result of the study, it was possible to identify the correlation of the levels of stratification of knowledge within the framework of the problems of substantiation of knowledge, means of knowledge, the status of testimony and levels of knowledge. Validity through reliability (reliabilism) of means of knowledge (pramāṇa) correlates with trust in testimony (credulism) and the metatheoretical level of knowledge (śabda). Validity through evidence (evidentialism) of the subject's experience (pramātr) correlates with the reduction of testimony to perception (reductionism) and the empirical level of knowledge (pratyakṣa). The problem of the limitations of human knowledge in Gaudiya Vedanta is solved through the theistic understanding of testimony and the need for emotional transformation to access revelation.*

Keywords: *gaudiya-vedanta, justification, means of knowledge, testimony.*

References

1. Bhaktisiddhanta Sarasvati. Amṛta Vani, Nectar of Instructions for Immortality. Touchstone Media. 2013. 410 p.
2. Vatman, S. V. Bengal'skij vajshnavizm [Bengali Vaishnavism]. Pod red. S. V. Paxomova. SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 2005.
3. Sokol, V.B. Komparativny`j analiz fenomenologii E`. Gusserlya i teisticheskoy vedanty` Dzhivy` Gosvami [Comparative analysis of the phenomenology of E. Husserl and theistic Vedanta of Jiva Gosvami] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki, 2011. № 8–1 (14). P. 183–188.
4. Edelmann, J., Satyanarayana D. When Stones Float and Mud Speaks: Scriptural Authority and Personal Experience in Javagosvamin's Sarvasamvadina. The Journal of Hindu Studies, 2014. P. 1–28. DOI:10.1093/jhs/hiu003.
5. Uskokov, A. Bengali Vaishnava Epistemology // Journal of Vaishnava Studies. Vol. 18 No. 1, 2009. P. 53–86.
6. Wong, L. Universalising Inclusivism—and Its Limits: Bhaktivinod and the Experiential Turn // Journal of South Asian Intellectual History, 2018. P. 221–263. doi:10.1163/25425552-12340002.
7. Paribok, A.V., Pshu, R.V. Metodologicheskie i sodержatel'nye argumenty protiv «ponjatijnogo evropocentrizma» [Methodological and substantive arguments against

- «conceptual Eurocentrism») // *Filosofskie nauki*. 2019. T. 62. № 6. S. 54-69. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-54-69. P. 54-69.
8. Shokhin, V.K. Stratifikacii real'nosti v ontologii advajta-vedanty [Stratifications of reality in the ontology of Advaita Vedanta]. M., 2004.
 9. Chattopadh'jaja, D. Ot sankh'i do vedanty. Indijskaja filosofija: darshany, kategorii, istorija [From sankhya to Vedanta. Indian Philosophy: Darshanas, Categories, History]. Sfera, 2003.
 10. Vatman, S. V. Ponjatie bhakti v tekstah tradicionnyh vishnuitskih myslitelej [The concept of bhakti in the texts of traditional Vishnu thinkers] // *Vestnik SPbGUKI*, № 2 (23) ijun', 2015. P. 48–54.
 11. Ostanin, V.V., Subotjalov, M.A. Nadracional'nyj komponent tradicii matematikov v Indii [Suprational component of the tradition of mathematicians in India] // *Filosofija nauki*, 2022. № 2 (93). P. 3–17.
 12. Lysenko, V. G. Chuvstvennoe i racional'noe poznanie: Indija i Zapad (principy sravnitel'nogo analiza) [Sensory and rational cognition: India and the West (principles of comparative analysis)] // *Filosofskij zhurnal*. 2010. №2 (5). S. 5–16.
 13. Jiva Gosvami. Tattva-sandarbha with Sarva-samvadini. Translated and commented upon by Gopiparanadhana Dasa. Vrindavan, Giriraja Publishing, 2013.
 14. Vat's'jajana. N'jaja-sutry. N'jaja-bhash'ja. Istoriko-filosofskoe issledovanie, per. s sanskrita i comment [Nyaya-bhashya. Historical and philosophical research]. Shokhina V.K., M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 2001.
 15. Stap, M. Jepistemologija [Epistemology] // *Stjenfordskaja filosofskaja jenciklopedija: perevody izbrannyh statej / pod red. D.B. Volkova, V.V. Vasil'eva, M.O. Kedrovoj* URL: <http://philosophy.ru/epistemology/> (data obrashhenija 29.03.23).
 16. Filips, Stefan (Phillips, Stephen). Jepistemologija v klassicheskoj indijskoj filosofii [Epistemology in Classical Indian Philosophy] // *Stjenfordskaja filosofskaja jenciklopedija/ per. s angl. Kanaeva Natalija* // *Brick of Knowledge*. 2019. URL: <https://brickofknowledge.com/articles/epistemology-in-classical-indian-philosophy> (data obrashhenija 29.03.23). (DOI): 10.34704/BKN.2019.01.001.2019.73.64.211
 17. Baladeva Vidyabhusana, Radha-Damodara Gosvami. Vedanta-syamantaka: With the Gloss of Baladeva Vidyabhusana. Translated by Demian Martins. India, 2019.
 18. Bhakti Vikāsa Swami. The Seer and the Seen // Śrī Bhaktisiddhānta Vaibhava. The Grandeur and Glory of Śrīla Bhaktisiddhānta Sarasvatī Ṭhākura. Volume One. Gujarat, India, 2008. P. 173–186.
 19. Jiva Gosvami. Tattva-sandarbha: first of the six Sandarbhas written by Jiva Gosvami. Translated and commented upon by Satyanarayana Dasa. Vrindavan, Jiva Institute for Vaishnava Studies, 2015.
 20. Popov, D.N. Kod Rossii i metodologicheskaja specifika teorii poznaniya V.S. Solov'eva [The code of Russia and the methodological specifics of V.S. Solovyov's epistemology] // *Mezhdunarodnaja konferencija «Civilizacionnye kody Rossii (k stoletiju «Filosofskogo parohoda»)»*. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj

- universitet, 17–18 nojabrja 2022 g. Materialy konferencii / Otv.red. N.V. Kuznecov, Sunami, A.N. SPb.: OOO «Sborka», 2022. P. 198–200.
21. Berlin, I. Naznachenie filosofii [Appointment of Philosophy] // *Voprosy filosofii*, № 5, 1999. P. 91–98.
 22. Śrīla Bhaktivinoda Ṭhākura. *Tattva Viveka*. Tr. by HH Bhanu Swami. Tattva Cintāmaṇi Publishing, 2020.
 23. Bhaktisiddhanta Sarasvati (ed.). *Empiricism versus religion // The Harmonist (Shree Sajjanatoshani)*. Vol. 28, no. 12, 1931. P. 353–356.
 24. Bhaktivedanta Swami. *Dialectic Spiritualism. Vedic Views of Western Philosophy*. Prabhupada Books. Singapore, 1985.
 25. *The Vedānta-sūtras of Bādarāyana with the commentary of Baladeva*. Tr. by Rai Bahadur Srisa Chandra Vasu. Second Indian Edition, 1979.
 26. Berkli D, *O dvizhenii, ili o principe i prirode dvizhenija i o prichine soobshhenija dvizhenij [On motion, or on the principle and nature of motion and the reason for the communication of movements] / Per. s angl. Pod red. I.S. Narskogo. M., Mysl', 1978.*
 27. Radhakrishnan, S. *Indijskaja filosofija [Indian philosophy]. T. 1–2 / Per. s angl. M.: MIF, 1993.*
 28. Karimov, A.R. *Jepistemologija dobrodetel'ej: nauchnaja monografija [Epistemology of virtue: scientific monograph]. SPb.: Aletejja, 2019.*
 29. Gopnik, A. *Could David Hume Have Known about Buddhism?: Charles François Dolu, the Royal College of La Flèche, and the Global Jesuit Intellectual Network // Hume Studies, Volume 35, Number 1&2, 2009. P. 5–28.*
 30. Clark, A., Chalmers, D. *The extended mind // Analysis, no 58:1, 1998. P. 7–19.*
 31. Popov, D. *Philosophy of Biology: Enactivism and Vedānta // Proceedings of the International Conference on «Science and Philosophy in Indian Knowledge System» (Ed. Rohit Omar, Rishi Mohindru, Karan Chandra, Suresh Bhalla). Delhi: Noida International University, 2022. P. 228–236.*
 32. Fricker, E. *Testimony and epistemic authority // The epistemology of testimony. Edited by Jennifer Lackey, Ernest Sosa, 2006. P. 225–250.*
 33. *Klassičeskaja joga («Joga-sūtry» Patandžali i «V'jasa-bhaṣ'ja») [Classical yoga («Yoga Sūtras» of Patanjali and «Vyasa-bhāṣya»)] / Per. s sanskr., vved., komment. i rekonstrukcija sistemy E.P. Ostrovskoj i V.I. Rudogo. M.: Nauka, 1992.*
 34. Perun, K. *Javlenie Shri Jamunachar'i i nemnogo o vazhnosti sampradaji [The phenomenon of Sri Yamunacharya and a little about the importance of sampradaya]. URL: <https://brijabasidas.wordpress.com/2016/07/18> (data obrashhenija 29.03.23).*
 35. Lebedev S.A. *Urovni nauchnogo znanija [Levels of scientific knowledge] // Voprosy filosofii, 2010. № 1. S. 62–75.*
 36. Lebedev, S. A. *Istinnost' urovnej i vidov nauchnogo znanija [The truth of levels and types of scientific knowledge] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki, 2020. № 4. S. 87–94. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-87-94.*

37. Bhaktivinod, Kedarnath Datta. Datta-kaustubham. 2nd edition. Calcutta: Gaudiya Mission, 1942.
38. Bhaktivinoda Thākura. Daśa-mula-tattva. Translated by Sarvabhavana Dāsa. Rasbihari Lal & Sons. Vrindavan, 2009.
39. Krishnadas Kaviradzha. Chajtan'ja-charitamrita [Chaitanya-charitamrita]. Bhaktivedanta Vedabase. URL: <https://vedabase.io/ru/library/cc/madhya/22/100/> (data obrashhenija 29.03.23).

Popov Dmitry Nikolaevich – Candidate of Philosophical Sciences, Moscow, Russian Biotechnological University, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines.

E-mail: popovdnik@gmail.com

УДК 316

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В КОНЦЕПТЕ
«СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ»: ЗНАЧЕНИЕ В РЕГУЛЯЦИИ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И УКРЕПЛЕНИИ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Колесникова Г. И.

***Аннотация:** В статье с позиции междисциплинарного подхода производится анализ аксиологических составляющих в концепте «социальная справедливость». Делается вывод, что именно отличия в интерпретации аксиологических составляющих в данном концепте у разных этносов является наиболее значимым препятствием при регуляции межэтнических отношений. Заблаговременное выявление данных несоответствий на основе предложенных в статье индикаторов будет способствовать как профилактике, так и урегулированию возникающих очагов межэтнической напряжённости и, соответственно, укреплению общероссийской идентичности. Однако существующее в научном пространстве различие толкований концепта «социальная справедливость», а также смешение его с концептом «справедливость» существенно снижает валидность результатов социологических исследований проводимых в данном направлении и, как следствие, приводит к снижению эффективности формируемых на основе полученных результатов программ.*

***Ключевые слова:** справедливость, социальная справедливость, ценности, этнос, регион, общероссийская идентичность, государство, общество.*

Сложность регуляции межэтнических отношений в Российской Федерации, в большой степени, определяется многослойностью структуры общероссийской идентичности, особенно в полиэтнических региона [1]. Однако, не смотря на разнородность существующих на этот счёт концепций у большинства из них есть общее основание – представление о России как государстве-цивилизации. Ключевыми моментами в данном контексте предстают, с одной стороны, сформулированное на Заседании Совета по межнациональным отношениям 26 октября 2018 года [2] положение о важности акцентирования внимания на русской культуре, осознание принадлежности к которой должно восприниматься как необходимое и достаточное основание для квалификации человека как русского независимо от его этнической принадлежности [3], и, с другой стороны, важность категории «социальная справедливость» для усиления общероссийской идентичности как объединяющего фактора в полиэтнических регионах [4]. Второй момент представляется, в рамках данного исследования, наиболее значимым, поскольку признание населением соблюдения социальной справедливости властью напрямую связано с процессом формирования гражданского общества, создание которого, в свою очередь, зависит от равновесия в социально-правовой и политической сферах [5, 6]. При

этом сложность ситуации усугубляется тем, что содержательное наполнение концептов «справедливость» и «социальная справедливость» не разграничено и это, закономерно, приводит к понятийному хаосу и, как следствие, снижению валидности результатов социологических исследований. Кроме того, данные концепты во многих научных работах применяются как синонимичные, что ещё более затрудняет ситуацию, так как отсутствие единства в категориальном аппарате также приводит к искажению результатов и выводов.

Цель исследования заключается в изучении аксиологической составляющей в концепте «социальная справедливость». По мнению автора, именно данная составляющая в концепте играет значимую роль в урегулировании межэтнических отношений, поскольку именно её расхождение или разночтение, в большинстве случаев, затрудняет взаимодействие между этносами, особенно в полиэтнических регионах.

Задачи исследования. 1). Прояснить содержательного наполнения концептов «справедливость» и «социальная справедливость». 2) Выявить специфики аксиологической составляющей в концепте «социальная справедливость». 3) Определить значение аксиологической составляющей в концепте «социальная справедливость» и её роль в процессе межэтнического взаимодействия.

Методологическая база исследования проблемы аксиологической составляющей в концепте «социальная справедливость» как объекта социально-философского анализа базируется на работах исследующих проблемы более

справедливого общественно-политического и экономического устройства (Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо), концепции распределительной справедливости (Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль, Г. Сиджвик),

различия права и морали (А. Смит, Д. Рикардо), теории социальной справедливости (М. Нассбаум, А. Сен).

Выявлено, что, в отличие от концепта «справедливость», в котором доминирует нравственная составляющая, находящаяся в глубинных архетипических структурах и запускающая ментальные программы нормативного поведения, концепт «социальная справедливость» определяется мерой равенства/неравенства в социальных отношениях в силу чего данный концепт отличается неоднородностью. Определена специфика аксиологической составляющей в концепте «социальная справедливость» и её роль в процессе межэтнического взаимодействия.

Перспективы исследования связаны с последующим изучением концепта «социальная справедливость», включая его аксиологическую составляющую. Полученные результаты могут быть использованы при построении программ по укреплению общероссийской идентичности в полиэтнических регионах.

Собственно, сама идея справедливости обладает такими свойствами как динамичность и зависимость от исторического и этнического контекстов. Более того, её содержательное наполнение, вбирающее в себя и дескриптивные, и нормативные составляющие тесно связано с морально-политическими убеждениями [7, с. 16]. Не случайно именно идея справедливости обнаруживается в качестве фундамента в большинстве

дошедших до нашего времени учениях о наилучшем/справедливом устройстве общества. Так ещё в описании Гесиодом [8] «золотого времени» в качестве главного мерила между тем, что было и тем, что есть выступает именно идея справедливости, которая ранее соблюдалась, в отличие от окружающей автора реальности. В этой же практически роли справедливость предстаёт и в дальнейшем в разного рода научно-философских трактатах взлетая в работах Ж.-Ж. Руссо до статуса высшей ценности, а её *aiter ego* (не справедливость) достаётся не менее почётное место – источника формирования социальных конфликтов - в теории структурно-функционального анализа. В данном контексте представляется важным заметить, что с позиции формальной логики категории «справедливость» наиболее близка категория «равенство», поскольку находится с ней в отношениях «совпадение»/ «взаимозаменяемость». При этом на ценностном уровне и справедливость, и равенство трактуются как высшие ценности так как обладают потенцией на статус идеала или, как минимум, ключевого принципа. Этот взгляд разделяли и разделяют многие исследователи, в том числе и В.Е. Давидович, предложивший перспективное и интересное во многих отношениях представление о структуре концепта «справедливость», включающей, по его мнению, а) ценности, представляющие собой ни что иное, как обоснование справедливости; б) закрепление справедливости, то есть некий свод правил; в) действие - осуществление справедливости [9].

Таким образом, концепт «справедливость» органично соединяет в себе многослойность всеобщего распространяющегося, прежде всего, на понимание того, как должно быть устроено идеальное общество и динамичность, поскольку его содержательное наполнение напрямую зависит от контекстуальных факторов (исторический период, этнокультурные и региональные особенности). При этом среди этнокультуральных особенностей, на наш взгляд, безусловно доминирующую позицию занимает культурный архетип [10]. Именно различия в культурных архетипах и влияют на совпадение/несовпадение в трактовка концепта «справедливость» у разных этносов.

Если сосредоточить внимание на особенностях восприятия справедливости в российской ментальности, то исследователи акцентируют внимание на таких характерных её чертах как *беспристрастие* [11, с. 757] и представлении о существовании некой нравственной нормы, которая должна выступать в качестве единого мерила при распределении выгод и тягот совместного существования независимо от ранжирования по общественным стратам [12, с. 536].

В совокупности, эти составляющие, с одной стороны, дают возможность оценивать атрибуты существующего социального порядка [13], с другой – выступают в качестве аксиологических составляющих концепта «справедливость». Это совпадает с особенностями русского культурного архетипа в котором справедливость находится в группе фундаментообразующих ценностей, включая в себя ряд специфических, нехарактерных для многих иных культур, индикаторов: правда, добро, воля, братство. Так справедливость, как русская архетипическая идея, включена в группу базовых ценностей и содержит такие индикаторы как *правда*, берущего свои истоки из славянского по-

нения «Правь» означавшего соблюдение высшего закона Сварога перед которым равны все; *добро* в значении «*благо*», вбирающего в себя равнозначность, уравнишенность как личного, так и общественного; *воля* в значении свободного выбора направления своей жизни цель которой заключена в достижении блага для всех основанного на правде; *братство* как равенство перед законом (правдой) и получении блага [14]. Таким образом, в данном концепте *доминирующей выступает именно нравственная составляющая находящаяся в глубинных архетипических структурах, которые и запускают реализацию ментальных программ нормативного поведения в зависимости от ситуации* [15], что особенно важно учитывать при планировании и проведении межэтнических исследований.

Принципиальное различие между концептами «справедливость» и «социальная справедливость» заключается в том, что второй из них ориентирован, прежде всего, на определение равновесности в системе ранжированных социальных отношений: человек – человек, человек – социальная группа, социальная группа – государство. Следовательно, концепт «социальная справедливость» завязан на понятие «право» в рамках которого и были выработаны основные подходы к осознанию сути социальной справедливости, отразившие специфику исторического контекста в момент создания каждого [16]: как некой форме; как исполнение законов в сфере хозяйственно деятельности; как способ конструирования общественной жизнедеятельности.

При этом весь содержательный контекст социальной справедливости центрирован вокруг идеи меры/равновесности при практической реализации данного концепта в ключевых ситуациях, требующих соотнесённости между обязанностями и правами, виной и наказанием, свершённого деяния и вознаграждения детерминированными совокупностью таких факторов как специфика исторического периода, этнокультуральный и региональный контексты, а также индивидуальные интерпретации, обусловленные личным опытом [17]. Что касается структуры данного концепта, то он состоит из трёх компонентов: требование – оценка – действие [17, с. 36–41] что практически совпадает с элементами структуры социального контроля достаточно скрупулёзно изученной в социологии, хотя важность каждого из них не раз подвергалась сомнению.

Наиболее же практико-ориентированной теорией в современных условиях представляется концепция «функциональных возможностей» человека с опорой на концепцию блага (Амартии Сена и Марты Нуссбаум) [18] поскольку даёт возможность применять концепт «социальная справедливость» к социальной реальности либо исходя из актуальных потребностей как отдельных людей, так и общества в целом [19], либо проектировать представление о социальной справедливости на идеи блага, включая в него те специфические представления, которые возникают в сознании населения под влиянием выше указанных факторов.

Весьма важным при исследовании социальной справедливости в современных реалиях представляется тот факт, что концепт «социальная справедливость» базируется на концепте «справедливость» ключевым элементом, которого, являются аксиологические

составляющие, по сути, и созидающие тот идеал, на который необходимо ориентироваться при формировании как индивидуальных, так и государственных поведенческих стратегий. Следовательно, при создании исследовательских программ необходимо включать в качестве индикатора ценностные установки, особенно при проведении контент-анализа. При этом важно помнить, что концепт «социальная справедливость», хотя и базируется на архетипической идее справедливости, как указывалось выше, но зависит от исторического контекста [20], который меняет его содержательное наполнение. То есть, перед принятием решений необходимо провести оценку их адекватности сквозь призму концепта «социальная справедливость» с позиции населения по следующему алгоритму: «оценка соотношения явлений с позиции должного; требование должного поведения, обращенного к себе или другим (мотив поведения); действие в соответствии с мотивом» [21].

Кроме того, значимым является тот факт, что, в силу неоднородности общества - различное положение социальных и этнических группы, усугубляемые различиями в доступе к ресурсам и ранжированностью в социальной иерархической системе – представления, бытующие в обществе о социальной справедливости, отличаются большим разнообразием [22]. Усугубляет разнородность содержательного наполнения концепта «социальная справедливость» и содержащиеся в этнической памяти травмы прошлого что существенно влияет на удовлетворённость настоящим, особенно если, по мнению этнической группы, она не получила надлежащей компенсации за них. Из этого следует, что включение аксиологических индикаторов выглядит наиболее эффективным при планировании социологических исследований по изучению содержательного наполнения представлений о социальной справедливости в этнических группах, так как выявленные несоответствия позволят своевременно сформировать систему адекватных мер направленных на *урегулирование межэтнических отношений и укрепление общероссийской идентичности*.

Исходя из вышеизложенного при планировании социологических исследований в полиэтнических регионах в числе прочих методов необходимо применять для регистрации специфики структуры и содержания представлений о социальной справедливости и социальной несправедливости в разных этнических группах метод контент-анализа. Базовыми индикаторами, исходя из данных социологического исследования, как указывалось автором ранее в статье « Социальная справедливость как фактор гармонизации межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности на постсоветском пространстве», должны выступать: равновесие между деянием и воздаянием, равенство, представления о должном, моральные нормы, верховенство закона. В качестве целевых групп предлагаются: средства массовой информации; представители администрации, малого и среднего бизнеса, а также региональной интеллигенции; лидеры диаспор. Полученные, в результате подобным образом спланированных исследований, данные будут отличаться валидностью и, следовательно, обладать большей практической значимостью по сравнению с остальными, поскольку дадут представление о том при стечении каких именно факторов этносы готовы хранить социальное единство. Это позволит создавать наиболее эффективные программы по гармонизации межэтни-

ческих отношений и, как следствие, укреплению общероссийской идентичности. При этом важно помнить, что «наряду с универсальной национально-государственной идентичностью, существуют партикулярные национально-гражданская и этнонациональные идентичности» [23] одновременно и усугубляющие, и осложняющие как межэтнические отношения, так и все мероприятия по их урегулированию.

Заключение

Концепты «справедливость» и «социальная справедливость» пересекаются, подобно кругам Эйлера, в аксиологической зоне истоки которой находятся в архетипических структурах и именно они, по сути, и являются пусковыми механизмами, активирующими те или иные ментальные алгоритмы поведения в стереотипических ситуациях.

Данные алгоритмы поведения, обусловленные традициями и нормами, играют неоднозначную роль в межэтническом общении, поскольку, с одной стороны, облегчая их носителям выбор способа реагирования в окружающей их социальной неопределённости, с другой – провоцируют возникновение конфликтных ситуаций в силу нетипичности с точки зрения представителей других этнических групп что и выступает одним из факторов нестабильности в полиэтнических регионах.

В силу того, что в разных этнических группах представления о социальной справедливости могут существенно отличаться так как они напрямую зависят 1, от ценностных составляющих; 2, от таких показателей как наличие/отсутствие ретроспективных «травм»; удовлетворённости/неудовлетворённости полученной компенсацией за эти «травмы» в настоящем; наличие/отсутствие доступа к ресурсам, то эти параметры необходимо включать при планировании социологических исследований в полиэтнических регионах. При этом особое внимание необходимо уделять аксиологической составляющей поскольку именно она напрямую связана с архетипическими структурами и, следовательно, выявив её специфику у разных этносов возникнет возможность, а) влиять на ментальные программы конкретного этноса, б) путём сравнительного анализа выявить общие ценностные моменты чтобы на их основе выстраивать работу по укреплению общероссийской идентичности.

Знание содержательного наполнения концепта «социальная справедливость» и учёт его индикаторов при принятии решений властными структурами будет способствовать формированию в сознании населения представления о существующей власти как справедливой, задавая соответствующий вектор поведенческих стратегий при взаимодействии с государственными структурами на всех уровнях.

Список литературы

1. Денисова Г.С., Лубский А.В., Войтенко В.П. Российская идентичность как предмет научно-исследовательских практик // Вестник АГУ. – 2018. – №4 (229). – С.127-138.
2. Заседание Совета по межнациональным отношениям 26 октября 2018 г.URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58922> Дата обращения: 09.03.2023

3. Формирование общероссийской идентичности: контекст Российского Кавказа // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: Научное издание Глава из книги: Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: Научное издание / Изво Аспект Пресс, – 2015. – 600 с.
4. Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация: монография/ М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. – 236 с.
5. Колесникова Г.И. Философско-психологические основы деятельности органов государственной власти в современных условиях // Видеонаука. – 2019. – №3 (15). Режим доступа:<https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-psihologicheskie-osnovy-deyatelnosti-organov-gosudarstvennoy-vlasti-v-sovremennyh-usloviyah>
6. Колесникова Г.И. Национальная и государственная идеи // Видеонаука. – 2017. – №2-2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-i-gosudarstvennaya-idei> Дата обращения: 11.03.2023
7. Шпренгер Г. Взаимодействие: соображения по поводу антропологического понимания масштабов справедливости // Государство и право. – 2004. – №5. – С. 16-23.
8. Гесиод. Труды и дни // К справедливому обществу. Идеи, проекты, теории на Западе и в России / авт.-сост. В. В. Мархинин. М.: Алгоритм, 2011. – С. 37-40.
9. Давидович, В. Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности / В. Е. Давидович. – М.: Политиздат, 1989. – 255 с.
10. Колесникова Г.И. Архетипическое мышление как один из элементов механизма манипуляции сознанием личности // Научная мысль Кавказа. – 2009. – №3 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskoe-myshlenie-kak-odin-iz-elementov-mehanizma-manipulyatsii-soznaniem-lichnosti> Дата обращения: 09.03.2023
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ИТИ Технологии. – 2008. – 944 с.
12. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика. – 2001. – 719 с.
13. Мацкевич А. Ю. Об эвристическом значении понятия «социальная структура» // Вестник бурятского государственного университета. – 2011. – №6. – С.85 – 95.
14. Колесникова Г.И. Социальная справедливость как фактор гармонизации межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности на постсоветском пространстве/ Г.И. Колесникова // Международный научно-исследовательский журнал, 2020. – N 11 (101). Часть 3. – 182 с. – С.168-178.
15. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y.,Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. –2016. –Vol.11. –No. 16.
16. Розин В.М. Три значения социальной справедливости/ Электронный философский журнал Vox / Голос. – Выпуск 14 (июнь 2013) URL: <http://vox-journal.org> Дата обращения: 09.03.2023

17. Андриенко Е.В. Справедливость в социально-аксиологическом измерении// Культура и цивилизация. – 2017. - № 1(5), – С.36 – 41.
18. Канарш Г.Ю. Справедливость // Философская антропология. – 2018. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-2> Дата обращения: 09.03.2023
19. Быченко Ю.Г., Лаврентьев Д.С. Социальная справедливость как фактор социально-экономического развития // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-kak-faktor-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> Дата обращения: 09.03.2023
20. Тропук И. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски// Социологическое обозрение. – 2019. – Т.18. – №1. – С. 218-249.
21. Экимов А.И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2013. – №2 (307). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-kontekste-spravedlivosti-k-metodologii-issledovaniya> Дата обращения: 13.02.2023
22. Попова И.П. Социальная справедливость в научных дискуссиях 1990-2010-х годов // Мир России. Социология. Этнология. –2016. –№3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-v-nauchnyh-diskussiyah-1990-2010-h-godov> Дата обращения: 09.03.2023
23. Лубский А.В. Проекты конструирования национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. – 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekty-konstruirovaniya-natsionalnoy-identichnosti-v-sovremennoy-rossii> Дата обращения: 09.03.2023

Сведения об авторе

Колесникова Галина Ивановна – доктор философских наук, филолог, психолог, профессор, независимый эксперт по проблемам сознания и воздействия на него, член-корреспондент Российской Академии Естествознания (РАЕ), член Международного научного сообщества - International Academy of Natural History (IANH), профессор кафедры философии ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» гор Донецк, ДНР, РФ.

E-mail: galina_ivanovna@kolesnikova.red

Kolesnikova G. I.

AXIOLOGICAL COMPONENT IN THE CONCEPT OF “SOCIAL JUSTICE”: IMPORTANCE IN THE REGULATION OF INTERETHNIC RELATIONS AND STRENGTHENING OF THE ALL-RUSSIAN IDENTITY

Abstract: In the article from the standpoint of an interdisciplinary approach the analysis of axiological components in the concept of «social justice» is carried out. It is concluded that

it is the differences in the interpretation of axiological components in this concept among different ethnic groups that is the most significant obstacle in the regulation of interethnic relations. Early identification of these inconsistencies on the basis of the indicators proposed in the article will contribute to both prevention and settlement of emerging hotbeds of interethnic tension and, accordingly, strengthening of the all-Russian identity. However, the difference in interpretations of the concept of «social justice» existing in the scientific space, as well as its confusion with the concept of «justice» significantly reduces the validity of the results of sociological research conducted in this direction and, as a consequence, leads to a decrease in the effectiveness of programs formed on the basis of the results obtained.

Keywords: justice, social justice, values, ethnicity, region, all-Russian identity, state, society.

References

1. Denisova G.S., Lubsky A.V., Voitenko V.P. Russian identity as a subject of research practices//Bulletin of ASU. – 2018. – №4 (229). – p.127-138.
2. Meeting of the Council on Interethnic Relations on October 26, 2018
URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58922> Date of application: 09.03.2023
3. Formation of the all-Russian identity: the context of the Russian Caucasus // The Russian Caucasus: problems, searches, solutions: Scientific edition Chapter from the book: The Russian Caucasus: problems, searches, solutions: Scientific edition / Iz-vo Aspect Press, – 2015. - 600 p.
4. Kanarsh G. Yu. Social justice: philosophical concepts and the Russian situation: monograph/ Moscow: Publishing House of Moscow. humanitarian. un-ta, 2011. – 236 p.
5. Kolesnikova G.I. Philosophical and psychological foundations of the activity of state authorities in modern conditions // Videoscience. – 2019. – №3 (15).
Access mode:<https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-psihologicheskie-osnovy-deyatelnosti-organov-gosudarstvennoy-vlasti-v-sovremennyh-usloviyah>
6. Kolesnikova G.I. National and state ideas // Video science. – 2017. – №2-2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-i-gosudarstvennaya-idei> Date of application: 11.03.2023
7. Sprenger G. Interaction: considerations on the anthropological understanding of the scale of justice // State and law. -2004. – No. 5. – pp. 16-23.
8. Hesiod. Works and days // Towards a just society. Ideas, projects, theories in the West and in Russia / author-comp. V. V. Markhinin. M.: Algorithm, 2011. – pp. 37-40.
9. Davidovich, V. E. Social justice: the ideal and the principle of activity / V. E. Davidovich. – M.: Politizdat, 1989. – 255 p.
10. Kolesnikova G.I. Archetypal thinking as one of the elements of the mechanism of manipulation of the consciousness of the individual // Scientific thought of the Caucasus. – 2009. – №3 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskoe-myshlenie-kak-odin-iz-elementov-mehanizma-manipulyatsii-soznaniem-lichnosti> Date of application: 09.03.2023

- Russian Russian Dictionary 11 Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language / Russian Academy of Sciences, Institute of Russian language named after V. V. Vinogradov. M.: ITI Technologies. - 2008. – 944 p.
12. Philosophical Dictionary / edited by I. T. Frolov. M.: Republic. - 2001. – 719 p.
 13. Matskevich A. Yu. On the heuristic meaning of the concept of «social structure// Bulletin of the Buryat State University. - 2011. – No.6. – pp.85-95.
 14. Kolesnikova G.I. Social justice as a factor of harmonization of interethnic relations and strengthening of the All-Russian identity in the post-Soviet space/ G.I. Kolesnikova // International Scientific Research Journal, 2020. – N 11 (101). Part 3. – 182 p. – p.168-178.
 15. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y.,Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. –2016. –Vol.11. –No. 16.
 16. Rozin V.M. Three meanings of social justice/ Vox Electronic philosophical journal / Voice. – Issue 14 (June 2013) URL: <http://vox-journal.org> Date of application: 09.03.2023
 17. Andrienko E.V. Justice in the socio-axiological dimension// Culture and civilization. – 2017. - № 1(5), – Pp.36-41.
 18. Kanarsh G.Yu. Justice // Philosophical anthropology. – 2018. – No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-2> Date of application: 09.03.2023
 19. Bychenko Yu.G., Lavrentiev D.S. Social justice as a factor of socio-economic development // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2019. – No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-kak-faktor-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> Date of application: 09.03.2023
 20. Trotsuk I. Justice in sociological discourse: semantic, empirical, historical and conceptual searches// The Sociological Review. – 2019. – Vol.18. – No. 1. – pp. 218-249.
 21. Ekimov A.I. Law in the context of justice: towards a research methodology // News of universities. Jurisprudence. – 2013. – №2 (307). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-kontekste-spravedlivosti-k-metodologii-issledovaniya> Date of application: 13.02.2023
 22. Popova I.P. Social justice in scientific discussions of 1990-2010-ies // Mir Rossii. Sociology. Ethnology. -2016. –No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-v-nauchnyh-diskussiyah-1990-2010-h-godov> Date of application: 09.03.2023
 23. Lubsky A.V. Projects of constructing national identity in modern Russia // Humanities of the South of Russia. – 2018. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekty-konstruirovaniya-natsionalnoy-identichnosti-v-sovremennoy-rossii> Accessed: 09.03.2023

Kolesnikova Galina Ivanovna – doctor of Philosophy, philologist, psychologist, Professor, independent expert on the problems of consciousness and its impact, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences (RAE), member of the International Scientific Community - International Academy of Natural History (IANH), Professor of the Department of Philosophy of the Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky mountains Donetsk, DNR, RF.

E-mail: galina_ivanovna@kolesnikova.red

УДК: 167

ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ПРИНЦИПА ДИАЛОГА КАК СИСТЕМЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И МЕТОДА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Гарбузов Д. В., Громова Е. А., Нечухрин А. Н., Рамазанов С. П.

Аннотация: Статья посвящена диалогу как методологическому принципу неклассической науки. Показана эволюция диалога от философской идеи и мировоззренческой системы до метода социально-гуманитарного познания. В статье показано как зарождаются онтологические и антропологические основания диалогического мировоззрения и принципа диалога в процессе «критики метафизики» различными направлениями постклассической философии. Акцент в статье делается на концепции философов, которые номинально «диалогическими» не считаются, но по факту содержат существенные элементы диалогического мировоззрения. Это не случайно, поскольку диалогизм это в целом важная характеристика концепций постклассической философии. Рассматриваются концепции А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, Ж. Лакана, Р. Барта, М. Фуко, Ж. Делеза, которые переосмыслили понятия «субъект» и «объект», разрушили представление о монологической отгороженности мира и человека, доказали их диалогическую взаимооткрытость: нет мира, отделенного от человека, точно так же, как бытие человека есть бытие-в-мире. Поскольку актуальное выражение диалогической взаимооткрытости человека и мира всегда обнаруживается в темпоральных формах, принцип диалога приобретает особую эвристическую ценность именно в историческом познании. В этом контексте в статье анализируется глубокая и эвристически оригинальная историософская концепция яркого представителя философии диалога О. Розенштока-Хюсси. Принцип диалога в историческом познании означает не только признание роли субъекта в его результатах, но и возвышение объекта до уровня познающего субъекта, разговор с ним. Авторы убеждены, что глубокий анализ методологического принципа диалога и его институционализация способны противостоять таким негативным эффектам современности, как фэнтэзи-плюрализация истории, «конец истории» и т.п.

Ключевые слова: принцип диалога, историческое познание, неклассическая наука, диалог культур, диалог времен, интересубъективность, бинарные оппозиции.

Введение

С XIX века, когда история становится самостоятельной и самодостаточной дисциплиной, выдвигаются всё новые принципы исторического исследования, расширяющие и упорядочивающие постижения прошлого. Принцип историзма акцентирует внимание на анализе развития процессов прошлого и раскрытии индивидуальности таких процессов

во всём их многообразии. Принцип ценностного отношения предостерегал от релятивистской трактовки принципа историзма и давал критерии в подходах к оценке развития. Принцип дополнительности обосновывал возможность исследования прошлого с противоположных позиций и взаимоисключающих систем ценностей. Принцип целостности обосновывал необходимость при возможных противоположных взглядах на процессы истории выявлять системообразующие элементы в исторических процессах.

Однако все эти принципы относятся к постижению прошлого, как к объекту. В этом смысле все они реализуют методологию классической науки, основанную на упомянутой бинарной оппозиции: субъект – объект. Красноречиво об этом заявил экзистенциальный проект, пафос которого во многом заключался, в критике западноевропейской науки, в частности, исторической науки, которая, по М. Хайдеггеру, предстает по существу историографией и рассматривает «историю как предмет» [1, с. 240]. Осуществляя подмену смыслов, современная наука как «теория действительного» (а не «действующего», «при-сутствующего») становится решительной «обработкой действительности». «Действующее» оказывается «сделанным», так как сама «наука устанавливает действительное», – резюмирует экзистенциалист [Там же, с. 245]. Классическая наука, по меткому замечанию Макса Планка, признает действительным «то, что поддается измерению» [Там же, с. 246].

Принцип же диалога целиком относится к современному постнеклассическому этапу развития научного знания, выдвигает качественно новые подходы к исследованию прошлого, связанные, прежде всего, с пониманием объекта исторического исследования, как говорящего и вопрошающего. Принцип диалога находится в русле методологии «понимающей» науки, которая не упускает из внимания рефлексивный характер знания, означающий наличие когерентной связи между объектами познания и способами их получения. То есть знание об объекте – это всегда и знание о знании, метазнание, неразрывно связанное с наблюдателем, субъектом и его бытием.

Становление принципа диалога как результат критики оснований классической философской традиции (метафизики)

К диалогу как к системе мировоззрения отсылает философская традиция и современная философская аналитика во главе с немецкой классической философией. Именно от нее, в первую очередь начали отталкиваться философские подходы, которые впоследствии стали называться современными. Внутри них была сформирована новая теория и методология познания, основополагающим элементом которой стал принцип диалога. Центром критики А. Шопенгауэра, одного из создателей т.н. философии жизни, становится кантовское понятие «феномена». В частности, «феномен» у Канта предполагает разделение познания, во-первых, на представление, а, во-вторых, на предмет представления, который, согласно Шопенгауэру, ничем внутренне не обоснован и требуется Канту только для того, чтобы избежать упрека в солипсизме, являясь на самом деле всего лишь дубликатом понятия представления¹. Таким образом, шопенгауэровское понима-

1 «Кант различает, следовательно: 1) представление; 2) предмет представления; 3) вещь в себе. См.: Шопенгауэр [2, т. 1., с. 528]. И далее: «Из сказанного выше ясно, что кантовский «предмет представления» составлен из того, что частью похищено у представления, частью у вещи в себе»

ние представления отрицает одновременно как кантовский феномен, так и вещь в себе. Ибо вещь в себе ни в коем случае не может быть неким трансцендентным человеку объективным миром, который на самом деле целиком входит в сферу представления. Однако Шопенгауэр далек от того, чтобы понимать мир в качестве творения человеческого разума, представления. По его мнению, в мире все же есть нечто, что, с одной стороны, самым непосредственным образом причастно как человеку, так и данному ему в представлении существу, а, с другой стороны, не поддается никакому определению, так как само есть источник всякого определения и всего определенного. Эту истинную вещь в себе Шопенгауэр называет волей [2, т. 2, с. 17].

Следовательно, если у Канта человек не свободен, зависим от своей конституции в сфере познания и свободен в сфере практической, где он выступает как выбирающий, волеизъявляющий, то подход Шопенгауэра прямо переворачивает эту позицию – человек свободен в сфере представления, познания и не свободен, ограничен в сфере практической, сейчас бы мы сказали, экзистенциальной. Тем самым позиция Шопенгауэра радикально противостоит классической теории субъекта – человек определен не структурно (субстанциально), но экзистенциально. Таким образом, хотя у Шопенгауэра в теории мира как представления совершенно отсутствует проблема человеческого бытия-в-мире, зато в его теории воли заложены основания для постановки проблемы экзистенциального, а не субстанционального определения человека. Это означает, что мир как некая подлинная реальность, в теории Шопенгауэра обнаруживает себя не со стороны объекта познания, а совершенно неожиданным образом, со стороны субъективности. Субъективность человека есть единственный источник как познания, так и объективного мира, но сама субъективность не произвольна, не искусственна, но имеет свой собственный бытийный источник самоопределения.

Это направление мысли столь же радикальным образом продолжил Ф. Ницше. Точно так же, как логика Шопенгауэра отказала в существовании и кантовскому феномену, и вещи в себе, подход Ницше отказался от представления и воли Шопенгауэра. Согласно Ницше, дело не просто в том, что субъект и объект тождественны, но в том, что их не существует вообще. Субъект и объект нереальны не потому, что являются абстракциями единого акта представления, но потому, что само понятие акта представления (мышления) абстрактно, получено логическим путем, который сам же должен обосновываться в акте представления². Концепция представления, согласно Ницше, лишена экзистенциальной глубины, является чисто теоретической конструкцией³. Субъект – это не более

[Там же, с. 529].

2 «Дух», нечто, что думает: или, пожалуй, даже «дух абсолютный, чистый, риг» – вся эта концепция есть производное, вторичное следствие ложного самонаблюдения, верящего в «мышление»: здесь, во-первых, изобретен акт, которого на самом деле не бывает, – «мышление», и, во-вторых, придуман субъект – субстрат, являющийся источником каждого из актов этого мышления и только их: это значит, что как действие, так и деятель выдуманы» [3, с. 221].

3 «Сознание» – в какой степени кажутся поверхностными представляемое представление, представляемая воля, представляемое чувство (единственное нам известное)! Наш внутренний мир также – «явление!»» [3, с. 220]. И далее: «Этот «кажущийся внутренний мир» обработан совер-

чем грамматическая конструкция языка, и только здесь его истинное место. На самом деле субъект (существительное) – это не более чем олицетворение глагола, действия (предиката). Поскольку представление – это фикция, постольку не существует и никакой вещи в себе, будь то в форме кантовского объективного, трансцендентного бытия или в форме шопенгауэровской воли [3, с. 221].

С другой стороны, происходила переоценка понятий субъекта и объекта в рамках феноменологической философии. В частности, ее создатель Э. Гуссерль разработал учение об интенциональности восприятия, согласно которому каждый акт чувственного восприятия интенционален, то есть направлен на объект, содержит в себе этот объект и сам по себе был бы невозможен, если бы объект был трансцендентен, недоступен субъекту восприятия⁴. Таким образом, и у Гуссерля понятие «феномена» трансформируется по сравнению с его местом в философии Канта. Феномен – это не продукт нашего восприятия, но самостоятельная реальность, являющаяся, одновременно, и интенциональным актом и реальным объектом, то есть он одновременно и субъективен и объективен.

Принцип интенциональности восприятия дополняется и подтверждается методом «усмотрения сущности», основу которого составляет принцип категориального созерцания (интуиции) и соотносительный с ним принцип идеирующей абстракции. Принцип категориального созерцания подчеркивает особый статус человеческого существования, радикально, а не просто количественно отличающий человека от всего остального существа, в том числе и от животного. Они являются источником т.н. эйдетического знания, которое определяет специфику человеческого существования и, которое имплицитно всегда есть у человека и всегда является в качестве «самоочевидного». Таким образом, согласно Гуссерлю, объективное знание о мире существует, но не существует независимого, отделенного от человека мира. Главным компонентом, подвергшимся трансформации, и здесь является понимание субъективности человека и монологичности процесса познания. Субъективность не есть отвлеченность, отделенность человека от мира; напротив, субъективность есть способ включения человека в мир, в котором в качестве его необходимой особенности и элемента есть человек. Таким способом формируется концепция диалогической взаимооткрытости человека и мира, их взаимодополнительности. По мнению Гуссерля, теория познания должна преодолеть два мировоззренческих заблуждения. Первое заблуждение заключается в ненужном усложнении акта восприятия-осознания актом отказа признавать личное участие человека в данном событии посредством сведения его к роли некоторого независимого наблюдателя, непонятно откуда взявшегося и непонятно как существующего. Второе заблуждение состоит в постулировании объективного в качестве без-человеческого, мира-без-человека, что также является не более чем абстракцией.

шенно в тех же формах и теми же способами, как и «внешний мир» [Там же, с. 221].

4 «В потоке сознания мы имеем двойную интенциональность. Или мы рассматриваем содержание потока вместе с его формой и в этом случае мы вматриваемся в первичный ряд переживаний, который есть ряд интенциональных переживаний, сознание о... Или мы направляем взгляд на интенциональные единства, на то, что в течении потока осознается интенционально как единоеобразное: тогда перед нами объективность в объективном времени, собственное временное поле в противоположность временному полю потока переживаний» [4, с. 135].

Таким образом, в философской аналитике определились два подхода, разрушающие представление о монологической отгороженности мира и человека и ставящие проблему «собственных границ», особенности человека и мира с позиций принципа диалога. Первый из них отказывается от атомистического понимания человека (Шопенгауэр): объективный мир – это результат человеческого представления, но сама субъективность не произвольна, не искусственна, но имеет свой собственный источник в «другом», является проектом бытия, а не человека. Сама субъективность в своем основании не субъективна. Второй подход отказывается от «атомистического», субстанционального понимания мира (Гуссерль): не существует мира, отделенного от человека, поэтому аподиктическое знание о мире возможно, но это знание о мире с человеком, а бытие человека – это бытие-в-мире. Эти два подхода смыкаются друг с другом, но первый акцентирует внимание на диалогической открытости человека, а второй – на открытости мира.

Наиболее значительный опыт объединения этих подходов принадлежит М. Хайдеггеру. Предпринятое им прояснение исходного смысла ключевых философских категорий имело в виду как главную цель доказательство диалогической взаимооткрытости мира и человека, рассматриваемое в более широком горизонте как открытость сущего бытию. Хайдеггер очерчивает границы собственного, особого существования человека, не подменяемого бытийными характеристиками до-индивидуальных и сверхиндивидуальных субстанций и называет человеческий способ существования экзистирующим: «Человек есть сущее, так бытийствующее среди сущего, что при этом сущее, которое не есть он, и также сущее, которое есть он сам, всегда уже открыты. Этот способ бытия мы называем экзистенцией» [5, с. 138]. Другими словами, дело здесь не просто в том, что человек существует, а, следовательно, «экзистирует»; дело в том, что экзистирование есть особый способ диалогического отношения с миром, с «другим» и «Другими». А именно, это такое отношение, когда мир изначально открыт, разомкнут для человека, и свои границы он определяет сам в качестве своей особенности. Такое устройство человеческого существования Хайдеггер обозначил словом *Dasein* (присутствие, здесь- или вот-бытие), понимая его не в традиционном смысле как наличное бытие, но как открытость, цельность и диалогическая сопринадлежность человека сущему в его бытии [6, с. 87].

Ж.П. Сартр на уровне идеологии находит и подтверждает вывод о том, что субстанциональное, монологическое понимание человека как субъекта, перенесение старой атомистической теории и на человека, – все это в полной мере реализовалось лишь относительно недавно, несмотря на то, что сегодня это кажется нам само собой разумеющимся и существовавшим всегда. Однако, согласно Сартру, возраст самого первого человеческого «субъекта», «монады» никак не дотягивает до возраста Адама, а равен возрасту первого буржуа. «Мирской» профессией «субъекта» является, прежде всего, предпринимательство и коммерция⁵. Это произошло в тот момент, когда аналитический рационализм Декарта превратился в либерально-буржуазный индивидуализм, перене-

5 «Ликвидацией общественных посреднических органов и завоеванием реальной собственности буржуа реализует себя: он некая вещь, маленький отдельный и не подлежащий коммуникации атом» [7, с. 74].

ся на него и свои сильные аналитические возможности и свою необоснованность⁶. Человек стал монологичным, потому что человечество в эпоху Нового времени начало новую игру, правилами которой были экономические законы капитализма, основанные на правилах исчисления, которые распределяли и классифицировали функциональные характеристики человеческих акторов в качестве социально-экономических единиц.

Существенный вклад в становление диалогического мировоззрения внес также психоанализ. Особенно ярко это выражено в творчестве Ж. Лакана. Субъект, согласно Лакану, «выходит далеко за границы того, что индивид воспринимает «субъективно», столь же далеко, как и истина, которой он способен достичь» [8, с. 34]. Проблему определения субъективного он решает путем строгого разграничения понятий реального, символического и воображаемого. Эти понятия фиксируют диалогическую взаимоотноительность человека и мира. В частности, реальное есть область того, что пребывает вне символизации. Опираясь на разработки Фрейда, Лакан реконструирует следующую структуру генезиса реального: вначале имеет место первичное отторжение, то есть реальное возникает как внешнее по отношению к субъекту; затем внутри представления, образованного путем воспроизведения (воображаемого) первоначального восприятия, возникает различие реальности как той составляющей этого объекта первоначального восприятия, которая не просто полагается самим субъектом в качестве существующей, но и может быть вновь найдена им на том месте, где она всегда заранее находится [8, с. 414]. То, что содержится заранее, это «всевозможные «вот-это», к которым равно относятся объекты, инстинкты, желания, склонности и т.п. Они-то и представляют собой простейшую чистую реальность, которая соответственно ни в чем не разграничена, она ни хороша, ни плоха, а одновременно хаотична и абсолютна, изначальна» [Там же, с. 107].

Реальное, или то, что таковым представляется, является тем, что «категорически противится символизации» [Там же, с. 418]. Символическая функция, согласно Лакану, обнаруживает себя как «двойное движение внутри субъекта: человек сначала превращает свое действие в объект, но затем, в нужное время, снова восстанавливает это действие в качестве основания» [Там же, с. 55]. Таким образом, в отношениях между реальным и символическим и в структуре, возникающего как результат этих отношений мира «все зависит от положения субъекта» [9, с. 109]. А положение субъекта главным образом определяется его местом в мире символического, или, говоря иначе, в мире речи. Это означает, что символическое является коренной, исходной характеристикой субъективного. «Если уточнять, в какой момент человек становится человеческим, скажем, что это происходит тогда, когда он хоть сколько-нибудь вступает в символическое отношение» [Там же, с. 206]. Что касается воображаемого, то оно основано на «обращенной идентификации» [Там же, с. 176]. Это означает, что сформированная субъектом та или иная идентификация, вновь возвращаясь в субъект, заставляет теперь его идентифицироваться с собой. Самым характерным примером такой обращенной идентификации, по Лака-

6 «Своими отрицательными сторонами индивидуализм либеральной буржуазии имеет свои преимущества: он находит человека изолированным и раздувает это одиночество, рвет последние связи: каждая монада сразу становится несравненной, или, скорее, основывающейся на сравнении, отношения остаются внешними к сравниваемым субстанциям» [7, с. 345].

ну, является отождествление себя с Эго – «собственным Я».

Собственной областью человеческого субъекта является символическое, а центром символического отношения – признание. Это значит, что с самого начала символ задает отношение диалогической интерсубъективности. Исходной точкой является способность именования, которое «уничтожая вещь, одновременно переводит ее в символическую плоскость, благодаря чему и возникает собственно человеческий регистр» [Там же, с. 288]. Поэтому Лакан говорит: «Момент, когда желание становится человеческим, совпадает с моментом, когда ребенок рождается в язык» [Там же, с. 88]. Желание становится человеческим тогда, когда получает свой смысл в желании другого – «не столько потому, что другой владеет ключом к желаемому объекту, сколько потому, что главный его объект – это признание со стороны другого» [Там же, с. 38]. Поэтому мир принципиально не может предполагать наличие лишь одного субъекта, не может быть конституирован лишь одним субъектом, так как исходно предполагает феномен встречи, диалога⁷.

Роль языка как медиатора между миром и человеком имеет особое значение. Исследования Р. Барта убедительно показывают, что любая история – это в любом случае рассказ, нарратив, и в этом качестве она не может быть объективной в чистом, лабораторном смысле этого слова, поскольку любой историк всегда говорит словами Другого⁸. Язык обладает почти неограниченной властью в отношении отдельных индивидов, поскольку человек узнает себя, самоотождествляется именно в языке⁹. Индивид никогда не владеет всем языком – это невозможно. В каждом индивиде сосуществует множество словарей, различные сочетания которых образуют индивидуальный идиолект каждого [10, с. 313]. Но и сами идиолекты не приобретаются произвольным образом, не являются результатом «сознательного выбора», а формируются в рамках и под давлением более широкого сегмента структурирования языка, который обозначается Бартом как социолект. Социолекты позволяют группам людей просто и надежно отгораживаться друг от друга; сам язык через различие своих дискурсов как бы разводит и размещает людей в разных пространствах, практически непроницаемых друг для друга [Там же, с. 524]. Человеческий субъект, как центр познавательной деятельности, таким образом, представляет собой не более чем пустое пространство, пустую клетку, в которой язык разворачивает свои дискурсы [Там же, с. 366]

7 «Внешний мир – то, что мы называем реальным миром и что является лишь очеловеченным символизированным миром, созданным из трансценденции, введенной в первичную реальность символом – может возникнуть лишь в том случае, если в нужном месте произойдет ряд встреч» [9, с. 119].

8 «Да неужели же я существую до своего языка? И что же в таком случае представляет собой это я, будто бы владеющее языком, между тем как на самом деле именно язык вызывает я к бытию? Могу ли я пережить свой собственный язык как простой атрибут своей личности? Можно ли поверить, что я говорю потому, что я существую? Подобные иллюзии, на худой конец, возможны за пределами литературы; однако литература как раз и не допускает их» [10, с. 339].

9 «Языковая деятельность подобна законодательной деятельности, а язык является ее кодом. Мы не замечаем власти, таящейся в языке, потому что забываем, что язык – это средство классификации и что всякая классификация есть способ подавления: латинское слово *ordo* имеет два значения: «порядок» и «угроза» [10, с. 548].

Еще дальше в том направлении пошел М. Фуко, согласно которому, все воплощения человеческой субъективности являются пустыми формами, полями дискурсивности, заполняемыми подчас противоположными по смыслу дискурсивными формациями. Главный же вывод этих исследований Фуко заключается в том, что и «человек» как таковой – это такая же пустая форма, образованная в точке совмещения ряда различных дискурсивных формаций. В частности, Фуко прослеживает следующую линию генеалогии «человека». Начиная с «первых греческих грамматистов» и вплоть до классической эпохи Нового времени (17–18 вв.), диспозиция знака всегда, хотя и различным образом, была троичной, то есть предполагала три области референции – означающее, означаемое и, собственно, область знака, символа. Но начиная с 17 в., собственная область знаковости теряется и утверждается бинарная диспозиция: означаемое – означающее [11, с. 99]. Это приводит к тому, что язык теряет свою собственную сферу существования, становится невидимым¹⁰. Комментарий уступает место критике, формируется понятие разумного субъекта, который произвольно извлекает из своего разума понятия для наименования различных им вещей, произвольно использует их и способен произвольно отказаться от них. Так возникает антропология. Первые антропологические науки – это всеобщая грамматика, естественная история и наука о богатствах, описывающие язык как представление слов, природу как представление существ, а потребность как представление потребности [Там же, с. 236]. История «человека», таким образом, насчитывает, не более двухсот лет: «Вплоть до конца 18 в. человек не существовал. Не существовал, как не существовали ни сила жизни, ни плодотворность труда, ни историческая толща языка. Человек – это недавнее создание, которое творец всякого знания изготовил своими собственными руками не более двухсот лет назад; правда, он так быстро состарился, что легко вообразить, будто многие тысячелетия он лишь ожидал во мраке момента озарения, когда, наконец, он был познан» [Там же, с. 330]. Такова, по Фуко, генеалогия «человека». Человек – это специфическая дискурсивная формация, совокупность высказываний. Но если это так, то «человек» – это фикция и он должен быть разрушен, ибо необходимо признать, что «мы являемся различием, <...> наш разум – это различие дискурсов, наша история – различие времен, наше Я – различие масок» [Там же, с. 363].

Однако, хотя подход к проблемам онтологии через анализ структуры и структуризации языка и различных дискурсивных формаций сам по себе представляется весьма убедительным, действительно фиксирующим и раскрывающим реально существующие отношения, все же его сильные черты оказываются обратной стороной слабых. И прежде всего здесь невозможно объяснить бытийное значение самого языка, все существует в языке, существование самого языка необъяснимо, для языка не существует метаязыка, ведь и метаязык – это язык. Структура языка является здесь горизонтом для постановки проблемы бытия, и, соответственно, горизонт бытия самого языка не только не просматривается, но и не может стать проблемой. Принцип диалога утрачивает свою силу.

В такой аналитической парадигме исследования возможен, по сути дела, один един-

¹⁰ «Язык – это не внешнее проявление мысли, но сама мысль. И тем самым язык становится невидимым или почти невидимым. Во всяком случае, он стал настолько прозрачным для представления, что его собственное бытие перестает быть проблемой» [11, с. 112].

ственный способ построения проекта бытия: ему самому необходимо придать структуру языка. Такой проект мира-книги, мира-текста блестяще воплотил Ж. Делез. Субстанция бытия – это, по сути, «субстанция» текста: чистая виртуальная множественность элементов и отношений [12, с. 226]. Мир в целом, таким образом, есть бесконечная совокупность сходящихся сингулярностей, в многочисленных точках схождения которых возникают такие определенности, как идеальное, материальное, психическое, биологическое, эротическое, социальное, глубина, поверхность, высота и так далее. Там, где серии начинают расходиться, возникает другой мир [13, с. 139].

В частности, Делез различает два уровня осуществления бытия. Первый уровень представляет собой структуру «индивидуальность – мир – интериндивидуальность» [Там же, с. 140]. Индивидуальности – это элементы мира, осуществляющиеся через пространство по сходящимся сериям «обычных точек», то есть индивидуальности всегда соотносены со своим миром. Второй уровень осуществления становится возможным тогда, когда появляется «объект = x», выходящий за пределы индивидуальных миров [Там же, с. 144]. Таким «объектом = x» как раз и является Эго, субъект, «неопределенный Адам», «бродяга», «кочевник-номад», общий для нескольких миров.

Можно сказать, аналитика «постмодернизма» вновь теряет подходы к проблеме диалогичности бытия, что весьма показательным представлено именно в исследованиях Ж. Делеза. Другой как главное понятие диалогической онтологии приобретает неустрашимо деструктивные, репрессивные характеристики. Другой в этой онтологической оптике – это такая структура, которая уже изначально встроена в структуру индивидуальности. Другой – это некий «первосубъект», который «уничтожает» мир (делая его «объектом», который сам по себе есть уже уничтоженный, мертвый мир), открывая место для субъекта как такового¹¹. Такие выводы с необходимостью вытекают из самого способа аналитики, применяемого постмодернизмом. В разрабатываемой постмодернизмом онтологии языка, он утрачивает значение медиатора между человеком и миром, поскольку не оставляет места ни для того, ни для другого, ни для диалога между ними.

Историсофская концепция О. Розенштока-Хюсси

Принцип диалога фиксирует взаимооткрытость человека и мира, присутствие субъективного в объекте и объективного в субъекте. Актуальное выражение этой взаимооткрытости обнаруживается, прежде всего, именно в темпоральных, исторических формах. Присущая человеческому бытию темпоральность, наиболее очевидным образом проявляется в способности и возможности иметь историю, т.е. вступать в последовательность нерегулярных и нециклических событий. Способность преодолевать жесткие алгоритмы естественных программ, задающих параметры регулярной цикличности существования, предполагает наличие «не-естественных» способов организации жизнедеятельности человека, которые составляют сферу реальности культуры. Одним из наиболее тонких, остроумных и глубоких исследователей этой проблемы является яркий представитель философии диалога О. Розеншток-Хюсси.

¹¹ «Если другой – это возможный мир, то я – это прошлый мир. Ошибка теорий познания в том, что они постулируют одновременность субъекта и объекта, в то время как один из них является уничтожением другого» [14, с. 406].

История – это особым образом организованная, включенная в совместность с другими людьми жизнь человека. Причем, согласно Розенштоку-Хюсси, основополагающим для жизни событием является не столько рождение, сколько смерть, т.е. прекращение и сама возможность прекращения существования: «Биология делается наукой о жизни в тот день, когда станет понятной смерть» [15, с. 97]. Отличие животного от человека заключается в отношении к своей смерти – человек осознает ее, а животное нет. Следовательно, в существовании животного нет целостности времени – отсутствует целевая перспектива будущего завершения, исполнения. Поэтому животные не могут иметь истории, и их существование регулируется априорными, генетическими программами циклической периодичности. Феноменом, в котором происходит взаимопревращение антропологической и культурно-исторической реальности является язык: «Язык помещает нас в историю, в будущее и ставит нас высоко или низко» [Там же, с. 154]. Язык – это способ преодоления ограниченности существования в актуальном поле восприятия. Для того чтобы реальность не исчезала вместе с прекращением ее непосредственного перцептивного фиксирования, человек использует способ именованности. В частности, согласно Розенштоку-Хюсси, человек вырывается из животного заключения в актуальном благодаря обращению к высшим (трансцендентальным) силам, что накладывает на него определенные обязательства (обеты), которые самим фактом своего наличия открывают ретроспективную и проективную перспективы времени.

Таким способом язык имен создает историческое время. Это время человека, т.е. живого существа, способного воспринимать, осознавать и действовать в мире. Поэтому полноценным пониманием времени может обладать только теория человека, антропология, и оно недоступно для естествознания [Там же, с. 430]. Время не существует без человека, оно невозможно без именованности реальностей, проникающих сквозь «перцептивные решетки» восприятия. Имена сохраняют форму воспринятой реальности, и тем самым творят длительность. Имена фиксируют форму существующего, а смерть исполняет его содержание. Непосредственное участие человека в сотворении времени проявляется в способности конструирования искусственных игровых миров. Их главным свойством является возможность обратимости и остановки времени. В известном смысле все культурные институты могут быть рассмотрены как механизмы реализации такой возможности. Они выводят человека из природной цикличности и создают такие среды, длительность существования которых можно ускорить, замедлить, остановить или обратить назад до некоторой выделенной фазы. Однако Розеншток-Хюсси не является сторонником игровой концепции истории и культуры. Игра не может быть основанием исторического времени, поскольку в ней игнорируется реальность смерти, т.е. осевого экзистенциального события, без опоры на которое невозможно создать историческую длительность, невозможно совершать обороты «колеса жизни». История возникает не как игра, а как реакция на смертельную финальность жизни. Люди создают человеческую историю, потому что их личная жизнь конечна.

История рассматривается Розенштоком-Хюсси как жизнь «большого Человека»: «Однако мы либо являемся большим Человеком «вообще», существующим от Адама до

Страшного Суда, либо мы перестаем быть людьми» [Там же, с. 202]. Люди, воплощающие целостную реальность человека, не прикованы к актуальному моменту времени, не связаны своим уже осуществленным присутствием в мире и не загнипнотизированы вызовом наступающего становления, но экстатично обнаруживают себя одновременно на встречу всем трем раскрытым временным перспективам своей истории. Историческое время не является некоей подвижной субстанцией, в определенное место которой помещен каждый человек, будучи, таким образом, отделенным от других людей большим или меньшим расстоянием. Время целиком воплощено в жизни всех поколений людей¹². Прошедшее и будущее не хранятся в каких-то особых «кладовых времени», но целиком присутствуют в настоящей жизни всех поколений людей, и это сгущение времени составляет Единый Дух в качестве совокупного опыта жизни Человека как особой формы и способа осуществления бытия. Если бы жизненного опыта единого Человека не существовало, то история была бы невозможна, поскольку: «Время» и «пространство» в единственном числе никогда не могут быть восприняты с помощью органов чувств. На опыте нам встречаются многие времена и пространства, но время и пространство в единственном числе – никогда» [Там же, с. 205]. Следовательно, история – это наследие единого человечества, получаемое каждым поколением людей [Там же, с. 47]. Человеческий способ существования основан на способности создавать, получать и завещать историческое наследие, представляющее собой концентрированное, «сгущенное» время жизни «большого Человека».

Если жизнь человека – это история пути из возможности смерти в возможность жизни, то время возвращается, а не идет вперед. Ярким символом этого выступают египетские пирамиды: «Ибо мы, люди, боимся времени, но время боится пирамид. Пирамиды свидетельствуют, что время не идет вперед, а возвращается» [Там же, с. 200]. Безразличие пирамид к сменам эпох является живым образом того факта, что истоком истории является не начало, а предел, не рождение, ибо рождается еще животное, а смерть, ибо умирает уже человек. Иными словами, история фундаментально проективна и экстатична. Любой исторический феномен существует в качестве экстатического единства настоящего, прошедшего и будущего, и поэтому его реальность в каком-то смысле уже изначально заброшена вперед, чтобы оттуда возвращаться в актуальность. Важным следствием такого положения дел является неуничтожимость прошлого, которое всегда готово и способно возвращаться в актуальную реальность¹³. В истории имеет место нечто подобное психоаналитическому «возвращению вытесненного» – вполне случайное сочетание некоторых условий может активировать, вызвать, казалось бы, давно исчезнувшие призраки прошлого.

12 «Нам следовало бы приучить себя к тому, чтобы думать о каждом поколении как о теле времени, а о Духе – как о Едином Духе, связующем между собой все эти тела» [15, с. 341].

13 «Нет, в каждый момент истории многое, возникшее абсолютно одновременно, находится рядом друг с другом, и я вынужден был ввести английский термин «discontemporary», чтобы предостеречь наших обезумевших благодаря газетам «современников» от иллюзий, и заставить их увидеть, что в Гитлере восстал догомеровский человек индейских племен «алгонкин» или «сиу»: он обладает всеми чертами человека, носящего татуировку» [15, с. 202].

Заключение

Анализ философской генеалогии принципа диалога позволяет сформулировать три фундаментальных аспекта, существенных для исторической науки. 1) Время как результат специфического человеческого усилия, социокультурного конструирования. Для конкретного исторического исследования этот аспект означает некорректность вопроса – «как все происходило на самом деле?» Это можно сравнить с попыткой найти однозначный ответ на вопрос о «настоящей» длине или массе объекта в рамках специальной теории относительности, который просто не имеет смысла, поскольку эти характеристики зависят от инерционной системы отсчета и могут значительно отличаться друг от друга. Историк, как и физик должен не только рассчитывать параметры некоторой характеристики, но и указывать экосистему, в рамках которой они достоверны. Например, супружеская пара в рамках бракоразводного процесса излагает две разные истории, основанные на одном и том же фактологическом ряде. Важно понимать, что никто из них не лжет, и на самом деле, имеют место две истории, поскольку реальная история это и есть жизненное переживание определенных эмпирических событий. Сам по себе некоторый эмпирический факт не имеет смысла без этого экзистенциального контекста. Методологическая сложность проблемы станет понятной, если учесть, что свою версию этой истории будут иметь дети супружеской пары, а также и судья, который должен вынести решение, опираясь на определенные институциональные юридические процедуры. 2) История как особое соответствие между целым временем Человека и частичными временами людей. Для конкретного исторического исследования это означает, что история это масштабируемый процесс. Он одновременно разворачивается на уровнях с разным масштабом и имеет на этих уровнях разный темп, причины, направленность, целеполагание, значение, результаты. Умение видеть смысл события на разных масштабных уровнях – это критически необходимый элемент метода исторического познания, поскольку без этого легко обнаружить в событии все что угодно, вплоть до того, что противоположно его содержанию. 3) Вечное возвращение времени. Для конкретного исторического исследования этот аспект означает, что имеют место определенные устойчивые индивидуальные и социальные компоненты существования людей, которые обнаруживают свойство возвращения в актуальность жизненных переживаний, поскольку без них само существование человека просто невозможно. Благодаря им прошлое актуально присутствует в настоящем и, более того, даже в будущем, поскольку эти фундаментальны структуры человеческого бытия, возвращаются видоизмененные в новых формах, соответствующих неким новым ожиданиям будущего. Это накладывает отпечаток и осложняет интерпретацию исторических фактов.

Первоначально принцип диалога возник как реакция на кризис метафизики, и представлял собой способ преодоления классической философской традиции. Спонтанно сформировавшиеся элементы диалогической философии постепенно привели к созданию целостной системы мировоззрения, связанной с определенной теорией познания и методологией научного исследования. Основания этого мировоззрения со временем стали общепризнанными, обрели «железную» репутацию и превратились в обыденный

мейнстрим, присутствующий в широкой практике познания современной науки. Нужно отметить, что именно аксиоматичность принципа диалога как чего-то очевидного и само собой разумеющегося создает сложности для его концептуализации.

Постнеклассическая наука, даже естествознание, в настоящее время признала бытие наблюдателя значимым фактором научного исследования. Так, квантовая теория, как самый современный тип физической теории, вынуждена фиксировать бытие наблюдателя в методологических инструментах и операциональных определениях. Однако принцип диалога не сводится к признанию роли субъекта познания в его результатах, а возвышает кажущийся равным себе самому объект исследования до иного онтологического уровня – уровня субъекта. Диалог (или полилог) – это субъект-субъектное взаимодействие активных начал.

Думается, что социально-гуманитарное знание оказывается просто невозможным без использования принципа диалога. Все случаи его игнорирования моментально считаются и расцениваются как архаические, несовременные, догматичные. Наиболее резонансными являются результаты использования этого принципа в исторической науке. Но поскольку данный принцип «понимающей» науки обречен балансировать на грани субъективности и объективности знания, его слабая институционализация способна приводить как к конструктивным, так и деструктивным результатам. Понимание прошлого не как чего-то застывшего и неизменного, а как невообразимо сложной «говорящей» реальности, неразрывно связанной с актуальным существованием современного человека, с одной стороны, позволило более многомерно посмотреть на историческую феноменологию, а с другой стороны, привело к эффекту плюрализации истории. Доведенные до крайности и абсурда эти процессы способствовали появлению многочисленных фэнтези-версий истории, манипулированию историческими интерпретациями и в итоге к тому, что может быть названо «концом истории». Таким образом, методологический принцип диалога требует глубокого анализа и осознания.

Если наука, разделившая мир на субъект и объект и признавшая активность исключительно за человеческим сознанием, все дальше удаляется от подлинного смысла бытия, то как организовать утраченный диалог с бытием, чтобы дать ему проявить себя? Очень любопытные, глубокие и эвристически ценные ответы на данный вопрос дает крупный специалист в области методологии истории Л.П. Репина [16, с. 270–271]. В историческом познании мы имеем дело с подлинным диалогом с Другим: диалогом культур, времен, сознаний и т.п. Собственно, сама история есть обширный и разнообразный диалогический опыт человечества. Исследователь обращает внимание на то, что в таком взаимодействии исторический объект перестает быть простым «информатором» и становится равноправным «Собеседником». Диалог в историческом познании следует мыслить, по мнению ученого, по меньшей мере, в трех плоскостях: как диалог историка с источником, как диалог историка с предшественниками и как диалог историка в интердисциплинарной среде [Там же, с. 271].

В первую очередь, прошлое, с которым говорит историк, явлено в источнике. Источник со-проясняет одни вопросы и генерирует новые, заставляет ученого менять

гипотезы, методы, понятийный аппарат. Историк занят герменевтикой источника, его раскодированием путем комплексной реконструкции социальных, политических, духовных и иных контекстов. Это подлинно социокультурная история.

Во-вторых, универсальной единицей социальной системы является рефлексивный человек. Человек прошлого, «предшественник», может быть неповторимо своеобразным и принципиально отличным от нас субъектом. Диалог в историческом познании следует понимать и как коммуникацию сознаний, взаимодействие типов исторического мышления, конкурирующих традиций, смены методов и языка самой исторической науки.

В-третьих, диалогический принцип создает почву для осуществления интегративной функции истории, обнаруживая метаисторические посылки во многих социальных науках. Таким образом, историческая наука становится больше самой себя, она выходит за свою «территорию» в интердисциплинарное пространство [Там же, с. 273–275], организуя коммуникацию политологии, социологии, философии и др.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. / Пер. с нем. В.В. Биbihин. (Мыслители XX века). М.: Республика, 1993. 447 с.
2. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. В 2-х томах. / Пер с нем. М.И. Левина. М.: Наука, 1993. Т. 1. 672 с. Т. 2. 669 с.
3. Ницше Ф. Избранные произведения в 3-х т. Т. 1. М.: REFL-book, 1994. 350 с.
4. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т.1. Феноменология внутреннего сознания времени. / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Гнозис, 1994. 162 с.
5. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. / Пер. с нем. О.В. Никифорова. М.: Логос, 1997. 176 с.
6. Хайдеггер М. Цолликонеровские семинары. / Пер. с нем. О.В. Никифорова. // Логос. Философско-литературный журнал. 1992. № 3. 287 с.
7. Сартр Ж.П. Идиот в семье. Гюстав Флобер от 1821 до 1857. / Рус. перевод Е. Плеханова. СПб.: Алетейя, 1998. 646 [1] с.
8. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. / Пер с фр. А.К. Черноглазов. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
9. Лакан Ж. Семинары. Кн. 1: Работы Фрейда по технике психоанализа. (1953/1954) / Пер с фр. М. Титова, А. Черноглазов. М.: Гнозис, 1998. 425 [6] с.
10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. / Пер. с фр. Г.К. Косикова. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. / Пер. с фр. В.П. Визгин, Н.С. Автономова. СПб.: А-сad: АОЗТ: Талисман, 1994. 406 с.
12. Делез Ж. Различие и повторение. / Пер. с фр. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровской. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. 384 с.

13. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Издательский Центр «Академия», 1995. – 298 с.
14. Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrumphilosophicum*. / Пер. с фр. Я.И. Свирский. М.: Раритет, 1998. 480 с.
15. Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. / Пер. с англ. и нем. А.И. Пигалев. М., СПб.: Университетская книга, 2000. 608 с.
16. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика М.: Кругъ, 2011. 560 с.

Сведения об авторах

Гарбузов Дмитрий Викторович – д-р филос. наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии.

E-mail: buendia@bk.ru

Громова Елена Аркадьевна – кандидат философских наук, доцент, г. Волжский, Волжский филиал Волгоградского государственного университета.

E-mail: gromovelena@yandex.ru

Нечухрин Александр Николаевич – д-р исторических наук, профессор, Гродно, Беларусь, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы.

E-mail: anech@grsu.by

Рамазанов Сергей Павлович – д-р исторических наук, профессор, г. Волжский, Волжский филиал Волгоградского государственного университета.

E-mail: sp-ram@yandex.ru

Garbuzov D. V., Gromova E. A., Nechukhrin A. N., Ramazanov S. P.

PHILOSOPHICAL ORIGINS OF THE PRINCIPLE OF DIALOGUE AS A SYSTEM OF WORLDVIEW AND METHOD OF HISTORICAL RESEARCH

***Abstract:** The article is devoted to dialogue as a methodological principle of non-classical science. The evolution of the dialogue from the philosophical idea and worldview system to the method of social and humanitarian knowledge is shown. The article shows how the ontological and anthropological foundations of the dialogic worldview and the principle of dialogue are born in the process of «criticism of metaphysics» by various areas of postclassical philosophy. The emphasis in the article is on the concepts of philosophers, which are nominally not considered “dialogical”, but in fact contain essential elements of a dialogic worldview. This is not accidental, since dialogism is, in general, an important characteristic of the concepts of postclassical philosophy. The concepts of A. Schopenhauer, F. Nietzsche, E. Husserl, M. Heidegger, J.P. Sartre, J. Lacan, R. Barthes, M. Foucault, J. Deleuze, who rethought the*

concepts of «subject» and «object», destroyed the idea of the monologic fence of the world and man, proved their dialogical mutual openness: there is no world separated from man, just as the being of man is being-in-the-world. Since the actual expression of the dialogical mutual openness of man and the world is always found in temporal forms, the principle of dialogue acquires a special heuristic value precisely in historical cognition. In this context, the article analyzes the deep and heuristically original historiosophical concept of O. Rosenstock-Hussy, a prominent representative of the philosophy of dialogue. The principle of dialogue in historical cognition means not only the recognition of the role of the subject in its results, but also the elevation of the object to the level of the cognizing subject, a conversation with him. The authors are convinced that a deep analysis of the methodological principle of dialogue and its institutionalization are able to withstand such negative effects of modernity as the fantasy pluralization of history, the «end of history», etc.

Keywords: *the principle of dialogue, historical cognition, non-classical science, dialogue of cultures, dialogue of times, intersubjectivity, binary oppositions.*

References

1. Hajdegger M. Nauka i osmyslenie // Hajdegger M. Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija. / Per. s nem. V.V. Bibihin. (Mysliteli HHveka). M.: Respublika, 1993. 447 p.
2. Shopengaujer A. Mir kak volja i predstavlenie. V 2-h tomah. / Per s nem. M.I. Levina. M.: Nauka, 1993. T.1. 672 p. T. 2. 669 p.
3. Nische F. Izbrannye proizvedenija v 3-h t. T.1. M.: REFL-book, 1994. 350 p.
4. Gusserl' Je. Sobranie sochinenij. T.1. Fenomenologija vnutrennego soznaniya vremeni. / Per. s nem. V.I. Molchanova. M.: Gnozis, 1994. 162 p.
5. Hajdegger M. Kant i problema metafiziki. / Per. s nem. O.V. Nikiforova. M.: Logos, 1997. 176 p.
6. Hajdegger M. Collikonerovskie seminary. / Per. s nem. O.V. Nikiforova. // Logos. Filosofsko-literaturnyj zhurnal. 1992. № 3. 287 p.
7. Sartr Zh.P. Idiot v sem'e. Gjustav Flober ot 1821 do 1857. / Rus. perevod E. Plehanova. SPb.: Aletejja, 1998. 646 [1] p.
8. Lakan Zh. Funkcija i pole rechi i jazyka v psihoanalize. / Per s fr. A.K. Chernoglazov. M.: Gnozis, 1995. 192 p.
9. Lakan Zh. Seminary. Kn.1: Raboty Frejda po tehnike psihoanaliza. (1953/1954) / Per s fr. M. Titova, A. Chernoglazov. M.: Gnozis, 1998. 425 [6] p.
10. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. / Per. s fr. G.K. Kosikova. Pojetika. M.: Progress, 1994. 616 p.
11. Fuko M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk. / Per. s fr. V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. SPb.: A-cad: AOZT: Talisman, 1994. 406 p.
12. Delez Zh. Razlichie i povtorenie. / Per. s fr. N.B. Man'kovskoj, Je.P. Jurovskoj. SPb.: TOO TK Petropolis, 1998. 384 p.
13. Delez Zh. Logika smysla. – M.: Izdatel'skij Centr «Akademija», 1995. – 298 p.

14. Delez Zh. Logika smysla. Fuko M. Theatrumphilosophicum. / Per. s fr. Ja.I. Svirskij. M.: Raritet, 1998. 480 p.
15. Rozenshtok-Hjussi O. Izbrannoe: Jazyk roda chelovecheskogo. / Per. s angl. i nem. A.I. Pigalev. M., SPb.: Universitetskaja kniga, 2000. 608 p.
16. Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika M.: Krug, 2011. 560 p.

Garbuzov Dmitry Viktorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor of the Department of Philosophy.

E-mail: buendia@bk.ru

Gromova Elena Arkadyevna – PhD in Philosophy, Associate Professor, Volzhsky, Volgograd State University.

E-mail: gromovelena@yandex.ru

Nechukhrin Alexander Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Grodno, Belarus, Yanka Kupala Grodno State University.

E-mail: anech@grsu.by

Ramazanov Sergey Pavlovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Volzhsky, Volgograd State University.

E-mail: sp-ram@yandex.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.122; 130.2

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКРАН: ЭФФЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА XX СТОЛЕТИЯ

Григорьев С. Л.

***Аннотация:** В статье рассмотрен ряд аспектов, напрямую или косвенно связанных с влиянием большого кинематографического экрана на основные мировоззренческие установки человека XX столетия, в условиях как европейской, так и отечественной культуры. Особое внимание уделено анализу затруднений, возникающих в процессе общего социокультурогенеза искусства кино и связанных с техническими и инженерно-конструктивными сложностями создания образцов кинопродукции, с момента появления и в процессе становления кинематографа, а также в киноиндустрии как массового вида изобразительного искусства. По результатам исследования выделены и проанализированы некоторые аспекты влияния большого экрана на восприятие, мышление, а через них на мировоззрение широкой зрительской аудитории. В заключение выделены особенности кинематографа, обусловленные глубиной и мощностью прямого воздействия экранного изображения, которого лишены другие формы массового искусства, на зрителя.*

***Ключевые слова:** кинематограф, экранная культура, кризис мировоззрения*

Рубеж XIX – XX столетий в общей системе культуры был отмечен многосторонним кризисом, относящимся как к религиозной («Старый бог мертв» [15]), так и секулярной (рассогласование сложившихся социальных идеалов и ориентаций с общим ходом истории) традиции [20]. Такое положение дел не могло не влиять на мировоззрение среднестатистического европейского человека, а что касается России, то здесь эти процессы кратно усугублялись еще и надвигающимся кризисом сложившейся системы государственного устройства. Общая ситуация отличалась крайней неопределенностью, критицизмом, желанием непрременной ревизии всего традиционного, объявленного масштабным общественным скепсисом «устаревающим», почти полным отсутствием сколь-либо конструктивных сценариев «мягкого», эволюционного характера общественного развития. Человек того времени либо впадал в неоправданный фатализм и уныние, либо, напротив, требовал перемен, причем немедленно, и как можно более радикальных. Незначительный по числу голосов призыв не рубить сплеча и попытаться извлечь из не столь уж негативного прошлого хоть какой-то положительный опыт, идеалы и ценности, тонул в реве и мощи голоса масс, все более жаждущих освобождения уже не только экономического, но и духовного. Правда, почти никто, за исключением

самых крайних радикалов, толком не мог сформулировать, какие именно формы (помимо решительного слома всего устаревшего), должно принять это освобождение не только на индивидуальном, но и на самом широком общественном уровне. и единственными тихими голосами, которые в это беспокойное и тревожное время пытались предложить непременно требующей перемен публике хоть что-то не связанное с насилием, борьбой, и экспроприацией экспроприаторов, оказались голоса литературы и искусства. Фактически, европейские страны к тому времени уже накопили целый ряд серьезных проблем (включая социальные), а символизм и образность печатного слова и художественной культуры хотя бы пытались предложить взглянуть на это тяжкое наследие иным, отличным от коллективно-революционного, взглядом – может, и не вполне идеологически определившимися, но пытавшимся сохранить человечность [8, с. 47].

К тому же рубежу столетий относятся и первые удачные опыты по возникновению, становлению и развитию совершенно нового вида искусства – кино. Человечество уже пыталось экспериментировать в этом направлении – сюда следует отнести и «камеру обскура», и театр теней, но то кино, к возникновению которого человечество подошло к началу XX века, требовало совершенно иного уровня развития науки, техники, технологий, инженерной мысли [6]. Как известно, именно XIX век оказался тем столетием, в течение которого человечество вплотную подошло к началу процесса создания самых разнообразных по сложности технических систем, и эта участь не обошла также и процесс создания движущегося изображения в том виде, чтоб он мог быть представлен взору большого количества людей. Поскольку дело оказалось технически, физически и физиологически совершенно новым, неизвестным и малопонятным, то никто не мог даже представить, в каком направлении следует двигаться и что именно в конце концов должно получиться как действующий, функциональный прибор или аппарат. В начале процесса (1830-е годы) удалось создать эффект движущегося рисованного изображения (но не реального объекта), ближе к середине столетия возникли проблемы с процессом съемки и устройством для показа (изображение мог видеть в объектив только один человек). К 1870-м годам стало очевидно, что с прежними бумажными носителями добиться требуемого результата будет невозможно технически. Изобретение в начале 1870-х годов синтезированного целлулоида помогло решить и эту проблему, поэтому далее каких-либо серьезных технических преград этот процесс не имел, и к рубежу XIX – XX веков европейская цивилизация уже подошла с опытом проведения первых массовых кинопоказов, в основном в Париже [4].

Первые русские кинооператоры и киноинженеры в своих достижениях шли примерно вровень с иностранными, и к 1903 – 1904 году им уже было что показать, однако, признав за их великими трудами будущее, денег на развитие этого самого затратного вида искусства никто (ни государственные чиновники, ни меценаты) им так тогда и не дал. Первые киносеансы отличались, конечно, предельной сжатостью числа отснятых кадров, монохромностью и «немотой», но пораженная увиденным общественность и это принимала с восторгом [18, с. 39]. Выявилось, что, демонстрируя «иную жизнь» и «иные миры», экранное изображение вовлекало зрителя внутрь киносюжета, заставляло его сочувство-

вать, сопереживать персонажам, отождествлять себя с ними и в итоге вынуждало взглянуть на самого себя как-то по-иному, по-новому. Выходя после киносеанса, люди стали задумываться не столько о собственно увиденном, сколько о том, что они посредством экрана смогли открыть заново внутри самих себя. Постепенно осознание чрезвычайной силы воздействия и важности искусства кино вышло на массовый, а затем и на государственный (включая международный) уровень. Именно благодаря искусству кино XX столетия прежде номинальный «диалог культур» стал приобретать самые что ни на есть зримые очертания [2, с. 69]. И поскольку актуальность этой темы не имеет временных ограничений [5], предметом предпринятого исследования является комплексный исторический и социокультурный анализ возможностей и силы воздействия кинематографа на формирование мировоззрения человека в его позиции кинозрителя.

Целью исследования является анализ мировоззренческой роли искусства кино в культуре и факторов воздействия творений кинематографа на формирование мировоззрения человека.

Для достижения цели исследования был проведен анализ текстовых материалов, содержание которых соответствовало поставленной задаче, с использованием методов контент- и кросс-факторного анализ источников по параметрам.

Распад традиционной «классической», или «романтической» европейской культуры продолжался весь XVIII век. К началу следующего XIX столетия завершился первый этап этого процесса. В определенной степени этому способствовала смена феодальной общественно-экономической формации другой, прагматичной, которой соответствовала совершенно иная, буржуазная этика утилитаризма, что в свою очередь, не могло не оказать влияния на процессы замены и ломки традиционных устоев, где «звук пастьешего рожка посреди прежней безмятежной сельской пасторали все более тонул в шуме мануфактур и гуле заводов и фабрик» [9, с. 133]. Мощь силы человека, помноженная на машинный фактор, порождала иллюзию его всемогущества и власти над природой – качественно новую иллюзию, пришедшую на смену прежним иллюзиям гармонии и созерцательности. Однако, если человек стал способен изменить природу, почему он не способен изменить общественные устои? Завершившийся Великой французской революцией XVIII век, приведший к уничтожению в стране старого порядка, дал утвердительный ответ и на этот вопрос, породив тем же самым и целый ряд новых социальных утопий, под которые марксизм позже очень удачно подвел соответствующую социально-экономическую теоретическую базу. Показавшиеся весьма привлекательными и потому завладевшие огромной частью общественного сознания марксистские идеи расщепили примерно однородное прежде мировоззрение среднего европейского обывателя, а потом приникли и в Россию. Идея прогресса стала пониматься теперь (и пониматься массово) не столько натурфилософски, сколько общественно-исторически и при этом преимущественно революционно [1, с. 31].

Знаменитый фильм А. Сокурова и Ю. Арабова «Одинокий голос человека»¹ прямо указывает на проблему, которая возникла в Европе много раньше эпохи «торжества

¹ Сокуров А.Н. Одинокий голос человека // К/с «Ленфильм». – 1978. – Код доступа URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/4678/annot/> (Дата обращения: 13.09.2022).

великих социальных проектов» – проблему отчуждения. Эту проблему первыми отразили в своих произведениях еще ранние немецкие романтики, позже Шеллинг и Гегель подвели под него историческое, а Маркс и Энгельс – экономическое и социальное обоснование. Сокуров и Арабов правы в том, что Советской власти не удалось принудительным «объединением масс» преодолеть это тяжкое наследие прошлого. Но в это не её вина. По утверждению Ж. Бодрийяра, знаменитые «массы» внутри гиперреальности своей объектности и есть предел, самый закономерный итог этого отчуждения, ибо массы и есть неинтегрируемое множество прежде отчужденных индивидов, мнимое «единство» которых есть ни что иное, как самый масштабный и впечатляющий асоциальный симулякр [3, с. 29]. Аморфное тело «масс» также скреплено симулякрами социальных отношений – формальных, вещных, поверхностных. Именно с гипертрофии процесса отчуждения человека европейской культуры на рубеже XIX – XX веков и начался потрясающий по своему трагизму и числу безвинных жертв процесс его обезличивания, деиндивидуализации, дегуманизации, чудовищным итогом которого нам всем выпало быть сейчас современниками. Невозможность социальной интеграции есть трагическое следствие основной проблемы человека отчужденного – он лишен возможности понимания своего собственного бытия и, следовательно, возможности быть собой, понять себя, доверять себе, сказать что-либо о себе [17, с. 149].

Этот «одиноким голос человека», выпавший из его уст, подхватывает очень кстати появившийся кинематограф, в отличие от предсказуемой и серой реальности, вольный обращаться как с фактическим пространством, так и с историческим временем человека, как угодно. Очень быстро дистанцировавшись от жанров бытовых комедий и костюмированных постановок, кинематограф безжалостно начинает препарировать прошлое, извлекая из него пред очи массового зрителя запретные темы, и добавляя свои собственные художественные сюжеты [12, с. 5]. Рисуя картины антиутопий будущего человечества, он также не щадит человечества настоящего – таковы, например, «Метрополис» Ф. Ланга (1927 год) или «Новые времена» Ч. Чаплина (1936 год). На киноэкран постепенно прорываются авангард, дадаизм, сюрреализм – культурные стили, принципиально противостоящие описательности, консерватизму, сюжетности как таковой, и всякому формализму, опирающемуся на них – во Франции это Ж. Кокто, Ж. Виго, М. Рей, А. Шометт, в Германии – Х. Рихтер и В. Руттман, в Испании – Л. Бунюэль, в Италии – С. Лубингюль, Л. Висконти, в СССР – С. Эйзенштейн, А. Довженко, Г. Козинцев (советские режиссеры вынужденно отдавали дань музе социалистического реализма вследствие внешних причин [16]).

Из формы общественного развлечения кино постепенно становится грозной и даже опасной силой, решительно и глубоко влияющей на сознание, на представление о мире и, следовательно, на мировоззрение самой широкой зрительской аудитории [11, с. 118]. Авторитарные режимы середины прошлого столетия также постепенно начинают осознавать эту опасность и ожидаемо ставят киноиндустрию под свой контроль, превращая процесс создания кинорепертуара в средство манипуляции сознанием масс. Исторический век авторитаризма, как правило, недолог, и на фоне сменяющих его периодов

либерализации общественной мысли именно кино затем оказывается в авангарде художественной рефлексии тяжелых времен духовной несвободы, равно как и их не менее трагических последствий. На фоне массовой утраты в европейском и отечественном обществе интеллектуальной самостоятельности кино заново учило этих отчужденных обществом и государством людей не только мыслить, но и мечтать, и в этом была его величайшая заслуга, поскольку возможности широкого экрана, помноженные на творческую смелость и независимость постановщика, позволяли непосредственно и напрямую актуализировать перед зрительским взором такие социально- или даже индивидуально-значимые сценарии, которые в реальности были бы или крайне затратны, или вообще невозможны [19].

Однако кино не оставляет своего зрителя без главного, не только демонстрируя реальную или вымышленную действительность, кино никогда не отказывается от своего иммерсивного потенциала, вовлекая зрителя в свой мир, и предлагая ему над увиденным задуматься, причем задуматься самому, лично, а это и есть один из возможных путей формирования мировоззрения [14, с. 22]. Нельзя оставить в этом отношении и документальный кинематограф, лишая его творцов статуса создателей произведений искусства, поскольку документальные видеоряды часто становятся самым прямым, самым бескомпромиссным и самым безжалостным свидетельством прошлого – такого прошлого, которое от всевидящего ока кинокамеры документалиста скрыть просто невозможно.

К двадцатилетию Победы 1945 года выходит фильм М. Ромма «Обыкновенный фашизм» [10], являющийся одновременно и социальной анатомией, и психологией, и диагностикой описываемого явления, который по величине и масштабам своего влияния в мире можно сравнить с международным Нюрнбергским трибуналом над нацистским режимом.

Иногда кино становится способом решения личных проблем, подталкивает, склоняет человека к определенному выбору на перекрестке жизненных путей. Это достигается путем аналогизации жизненной ситуации реальной и экранной, когда зрителю есть, в чем сравнить себя с экранным персонажем [13, с. 261]. Несмотря на внешнее спокойствие зрительного зала, актуальный, проблемный и по-настоящему злободневный фильм всегда держит его в напряжении, которое лично для кого-то, согласно психологии зрительского восприятия, вполне может завершиться катарсисом и принятием конкретного решения [7, с. 43].

В этом отношении самое массовое экранное искусство современности остается внутри своего пространства, несмотря на эту массовость, глубоко индивидуальным и диалогичным, потому что все мы крайне редко ходим в кино для или ради кого-то другого, но почти всегда – для себя.

Выводы

1. Искусство кино прошло крайне сложный путь инженерно-технической эволюции своего создания, и до настоящего времени технически, технологически и затратно кино было и остается одним из самых сложных видов массового искусства.

2. В короткие сроки кинематограф из формы массового развлечения превращается в одно из самых эффективных средств воздействия на мировоззрение зрителя.
3. Кино становится способом возврата утраченного голоса «человеку отчужденному», говоря за него голосами своих персонажей и принудительно обращая внимание общества и государства на его проблемы.
4. Кино учит зрителя не только мыслить, но и мечтать, добавляя тем самым к его наличному мировоззрению существенные штрихи.
5. Кино обладает скрытым, но крайне мощным потенциалом иммерсии, настойчиво вовлекая своего зрителя в диалог.
6. Искусство кино обладает удивительной способностью дотянуться до тех глубинных струн души реципиента, которые для других видов искусства могут остаться недоступными.

Список литературы

1. Аль-Хуссаини Р.Х. Концептуализация социально-философских моделей человека в XX в. // *Философские науки*. 2011. № 12. С. 29–33.
2. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 2000.
4. Воронцова Е.А. Кино как способ расширения визуального восприятия в культуре рубежа XIX-XX вв // *Аналитика культурологии*. 2013. №26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kino-kak-sposob-rasshireniya-vizualnogo-vospriyatiya-v-kulture-rubezha-xix-xx-vv> (дата обращения: 04.10.2022).
5. Григорьев С.Л. Кинематограф как проблемное поле современной науки и образования: коммуникативный аспект // *Российская цивилизация в эпоху глобальной эволюции: обеспечение безопасности и поиск путей решения проблем в условиях меняющегося миропорядка* : Материалы I Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей, Армавир, 15–16 октября 2021 года / Кубанский государственный технологический университет Армавирский механико-технологический институт Кафедра гуманитарных дисциплин. – Армавир: ООО «Редакция газеты «Армавирский собеседник» (Армавирская типография), 2021. С. 290–293.
6. Григорьев С.Л. Анатомия экранного образа // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4. № 1. С. 164–170.
7. Григорьев С.Л. Этические экзистенциалы современной экранной культуры (на примере британского сериала “Black mirror”) // *Общество: философия, история, культура*. 2022. № 8(100). С. 39–44.
8. Казючиц М.Ф. Язык экранных искусств: от кино к интернет-коммуникациям // *Артикульт*. 2011. № 2. С. 42–51.

9. Коньков И.Е. Эпоха творчества и кинематограф начала XX века // Концепт. 2016. № 11. С. 131–137.
10. Корнев В.В. Обыкновенная идеология (к полувековому юбилею «Обыкновенного фашизма» М. Ромма) // Semantic scholar.org (Электронный ресурс). 2014. Corpus ID: 199702435. URL: www.semanticscholar.org/paper/6fc8b9bd89520654e5d65466197cafd8 (Дата обращения: 14.09.2022).
11. Лобанова Ю.В. Манипуляция сознанием: усиление воздействия в информационном пространстве // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2019. № 6(93). С. 117–120.
12. Мазурицкая М.А. Влияние российского кинематографа на формирование системы ценностей молодежи в 1920–2000-е гг. // Культура: теория и практика. 2016. № 12. С. 5.
13. Мелконян К.Ю. Киноискусство как фактор формирования социокультурного пространства современного общества // Вестник СтавроГУ. 2010. № 12. С. 259–263.
14. Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Мироззрение как объект философской рефлексии // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 6 С. 20–23.
15. Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом. М.: Эксмо-Пресс, 2018, 160 с.
16. Смирнов В.М., Смотров Т.Н. Роль кинематографа в становлении субъективной картины жизненного пути личности // Психология образования в XXI веке: теория и практика. URL: https://psyjournals.ru/education21/issue/54472_full.shtml (Дата обращения: 11.09.2022).
17. Хренов Н.А. К истории формирования киноязыка: кинематограф между символической и романтической фазой в становлении Духа // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 149–155.
18. Хренов Н.А. Экранная культура в контексте перехода от индустриальной к постиндустриальной цивилизации // Наука телевидения. 2016. № 12. С. 12–47.
19. Щеглова Л.В., Саенко Н.Р. Методические ресурсы художественного кинематографа в контексте преподавания гуманитарных дисциплин в современной высшей школе // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016. Т. 10. № 4. С. 39–48.
20. Saenko N.R., Kortunov V.V., Volkova P.S., Pupyshva E.L. Spiritual independence of an artist's personality in postmodernity // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25. No Extra 7. P. 62–69.

Сведения об авторе

Григорьев Сергей Леонидович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Российский государственный аграрный университет – МСХА им К. А. Тимирязева, г. Москва

E-mail: grigoryevdiss@gmail.com

Grigoryev S. L.

CINEMATOGRAPHIC SCREEN: THE IMPACT ON THE WORLDVIEW OF THE XX CENTURY HUMAN BEING

Abstract: *this article discusses and analyzes a number of aspects that are directly or indirectly related to the influence of cinema art on the main ideological attitudes of a person of the last century in the conditions of both European and domestic film culture. Particular attention is paid to the analysis of a number of difficulties associated with the development of cinematography and the film industry as a mass type of fine art, both in terms of the technical and engineering-constructive complexity of creating film products, and in relation to the general socio-cultural genesis of cinema art within the framework of European and domestic culture, ranging from moment of its appearance. Based on the results of the study, certain aspects of the influence of the «big screen» on perception, thinking, and through them - also on the worldview of a wide audience are identified and analyzed. In conclusion, the features of cinematography are considered, due to the depth and power of the direct impact of the screen image on the viewer, which other forms of mass art are deprived of.*

Keywords: *crisis of worldview, cinema, screen culture*

References

1. Al'-Xussaini R.X. Konceptualizaciya social'no-filosofskix modelej cheloveka v XX v. [Conceptualization of socio-philosophical models of man in the XX century] // *Filosofskie nauki*. 2011. № 12. S. 29–33.
2. Ben'yamin V. Proizvedenie iskusstva v e'poxu ego texnicheskoj vosproizvodimosti [A work of art in the era of its technical reproducibility]. M.: Medium, 1996.
3. Bodriyar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konecz social'nogo [In the shadow of the silent majority, or the End of the social]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGU, 2000.
4. Voronzova E.A. Kino kak sposob rasshireniya vizual'nogo vospriyatiya v kul'ture rubezha XIX-XX vv [Cinema as a way of expanding visual perception in the culture of the turn of the XIX-XX centuries] // *Analitika kul'turologii*. 2013. №26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kino-kak-sposob-rasshireniya-vizualnogo-vospriyatiya-v-kulture-rubezha-xix-xx-vv> (data obrashheniya: 04.10.2022).
5. Grigor'ev S.L. Kinematograf kak problemnoe pole sovremennoj nauki i obrazovaniya: kommunikativny'j aspekt [Cinema as a problem field of modern science and education: communicative aspect] // *Rossijskaya civilizaciya v e'poxu global'noj e'voljucii: obespechenie bezopasnosti i poisk putej resheniya problem v usloviyax menyayushhegosya miroporyadka* : Materialy` I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov, aspirantov, prepodavatelej, Armavir, 15–16 oktyabrya 2021 goda / Kubanskij gosudarstvenny'j texnologicheskij universitet

- Armavirskij mehaniko-texnologicheskij institut Kafedra gumanitarny`x disciplin. – Armavir: ООО «Redakciya gazety` «Armavirskij sobesednik» (Armavirskaya tipografiya), 2021. S. 290–293.
6. Grigor`ev S.L. Anatomiya e`krannogo obraza [Anatomy of the screen image] // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. T. 4. № 1. S. 164–170.
 7. Grigor`ev S.L. E`ticheskie e`kzistencialy` sovremennoj e`kranoj kul`tury` (na primere britanskogo seriala “Black mirror”) [Ethical existentials of modern screen culture (on the example of the British TV series “Black mirror”)] // Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul`tura. 2022. № 8(100). S. 39–44.
 8. Kazyuchicz M.F. Yazy`k e`kranny`x iskusstv: ot kino k internet-kommunikacijam [The language of screen arts: from cinema to Internet communications] // Artikel`t. 2011. № 2. S. 42–51.
 9. Kon`kov I.E. E`poxa tvorchestva i kinematograf nachala XX veka [The epoch of creativity and cinema of the early twentieth century] // Koncept. 2016. № 11. S. 131–137.
 10. Kornev V.V. Oby`knovennaya ideologiya (k poluvekovomu yubileyu «Oby`knovennogo fashizma» M. Romma) [Ordinary ideology (to the half-century anniversary of «Ordinary fascism» by M. Romm)] // SemanticScholar.org (E`lektronny`j resurs). 2014. Corpus ID: 199702435. URL: www.semanticscholar.org/paper/6fc8b9bd89520654e5d65466197cafd8 (Data obrashheniya: 14.09.2022).
 11. Lobanova Yu.V. Manipulyaciya soznaniem: usilenie vozdejstviya v informacionnom prostranstve [Manipulation of consciousness: increased exposure in the information space] // Sovremennaya nauka: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki. Seriya: Poznanie. 2019. № 6(93). S. 117–120.
 12. Mazuriczskaya M.A. Vliyanie rossijskogo kinematografa na formirovanie sistemy` cennostej molodezhi v 1920 - 2000-e g.g. [The influence of Russian cinema on the formation of the value system of youth in the 1920 - 2000s] // Kul`tura: teoriya i praktika. 2016. № 12. S. 5.
 13. Melkonyan K.Yu. Kinoiskusstvo kak faktor formirovaniya sociokul`turnogo prostranstva sovremennogo obshhestva [Cinematography as a factor in the formation of the socio-cultural space of modern society] // Vestnik StavrGU. 2010. № 12. S. 259–263.
 14. Nekrasova N.A., Nekrasov S.I. Mirovozzrenie kak ob`ekt filosofskoj refleksii [Worldview as an object of philosophical reflection] // Sovremennye naukoemkie tehnologii. 2005. № 6 S. 20–23.
 15. Niczsche F. Sumerki idolov, ili Kak filosofstvuyut molotom [Twilight of idols, or How to philosophize with a hammer]. M.: E`ksmo-Press, 2018, 160 c.
 16. Smirnov V.M., Smotrova T.N. Rol` kinematografa v stanovlenii sub`ektivnoj kartiny` zhiznennogo puti lichnosti [The role of cinema in the formation of a subjective picture of a person`s life path] // Psixologiya obrazovaniya v XXI veke: teoriya i praktika. URL: https://psyjournals.ru/education21/issue/54472_full.shtml (Data obrashheniya:

- 11.09.2022).
17. Xrenov N.A. K istorii formirovaniya kinoyazy`ka: kinematograf mezhdru simvolicheskoy i romanticheskoy fazoj v stanovlenii Duxa [On the history of the formation of the cinema language: cinema between the symbolic and romantic phase in the formation of the Spirit] // Verxnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 1. S. 149–155.
 18. Xrenov N.A. E`krannaya kul`tura v kontekste perexoda ot industrial`noj k postindustrial`noj civilizacii [Screen culture in the context of the transition from industrial to post-industrial civilization] // Nauka televideniya. 2016. № 12. S. 12–47.
 19. Shheglova L.V., Saenko N.R. Metodicheskie resursy` xudozhestvennogo kinematografa v kontekste prepodavaniya gumanitarny`x disciplin v sovremennoj vy`sshej shkole [Methodological resources of artistic cinematography in the context of teaching humanities in a modern higher school] // Vestnik Associacii vuzov turizma i servisa. 2016. T. 10. № 4. S. 39–48.
 20. Saenko N.R., Kortunov V.V., Volkova P.S., Pupysheva E.L. Spiritual independence of an artist's personality in postmodernity // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25. No Extra 7. P. 62–69.

Grigoryev Sergey Leonidovich – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev, Moscow

E-mail: grigoryevdiss@gmail.com

УДК 130.2

ИТАЛЬЯНСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ В СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ 1960–1970-Х ГГ.

Зайцева Д. С.

***Аннотация:** Задача настоящей статьи – проанализировать процесс влияния зарубежных фильмов, число которых на советских экранах в 1960-1970-е гг. значительно увеличилось, на отечественную повседневную культуру и выявить характерные черты кинодискурса тех лет. Период, рассматриваемый нами, характеризуется, с одной стороны, расширением государственно санкционированных возможностей знакомства с элементами западного (капиталистического) образа жизни, среди которых значимое место занимал кинематограф, и сохранением идеологического контроля над культурной сферой, с другой стороны. Идеологически выгодным для Советского Союза оказалось сотрудничество с Италией. Италия как страна с большим распространением коммунистических идей и сильными антифашистскими традициями была государством, с которым СССР наладил прочные связи в области культуры, в частности кинематографа. В работе представлено рассмотрение таких аспектов сотрудничества Италии и СССР как совместная съемка фильмов, участие итальянских артистов в советских мероприятиях, посвященных кинематографу, закупка итальянских фильмов для показа внутри страны. Разделив кинодискурс рассматриваемого периода на массовый и элитарный, мы выявили причины выбора определенных итальянских картин, просмотр которых одобрялся официальной идеологией. В статье отмечены различия в оптике просмотра фильмов рядовыми зрителями, интеллигенцией и представителями власти. Выделено влияние итальянского кинематографа на рост интереса к европейской повседневности, складывание образа Италии, индивидуализацию вкуса советских граждан и трансформацию их потребительских установок.*

***Ключевые слова:** советская культура, «оттепель», культура повседневности, итальянский кинематограф*

В годы «оттепели» советскому человеку было разрешено знакомиться с западной культурой, однако знакомство это было строго регламентировано идеологией. Советский гражданин должен был смотреть на европейский образ жизни «с правильного ракурса», который регулировался властью. Приоткрытие «железного занавеса», произошедшее во второй половине 1950-х гг., объяснялось, в первую очередь, отказом советского руководства от доктрины неизбежной войны и идеологическим поворотом в сторону мирного сосуществования. Признание необходимости всестороннего развития в СССР вело к заимствованию опыта развитых европейских стран не только в экономике, но и в культурной сфере [1, с. 67], к которой относится и кинематограф.

Выбор зарубежных фильмов, допущенных к показу в СССР, был идеологически

продиктован. На экраны страны, согласно позиции ЦК КПСС и партийных комитетов, не должны были выходить картины, «приукрашивающие порядки в современном капиталистическом мире, идеализирующие капиталистический образ жизни, а также проповедующие буржуазные идеи классового мира» [цит. по: 2, с. 38]. Это было связано с тем, что советский потребитель, в особенности молодой, часто рассматривался как «политически наивный». Даже в позднесоветские годы, когда западная культура довольно широко проникла в советское общество, существовала концепция оберегания потребителя от «неправильного», «деструктивного» [3, с. 79], т.е. того, что противоречит идеалам социализма. Такое оберегание должно было осуществляться во всех сферах, где советский человек мог соприкоснуться с капиталистической культурой. Заметим, что на уровне кинематографа контроль был особенно сильным, так как кинематограф является одним из инструментов для формирования общественного мнения и достижения политическо-идеологических задач [4, с. 185], т.е. при недостатке контроля со стороны власти через зарубежные фильмы могли проникнуть идеи, опасные для «политически наивного» советского человека.

Италия стала одной из стран, с которой Советский Союз начал активное сотрудничество в культурной сфере в рассматриваемый нами период. Это связано с тем, что Италия была государством с сильными антифашистскими традициями (благодаря активным действиям участников Сопротивления в годы Второй мировой войны) и большим влиянием коммунистической партии [5, с. 116]. Следовательно, расклад политических сил в Италии способствовал обращению внимания советского руководства на эту страну как на возможного партнера.

Другой причиной сближения с Италией была ее политическая слабость в послевоенный период – государство потерпело поражение во Второй мировой войне, оказалось практически лишены военных сил [6, с. 193]. Советская власть хотела использовать Италию как площадку для продвижения своих идей в Западной Европе, и это было возможным из-за сложностей в итальянской политике. Более того, было важным не допустить усиления влияния американцев в Италии, и в противовес культурному сотрудничеству Италии и США Советский Союз выдвигает свой план культурного обмена итальянского и советского народов в области кинематографа, литературы, театра.

Созданию положительного образа СССР в Европе, в частности, способствовала работа Общества «СССР–Италия» и его аналога «Италия–СССР» [5, с. 118]. Отделения Обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами создавались как в союзных республиках, так и в отдельных городах. Благодаря работе этих обществ была налажена тесная и регулярная связь с Туринном, Римом, Флоренцией, Генуей, Гроссето, Миланом, Пезаро, Пизой [7, с. 94], т.е. были установлены контакты с крупнейшими культурными центрами Италии.

Заметим, что именно Италия стала одной из первых стран (наравне с Францией), с которыми Госкино имел право самостоятельно, т.е. без разрешения руководящих партийных органов, решать вопросы о совместных киносъёмках [цит. по: 2, с. 39]. Первой совместной работой кинематографистов СССР и Италии стал фильм «Они шли на Вос-

ток» режиссеров Дж. де Сантиса и Д. Васильева, снятый в 1964 г. Работа рассказывает о солдатах итальянских войск, воевавших на территории Советского Союза. В фильме снялись американский актер Артур Кеннеди, итальянский актер Рафаэле Пизу, советские актеры Лев Прыгунов, Жанна Прохоренко, Татьяна Самойлова. В 1969 г. был выпущен фильм «Красная палатка» о спасении итальянцев, которые застряли в Арктике в 1928 г., с Шоном Коннери и Клаудией Кардинале [1, с. 68]. Производство совместных фильмов было выгодно Советскому Союзу, т.к. позволяло показать открытость советской власти к сотрудничеству с европейскими и американскими коллегами, и зарубежным кинодеятелям, поскольку это был шанс для них проникнуть на советский рынок и увеличить доход от продажи кинокартин.

Однако несмотря на сильные коммунистические традиции, Италия оставалась капиталистической страной, поэтому проникновение итальянских произведений в СССР необходимо было тщательно контролировать в рамках концепции оберегания «политически наивного» советского потребителя. В связи с этим печатались в основном произведения деятелей Сопротивления и членов Компартии – Р. Вигано, Ф. Иовине, К. Леви, в советском театре ставились пьесы идеологически правильного итальянского деятеля культуры Э. де Филиппо [5, с. 117]. Не только фильмы, но и литературные произведения, театральные постановки, попадавшие в Советский Союз, должны были транслировать конкретную, непротиворечащую социалистической идеологии действительность.

Какие же итальянские фильмы транслировались на советском экране? В первую очередь следует отметить, что в этот период сохраняется разделение кинодискурса на массовый и элитарный.

К элитарному кинодискурсу относятся официальные мероприятия, проводившиеся при поддержке советского руководства. Так, с 1956 г. стали регулярно организовываться Недели итальянского кино в Москве и Ленинграде. На первую такую неделю приехала Дж. Мазина, исполнительница главной роли фильма Ф. Феллини «Дорога». С 1959 г. итальянских деятелей киноискусства стали приглашать на Московский международный кинофестиваль. В частности, на первом фестивале была показана картина Ф. Феллини «Ночи Кабирии», а на третьем – главная награда была присуждена его же фильму «Восемь с половиной» [5, с. 120]. Выбор произведений Феллини для демонстрации на советском кинофестивале неслучаен, поскольку итальянское кино в этом случае предстает как инструмент критики бездуховного капиталистического общества [8]. Обратившись к отзыву советского кинокритика Р. П. Соболева, можно понять, что работы Феллини соответствовали идеологическим требованиям, предъявляемым советской идеологией к зарубежным фильмам. Так, по мнению Соболева, в фильмах Феллини присутствует тоска по чистоте. Например, в картине «Сладкая жизнь» «грязные и страшные» эпизоды сочетаются с образом тоненькой хрупкой девочки, что создает контраст. Он пишет, что «девочка предстает в качестве символа бескорыстия и чистоты – качеств, которых лишен мир взрослых» [цит. по: 1, с. 68]. Таким образом, Феллини в советской культуре рассматривался как обличитель пороков буржуазного общества, режиссер, выражающий в своих картинах идеи, которые не чужды советскому человеку. Зритель, ознако-

мившийся с работами этого итальянского кинодеятели, должен был только утвердиться в преимуществах социалистической действительности, оберегавшей его от проблем капиталистического мира.

Несмотря на элитарность таких мероприятий как Московский международный фестиваль, это мероприятие обсуждалось на страницах возродившегося в 1957 г. журнала «Советский экран» [9, с. 36], составлявшего часть массового кинодискурса.

В годы «оттепели» кинокультура изменилась. Самым заметным изменением стало повышение интереса рядовых граждан к кинематографу, о чем говорит рост количества сеансов в городских кинотеатрах (их число увеличилось с трех до восьми в день в середине 1950-х гг.) [цит. по: 9, с. 35]. Привлечение большого числа людей в ряды кинозрителей объясняется рядом причин.

Во-первых, кино было популярным развлечением в СССР из-за малого количества альтернатив для культурного времяпрепровождения, особенно в маленьких городах и поселках. Во-вторых, низкие цены на билеты делали просмотр фильмов доступным видом отдыха для широкой публики. В-третьих, государство поддерживало интерес граждан к кино, поощряя организацию встреч с актерами и режиссерами в кинотеатрах, проведение лекций и создание клубов любителей кино [10, с. 58]. Кроме того, многих зрителей привлекала возможность посмотреть иностранные картины, поскольку в послевоенные годы до наступления «оттепели» отечественное кино находилось в кризисе – жанровое разнообразие не было большим, а количество вышедших на экраны фильмов значительно сократилось. По сравнению с этим кризисом оттепельный бум зарубежного кино на советских экранах (только за 2 года в 1960-е гг. было куплено 17 фильмов [цит. по: 9, с. 36]) привел к возрождению интереса к фильмам.

Стоит подчеркнуть, что именно иностранные картины были самыми популярными у советской публики. Так, каждый советский фильм в среднем смотрело 390 тыс. зрителей, а каждую европейскую или американскую картину – около 424 тыс. зрителей [11, с. 641], что говорит о том, что среди советских зрителей зарубежные фильмы были чрезвычайно востребованы, во многом потому, что воспринимались как новый опыт взаимодействия с западным образом жизни.

Заметим, что если фильмы Ф. Феллини, Л. Висконти, М. Антониони, П. Пазолини демонстрировались на закрытых фестивалях, и широкая публика не была знакома с ними, то шедевры неореализма были доступны даже для жителей нестоличных городов. Подтверждение особой любви советских зрителей к работам неореалистов находим в интервью руководителя Малого театра народного артиста СССР Ю.М. Соломина. Он вспоминал, как в подростковом возрасте его поразил фильм «Рим – открытый город», который он посмотрел в кинотеатре в Чите [5, с. 119].

Итальянское кино нравилось советскому обывателю, потому что оно показывало, как другие трудящиеся могут проживать красивую, честную жизнь [цит. по: 5, с. 120], т.е. советский зритель легко мог провести параллели между своей повседневностью и действительностью в работах итальянских неореалистов. Более того, популярность работ неореалистов у широкой публики объясняется возросшим интересом советских

людей к Италии. Этот интерес возбудил культовый фильм 1953 г. «Римские каникулы» режиссера У. Уайлера, вышедший на советские экраны спустя семь лет после мировой премьеры [12, с. 52]. Несмотря на то, что американская романтическая комедия показывала идеалистический образ страны, расхваливая картины жизни итальянских крестьян и рабочих из работ неореалистов, она послужила складыванию стереотипов о «bel paese» во всем мире, в том числе и в Советском Союзе.

Несмотря на незначительное влияние работ великих итальянских режиссеров Феллини, Антониони, Пазолини на советского зрителя, их роль в формировании стиля теплых картин, способа изображения повседневности и, в конечном итоге, в изменении отношения к ней, огромно. Так, вещи в советских фильмах 1960-х гг. (режиссеров М. Хуциева, Г. Даниеля, К. Муратовой) переходят в эстетическую плоскость – камера фиксирует красиво одетых героев, которые составляют городскую среду, их наряды не несут социальной или этической нагрузки, что характерно для советского кино до «оттепели», а лишь составляют часть хронотопа фильма. Киноприем «прогулка», позволяющий вывести моду из проблематики нормативного потребления, был заимствован из творчества итальянского режиссера Антониони [9]. Изменение отношения к моде в советском кино способствовало более глобальному переосмыслению модного дискурса в обществе в целом, и итальянские фильмы внесли вклад в этот процесс.

Итальянские картины, выходящие в советский прокат во второй половине 1960-х гг. и особенно в 1970-е гг., – фильмы, в первую очередь, развлекательные. Это итальянские комедии, ярким представителем которых является «Брак по-итальянски» В. де Сика. В них также представлено разоблачение пороков буржуазного общества, только в более понятной для широкой публики форме [8]. Лидерами советского проката становятся народная комедия «Серафино» (1969), социальные драмы «Признание комиссара полиции прокурору республики» (1971), «Следствие закончено – забудьте» (1977) [13, с. 152]. Перечисленные выше картины являются примером того, как идеологические интересы власти при выборе картин не противоречили желаниям рядового зрителя. Так, в «Серафино» широкую публику привлекал забавный сюжет и веселые ситуации, происходящие с крестьянином, который противопоставлен буржуазному миру с его страстью к накопительству. Фильм «Признание комиссара полиции прокурору республики» был пропущен цензурой на советский экран, так как картина демонстрировала проблемы коррупции в капиталистическом мире. Более того, одним из положительных героев был итальянский коммунист, которого убили представители мафии. Рядовой же зритель больше ценил приключенческую историю и детективный сюжет.

Таким образом, в Советском Союзе сформировалась культура просмотра зарубежных фильмов. Несмотря на то, что властные структуры проводили идеологическую проверку всех кинокартин, появившихся в прокате, итальянские фильмы открыли советскому зрителю окно в другой мир. Они не только удовлетворяли желание познакомиться с европейским образом жизни, но и повлияли на изменение отношения к представлению советской повседневности в отечественной культуре.

Стоит подчеркнуть, что благодаря модно одетым персонажам советские люди смог-

ли вывести моду из сферы массового, в которой модный образ являлся результатом следования требованиям социалистической идеологии, в сферу индивидуального, где переживание интереса к тому или иному наряду, прически героев, желания их повторить у каждого зрителя свое. Благодаря итальянским фильмам с роскошными образами ярких Клаудии Кардинале, Софи Лорен, Джини Лоллобриджиды происходила индивидуализации вкуса советских граждан. Этот процесс неоднозначно воспринимался советской властью. С одной стороны, формирование индивидуального вкуса означало установление высоких эстетических стандартов и прогресс социалистической культуры. С другой стороны, индивидуализация потребления приводила к повышению запросов населения к качеству и разнообразию товаров народного потребления, в частности одежды, которые советская экономика не могла удовлетворить [24, с. 346]. Следовательно, итальянский кинематограф, транслируя привлекательные образы кинозвезд, трансформировал потребительские установки советских людей, что приводило к неоднозначным последствиям для социальной и экономической жизни страны.

Отношение официальной советской культуры к растущей популярности европейских актрис в СССР также было неоднозначным. О влиянии образов итальянских звезд Джини Лоллобриджи и Софи Лорен на представления о красоте у людей в Италии сказано в статье «Советской культуры» 1967 г.: «Обложки всех журналов отдают дань красоте двух див, все женщины стараются быть похожими на них, и мужчинам кажется, что по улицам ходят только эти две дивы, до бесконечности размноженные на ротаторе...» [цит. по: 1, с. 69]. Заметим, что, несмотря на признание красоты итальянских актрис, копирование их образов критикуется.

Другим аспектом кинокультуры, тесно связанным с советско-итальянским сотрудничеством в сфере кинематографа, является формирование советского аналога подиума, на котором иностранные и отечественные звезды могли демонстрировать свои наряды. Таким подиумом были, например, мероприятия Московского международного фестиваля [9, с. 36]. Именно итальянские кинодеятели были частыми гостями подобного рода публичных мероприятий. Информация о факте их посещения Советского Союза была общедоступной (благодаря публикациям «Советского экрана»), что повысило интерес к их личностям и героям, которых они исполняли.

Интересно, что формат публикаций, стилистика фотографий зарубежных звезд в «Советском экране» претерпела значительные изменения за короткий промежуток времени. Так, Московский международный кинофестиваль 1959–1961 гг. в советской прессе предстает как воспитательное мероприятие, что подтверждают статьи в «Советском экране» о том, почему социалистические фильмы лучше зарубежных, а также размышления об отличии буржуазных и социалистических кинематографических фестивалей [15, с. 52]. Проанализировав фотографии в журнале этого периода, их можно разделить на три категории: фотографии массовки (например, зрители в кинозале), портреты простых граждан рабочих профессий, которые иллюстрируют статьи о них, а также изображения звезд [15, с. 53–54]. Если первые два типа фотографий выполняли сугубо идеологическую функцию, то портреты звезд, преимущественно зарубежных, являлись

окном в мир западной культуры для читателей «Советского экрана». Участники фестивалей в конце 1950-х гг. на страницах журнала представляли чаще всего погруженными в советскую повседневную культуру, например, посещающими завод или поющими в сквере [15, с. 54], т.е. даже изображения известных актеров должны были не привлекать внимание поклонников, а показывать приверженность авторитетных людей идеалам социализма. В 1950-е гг. фотографии и статьи, которые не выполняли воспитательно-идеологическую функцию, в «Советский экран» не попадали. В частности, советские читатели не увидели фото, облетевшее весь мир, на котором были запечатлены актрисы Д. Лоллобриджида и Э. Тейлор, выбравшие на прием одинаковые платья [15, с. 54]. Это было сенсационное событие для капиталистического мира (неудачные наряды звезд), но для советской прессы важнее было запечатлеть положительные отзывы гостей о советской действительности или дать советы читателям о культурном досуге. Следовательно, во второй половине 1950-х гг. в советском кинодискурсе вопросы о модных образах звезд не занимают должного места, а возможности для знакомства с европейской повседневностью через официальную прессу (журнал «Советский экран») практически отсутствуют.

К 1963 г. изменяется и текстовое, и иллюстративное наполнение «Советского экрана», что связано с ослаблением внимания властей к Московскому кинофестивалю. В 1960-е конкурс превратился в развлекательное мероприятие, и его идеологическая функция ушла на второй план [15, с. 56]. В результате становится возможным появление портретов зарубежных звезд на обложке журнала, увеличение числа фотографий участников фестиваля на прогулке, смеющихся, танцующих, т.е. включенных в повседневность и проявляющих живые эмоции. Во второй половине 1960-х гг. появляются даже заметки о приватной жизни актрис и певиц [15, с. 57]. Иная презентация участников кинофестивалей в официальной печати позволяла советским людям еще больше симпатизировать любимым деятелям зарубежной культуры и давала возможность вырезать их портреты, сохранять обложки журналов, воспринимать их как отдельных субъектов общественной жизни. Образы итальянских актеров, представленные на страницах «Советского экрана», дополняли представление о европейской повседневности, которое поклонники кино получали во время просмотра фильмов.

Подведем итоги. Итальянские фильмы в 1960–1970-е гг. заняли особое место в советской кинокультуре. Картины неореалистов были популярны среди широкой публики благодаря образам итальянского трудового народа, имеющего сходную с советскими рабочими судьбу. Именно эти фильмы об итальянском пролетариате и крестьянах сформировали у советских людей интерес к Италии, который был подкреплён стереотипами о «bel paese» из «Римских каникул» Уайлера. Шедевры Феллини, Антониони, Пазолини повлияли на деятелей отечественной киноиндустрии, изменили репрезентацию сферы повседневности в оттепельных фильмах. Кроме того, в ходе сотрудничества советского и итальянского кинопроизводства произошли значительные трансформации в отношении к кинодеятелям, что подтверждает официальная советская пресса о кино, в частности, журнал «Советский экран».

Список литературы

1. Мюллер Веласкес Д.П. Роль итальянской культуры в контексте советской повседневности периода 1960-1970-х гг. // Вестник казанского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1. С. 66–72. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45601298_55623147.pdf (дата обращения: 08.06.2023).
2. Белошапка Н. В. Культурное сотрудничество СССР с западными странами в контексте идеологического противостояния // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2011. № 3. С. 35–44.
3. Кулиничева Е.А. «Всеобуч вкуса»: теория советской моды и эстетическое образование потребителя в позднем СССР (1960-1980-е гг.) // Новое прошлое. 2021. № 4. С. 70–90.
4. Костючков А.Н. Кинофильм как инструмент формирования международного образа страны (на примере художественного фильма «Невероятные приключения итальянцев в России») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2021. № 3. С. 184–194.
5. Животовская И.Г. Особенности формирования образа Италии в России: История и современность // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 2. С. 106–135.
6. Любин В.П. Италия, увиденная из Кремля. Годы разрядки в архивах ЦК КПСС, 1953-1970 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: история. 2016. № 4. С. 191–194.
7. Самсонова И.С., Козловская Т.Н. К вопросу о становлении интернациональной работы в г. Тольятти в период с 1965 по 1985 гг. (на примере Тольяттинского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ТО ССОД)) // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 93–95.
8. Сиразетдинова Ю.О. Обзор итальянского кинематографа 60-х и 70-х годов XX века в контексте сотрудничества с СССР / Ю. О. Сиразетдинова, М. В. Потапова. // Молодой ученый. 2021. № 27 (369). С. 295–298. URL: <https://moluch.ru/archive/369/83017/> (дата обращения: 08.06.2023).
9. Дашкова Т. Бабетта идет на Москву: экспансия зарубежного кино в советскую повседневность // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. № 56. С. 31–60.
10. Огородникова О.А. Кино в повседневной жизни советского человека (1950-1960-е годы) // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 3 (31). С. 58–64.
11. Косинова М.И. Международные связи советской кинематографии в годы «Оттепели» // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 6 (50). С. 631–648.
12. Виниченко И. В. Механизмы трансляции моды в СССР в период «Оттепели» // Омский научный вестник. 2008. №. 6 (74). С. 50–53.

13. Лебина Н.Б. «Итальяно веро»: фильмы с Апеннин в послевоенной советской жизни // Родина. 2011. № 4. С. 152–154.
14. Журавлев С.В. Мода и социализм: материалы к обсуждению // Труды Института российской истории. Вып. 10 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Ю.А. Петров, ред. –коорд. Е.Н. Рудая. М., 2012. С. 343–358.
15. Жидкова Н.Г. Московский международный кинофестиваль на страницах журнала «Советский экран» (1959-1969 гг.): гендерный анализ // Женщина в российском обществе. 2014. № 2 (17). С. 48–60.

Сведения об авторе

Зайцева Дарья Сергеевна – студент Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.

E-mail: st087519@student.spbu.ru

Zaitseva D. S.

THE ITALIAN CINEMA IN THE SOVIET EVERYDAY CULTURE DURING 1960–1970S

***Abstract:** The purpose of this article is to analyze the process of the influence of foreign films, the number of which on Soviet screens in the 1960s and 1970s increased significantly, on the domestic everyday culture and to identify the characteristic features of the cinema discourse of those years. The period we are considering is characterized, on the one hand, by the expansion of state-sanctioned opportunities for acquaintance with elements of the Western (capitalist) way of life, among which cinema occupied a significant place, but on the other hand, the preservation of ideological control over the cultural sphere. Ideologically beneficial for the Soviet Union was cooperation with Italy. Italy, as a country with a large spread of communist ideas and strong anti-fascist traditions, was a state with which the USSR established strong relations in the field of culture, in particular cinema. The paper presents the consideration of such aspects of cooperation between Italy and the USSR as the joint shooting of films, the participation of Italian artists in Soviet events dedicated to cinema, the purchase of Italian films for domestic screening. Dividing the film discourse of the period in question into mass and elite, we identified the reasons for choosing certain Italian motion pictures, the viewing of which was approved by the official ideology. The article notes the differences in the optics of watching films by ordinary viewers, intellectuals and government representatives. The influence of Italian cinema on the growth of interest in European everyday life, the folding of the image of Italy, the individualization of the taste of Soviet citizens and the transformation of their consumer attitudes is highlighted.*

Keywords: Soviet culture, «thaw», culture of everyday life, Italian cinema

References

1. Muller Velasquez D.P. Rol' ital'janskoj kul'tury v kontekste sovetsoj povsednevnosti perioda 1960-1970-gg. [Role of Italian Culture in the Context of Soviet Everyday Life during 1960-1970-s] // Vestnik kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2021. № 1. P. 66–72. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45601298_55623147.pdf (accessed: 08.06.2023).
2. Beloshapka N.V. Kul'turnoe sotrudnichestvo SSSR s zapadnymi stranami v kontekste ideologicheskogo protivostojanija [The Cultural Cooperation of the USSR with the Western Countries in the Context of Ideological Opposition] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Istorija i filologija». 2011. № 3. P. 35–44.
3. Kulinicheva E.A. «Vseobuch vkusa»: teorija sovetsoj mody i jesteticheskoe obrazovanie potrebitelja v pozdnem SSSR (1960-1980-e gg.) [«Vseobuch Vkusa»: the Theory of Soviet Fashion and the Aesthetic Education of Mass Consumers in the Late USSR (1960-1980s)] // Novoe proshloe. 2021. № 4. P. 70–90.
4. Kostiuchkov A. Kinofil'm kak instrument formirovanija mezhdunarodnogo obraza strany (na primere hudozhestvennogo fil'ma «Neverojatnye prikljuchenija ital'jancev v Rossii») [A Motion Picture as a Tool for Sharing the International Image of a Country (a Case Study of the Feature Film «Unbelievable Adventures of Italians in Russia»)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: istorija i politicheskie nauki. 2021. № 3. P. 184–194.
5. Zhivotovskaya I.G. Osobennosti formirovanija obraza Italii v Rossii: Istorija i sovremennost' [Russian Perceptions of Italy: History and Present State] // Aktual'nye problemy Evropy. 2016. № 2. P. 106–135.
6. Ljubin V.P. Italija, uvidennaja iz Kremlja. Gody razrjadki v arhivah CK KPSS, 1953-1970 [Italy Seen from the Kremlin. Years of Détente in the Archives of the Central Committee of the CPSU, 1953–1970] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 5: istorija. 2016. № 4. P. 191–194.
7. Samsonova I.S., Kozlovskaya T.N. K voprosu o stanovlenii internacional'noj raboty v g. Tol'jatti v period s 1965 po 1985 gg. (na primere Tol'jattinskogo otdelenija Sojuza sovetsoj obshhestv družby i kul'turnoj svjazi s zarubezhnymi stranami (TO SSOD)) [On Becoming an International Work in Togliatti from 1965 to 1985 (on the Example of the Togliatti Office of the Union of the Soviet Societies of Friendship and Cultural Communication with Foreign Countries (TS USSF))] // Karel'skij nauchnyj zhurnal. 2016. V. 5. № 3 (15). P. 93–95.
8. Sirazetdinova Ju.O. Obzor ital'janskogo kinematografa 60-h i 70-h godov XX veka v kontekste sotrudnichestva s SSSR [Review of the Italian Cinema of the 60s and 70s of the XX Century in the Context of Cooperation with the USSR] / Ju. O. Sirazetdinova, M. V. Potapova. // Molodoj uchenyj. 2021. № 27 (369). P. 295–298. URL: <https://moluch.ru/archive/369/83017/> (accessed: 08.06.2023).
9. Dashkova T. Babetta idet na Moskvu: jekspansija zarubezhnogo kino v sovetskuju

- povsednevnost' [Babette goes to Moscow: the Expansion of Foreign Cinema into Soviet Everyday Life] // *Teorija mody: odezhda, telo, kul'tura*. 2020. № 56. P. 31–60.
10. Ogorodnikova O.A. Kino v povsednevnoj zhizni sovetskogo cheloveka (1950-1960-e gody) [Cinema in the Daily Life of a Soviet Citizen (1960-1960s)] // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. Ser.: Istoricheskie nauki. 2018. № 3(31). P. 58–64.
 11. Kosinova M.I. Mezhdunarodnye svjazi sovetskoj kinematografii v gody «Ottepeli» [International Relations of the Soviet Cinema in the Years of the Thaw] // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2015. № 6 (50). P. 631–648.
 12. Vinichenko I. V. Mehanizmy transljaccii mody v SSSR v period «Ottepeli» [The Mechanisms of Fashion Propagation in the USSR in the Period of «Thaw»] // *Omskij nauchnyj vestnik*. 2008. №. 6 (74). P. 50–53.
 13. Lebina N.B. «Ital'jano vero»: fil'my s Apennin v poslevoennoj sovetskoj zhizni [«Italiano Vero»: Films from the Apennines in Post-War Soviet Life] // *Rodina*. 2011. № 4. P. 152–154.
 14. Zhuravlev S.V. Moda i socializm: materialy k obsuzhdeniju [Fashion and Socialism: Materials for Discussion] // *Trudy Instituta rossijskoj istorii*. Vyp. 10 / Rossijskaja akademija nauk, Institut rossijskoj istorii; otv. red. Ju.A. Petrov, red. –koord. E.N. Rudaja. M., 2012. P. 343–358.
 15. Zhidkova N.G. Moskovskij mezhdunarodnyj kinofestival' na stranicah zhurnala «Sovetskij jekran» (1959-1969 gg.): gendernyj analiz [Moscow International Film Festival in «The Soviet Screen» Magazine (1959-1969): Gender Analysis] // *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*. 2014. № 2 (17). P. 48–60.

Zaitseva Darya Sergeevna – Student, Culturology, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

E-mail: st087519@student.spbu.ru

УДК 297

РОЛЬ СУФИЗМА В КИТАЙСКОМ ИСЛАМЕ

Сатико Мурата, Уильям С. Читтик

Перевод с английского Р. Н. Энверова¹

***Аннотация:** Перед вами глава из книги выдающихся знатоков Ислама, в которой раскрывается генезис и становление Исламского конфуцианства в средневековом Китае. Данный текст позволяет сформировать общее представление о бытовании Ислама в Поднебесной на протяжении последнего тысячелетия, а также знакомит читателя с уникальным диалогом между духовными традициями.*

***Ключевые слова:** Ван Дайюй, хуэйру, антропокосмизм, конфуцианство*

Джемальнур Саргут Ходжам попросил нас сказать что-нибудь о роли кафедры исламоведения имени Кенана Рифаи в Пекинском университете, которую мы открыли весной 2012 года. Как известно многим из вас, эта кафедра находится в Институте передовых гуманитарных наук, который был основан профессором Ту Веймином в 2010 году, вскоре после того, как он вышел на пенсию после тридцати лет работы в Гарварде. Нам также посчастливилось работать в Китае, где мы вели несколько курсов: один в Пекинском университете, другой в университете Минзу. Вместе с этим мы приняли участие в нескольких конференциях и семинарах, благодаря чему познакомились с рядом выдающихся китайских исследователей ислама, и имели возможность работать со многими талантливыми студентами.

С самого начала мы понимали, что первоочередная задача кафедры имени Кенан Рифаи будет заключаться в том, чтобы помочь китайским мусульманам восстановить связь с их собственной интеллектуальной традицией. Нет необходимости указывать, что XX век был по-настоящему губительным для ислама в Китае несмотря на то, что мусульмане жили в Китае полторы тысячи лет, основав процветающие общины во многих частях страны. Сегодня насчитывается не менее тридцати миллионов китайских мусульман. Многие из них принадлежат к этническим меньшинствам, значительная часть которых неотличима от прочих китайцев.

После китайской коммунистической революции 1949 года все формы религии и духовной традиции были признаны врагами нового режима – если не в теории, то на практике. В то же время ислам подвергался особому преследованию, потому что руководство страны считало эту религию иностранным импортом. До сих пор многие мусульмане скрывают свою исламскую идентичность из-за предубеждений против них. Такие преследования в отношении верующих стали причиной того, что целое поколение мусульманских ученых было потеряно и в силу этого интеллектуальная связь с прошлым катастрофически оборвалась.

¹ Перевод выполнен по изданию: Murata, Sachiko. The First Islamic Classic in Chinese: Wang Daiyu's Real Commentary on the True Teaching. Albany: State University of New York Press, 2017. P. 165–171.

Тридцать лет назад Китай открылся внешнему миру, мусульманские общины смогли отправить студентов за границу с целью восстановить утраченные знания. В результате возникло новое поколение ученых и улемов, получивших образование в таких странах, как Саудовская Аравия и Пакистан. Эти богословы обладают некоторыми знаниями о Коране, хадисах и шариате, но при этом часто проникаются идеологией исламистских движений. Более того, такой способ обучения не дает подготовки в традиционных интеллектуальных областях: суфизме и философии, – хотя именно суфийские и философские аспекты определили характер ислама в Китае. Другими словами, новые улемы возвращаются в свою страну без должного образования, которое позволило бы им понять учения великих китайских мусульман прошлого.

Возможно, лучший способ понять разницу между новыми формами китайского ислама и прошлыми состоит в том, чтобы увидеть разницу между традиционной и современной архитектурой китайских мечетей. Везде, где мусульманское население значительно, новые мечети растут, как грибы после дождя. Возводимые, как правило, на средства саудовцев, они выглядят словно безвкусные бетонные чудовища. Напротив, те немногие мечети, что не были разрушены в период Культурной революции, едва отличимы от конфуцианских, даосских и буддийских храмов. Это прекрасные образцы традиционной китайской архитектуры, органично интегрированные в природное и социальное окружение. Они иллюстрируют дальневосточный идеал равновесия и гармонии – идеал, который представлен в старых мечетях по всему исламскому миру. Находясь в Китае, вы можете понять только при взгляде с близкого расстояния, что традиционные мечети – это мусульманские места поклонения. Дело отчасти в том, что большая часть на вид китайской каллиграфии на самом деле является арабской. Внутри эти храмы, несомненно, являются исламскими сооружениями, даже если их обшая атмосфера полностью гармонирует с широко известными китайскими формами.

Описанный контраст между старинными и современными китайскими мечетями ярко иллюстрирует сложившееся недопонимание между традиционным и современным китайским исламом. Мы видим, что мусульманская мысль прошлого гармонично вписывается в интеллектуальное наследие дальневосточной цивилизации, в то время как модернистские идеи, подобно сорнякам, атакуют традиционную китайскую и исламскую духовную культуру. Традиционный китайский ислам гармонирует с китайской цивилизацией по одной ключевой причине: он полностью пронизан внутренними аспектами исламского учения, обычно называемого суфизмом. Это сочетание позволило китайским мусульманам увидеть величие истины, резонирующей с их цивилизацией. Они серьезно относились к учению о том, что Бог посылал пророков ко всем народам, и видели пророческую мудрость в китайских культурных и литературных формах, даже если думали, что большинство китайцев потеряли связь с истинным смыслом этой мудрости. Способность заглядывать вглубь внешних форм и за их пределы, бесспорно, служит отличительной чертой суфийских учителей на протяжении всей мусульманской истории.

Мы познакомились с традиционным китайским исламом в 1994 году, когда вдво-

ем посетили конференцию по диалогу между исламом и конфуцианством в Малайском университете в Куала-Лумпуре. Один из ее китайских участников, ученый из Сингапура, выступил с докладом о Ван Дайюе (ок. 1570 – ок. 1660), написавшем первую книгу об исламе на китайском языке, изданную в 1642 году. Мы были очарованы его сообщением, и, вернувшись в США, доктор Мурата нашла несколько книг Ван Дайюя и других китайских мусульман в библиотеке Яньчин в Гарварде. Мы решили исследовать одну из книг Ван Дайюя, и профессор Ту Веймин, который тоже был на конференции в Куала-Лумпуре, согласился изучить этот текст вместе с нами.

По ходу исследования мы обнаружили, что Ван Дайюй стоял у истоков интеллектуального движения, которое длилось до XX столетия и серьезно пострадало от политических и социальных потрясений в начале того века. Современные исследователи обычно называют это движение «Хань Китаб», используя китайско-арабское словосочетание, означающее «китайские Книги». Десятки мусульманских ученых, последовав примеру Ван Дайюя, создали труды по исламу на китайском языке и стали известны как Хуэйру – «мусульманские конфуцианцы». Это название стало использоваться из-за их твердой приверженности конфуцианским классикам, а также замечательной способности выражать учение ислама на языке, который был знаком интеллектуальной элите Китая на протяжении столетий.

Профессор Ту согласился помочь нам в изучении наследия Ван Дайюя, ибо, как мы, увидел в исламско-конфуцианских текстах пример религиозного диалога, гораздо более содержательного, чем дискуссии, которые обычно происходят сегодня. Справедливость этого тезиса в точности подтвердилась после пяти лет анализа творчества Ван Дайюя. Это исследование привело нас к другому мусульманскому интеллектуалу, Лю Чжи (ок. 1660 – ок. 1739), ставшему публиковать свои книги в начале XVIII века. Лю Чжи служит прекрасным примером мусульманина-конфуцианца, прекрасно осведомленного в неоконфуцианстве – школе мысли, доминировавшей в восточноазиатской интеллектуальной истории на протяжении последнего тысячелетия. Эта форма конфуцианства смогла ответить на вызовы двух своих основных соперников: даосизма и буддизма, – предложив обширные доктрины о природе вселенной и человеческой личности, то есть темах, которые не освещались в работах конфуцианских классиков. Опираясь на свои глубокие неоконфуцианские и исламские знания, Лю Чжи написал трилогию об исламских учениях. Первый том этого объемного произведения посвящен исламскому мировоззрению в целом, второй – обоснованию исламских ритуалов и социальных практик, а третий – жизни пророка Мухаммада, которая является воплощением исламской теории и практики.

Для того чтобы лучше понять значение мусульманско-конфуцианского синтеза, разработанного Ван Дайюем, Лю Чжи и другими, следует помнить о том, как исламская мысль развивалась в течение своей истории, особенно в персидских землях ислама, простиравшихся от Албании до Китая. Хотя известный мусульманский мыслитель Абу Хамид аль-Газали (1058–1111) был повсеместно признан создателем синтеза разных ветвей исламской доктрины, намного большее влияние приобрели более поздние

ученые, труды которых были адресованы широкой аудитории. Некоторые из лучших представителей их ряда были поэты, как, например, Мавлана Джалаладдин Руми (1207–1273), Хафиз Ширази (ок. 1325 – ок. 1390) и Аляутдин Агтар (ум. 1400). Они являются влиятельнейшими выразителями зрелого исламского мировоззрения. Их поэзия давала объяснение ключевых тем исламской мысли, но вместе с тем была легко доступна каждому персоязычному читателю. В большей части персидского мира Мавлана Руми был гораздо более влиятельным учителем ислама, превосходя в этом аль-Газали, даже несмотря на то, что нам пока не удалось найти много свидетельств того, что персидские поэты широко читались в Китае.

Тогда как аль-Газали был малоизвестен в Китае, самым авторитетным автором среди мусульман-конфуцианцев, по всей вероятности, можно считать Мухиддина Ибн Араби (1165–1240). Мы утверждаем это, опираясь на анализ персидских книг, созданных Азизом Насафи (ум. 1295) и Абдом ар-Раманом Джами (1414–1492), двумя из трех ученых, чьи книги были переведены на китайский язык до XX века. Третьим ученым был Наджм ад-Дин Рази (1177–1247), автор «Мирад аль-ибад». Этот труд стал одним из самых популярных учебников по исламу среди китайских мусульман.

Популярность Ибн Араби во всем персидском мире была связана с тем, что он предложил уникальную концепцию Бога, вселенной и человеческой души. Это понимание было намного более всеобъемлющим, чем те, что предложили другие исламские мыслители до или после него. При этом созданное им мировоззрение, очерк которого разделяло большинство мусульманских ученых, можно считать антропокосмизмом. Этот же термин использует Ту Веймин для описания дальневосточной картины мира, выраженной великими неоконфуцианскими мыслителями. Антропокосмическая перспектива рассматривает вселенную и человека как две стороны одной живой реальности.

Мусульманские конфуцианцы осознали, что исламское антропокосмическое видение мира легко переводится в конфуцианскую терминологию благодаря явному сходству с китайской мыслью. Именно поэтому они развивали свои центральные идеи, опираясь на тексты Насафи, Джами и Наджма ад-Дина Рази. Этот процесс нельзя назвать всего лишь исторической случайностью, поскольку их труды давали четкие систематические образцы антропокосмического миропонимания.

Если сегодня вы спросите мусульман, какие арабские тексты следует перевести на другие языки мира, скорее всего большинство респондентов назовут Коран, сборники хадисов и различные работы по юриспруденции. Вероятно, также в этот список попадут трактаты по вероубеждению и некоторые труды аль-Газали. Однако мусульмане-конфуцианцы не переводили никаких арабских произведений. Безусловно, они владели арабским, так как обучались исламским наукам. Но проблема заключалась для них не в том, какие книги нужно изучить, чтобы стать знатоком ислама. Вопрос скорее сводился к тому, что нужно понять мусульманскому сообществу, чтобы принять исламское мировоззрение и жить в соответствии с ним. Это хорошо – учить людей произносить молитвы, выполнять другие ритуалы, читать Коран и соблюдать законы ислама. Но как объяснить им на их родном языке необходимость таких действий? Другими словами, вы

не можете просто сказать людям, что они должны делать х, у и z, «потому что так говорит Бог», даже если в основном исламские священнослужители говорят им именно это. Чтобы следовать определенным рекомендациям, люди должны иметь весомые причины для этого. Учитывая, что исламские принципы формируют все аспекты человеческой жизни, их рациональное обоснование должно быть сильнее, чем обоснование чего-либо еще. Эта необходимость подвела мусульман-конфуцианцев к весьма определенной проблеме: как убедительно объяснить на китайском языке мировоззрение, лежащее в основе исламских ритуалов и социальных учений.

Хуэйру решили описанную задачу, создавая и переводя книги, которые объясняли такие фундаментальные вопросы, как смысл нашего существования, роль человека во вселенной, последствия человеческих действий и необходимость пророческого руководства. Для того чтобы переложить эти идеи на родной язык, от них требовалось быть мастерами китайской мысли, весьма компетентными не только в неоконфуцианстве, но также в даосизме и буддизме. В исламской традиции этими темами занимались именно суфийские учителя.

В заключение отметим, что четыреста лет, пролежавших между смертью аль-Газали и кончиной Джамии, явились одним из самых творческих и плодотворных периодов в исламской интеллектуальной истории. Практически все великие философы, богословы, суфии и поэты, жившие в этот период, мыслили реальность в свете антропокосмического мировоззрения и формулировали это понимание в своих трудах. Они усматривали цель человеческой жизни в достижении преобразованного восприятия реальности, при котором человек и вселенная взаимодействуют в совершенной гармонии. Путь, ведущий к этой трансформации, по их мнению, был воплощен в учении пророков, от Адама до Мухаммада.

Не зная, каким образом эти мусульманские мудрецы и философы выражали единое, антропокосмическое миропонимание и что они считали его кораническим, нельзя увидеть то, что линия преемства исламской мысли от аль-Газали до мусульман-конфуцианцев фактически нерушима. Если китайские мусульмане сегодня не поймут, что принципы и большинство аспектов мышления их предков непосредственно черпаются из фундаментальных изложений исламской традиции, вышедших из-под пера великих мусульманских ученых, они рискуют ошибочно решить, что должны отвергнуть собственное интеллектуальное наследие. В таком случае мусульмане Поднебесной попытаются заново изобрести исламское мировоззрение на основе информации, импортированной с Запада и почерпнутых из дискурсов политизированного ислама, которые так явно доминируют сегодня на Ближнем Востоке. Напомнить китайскому миру о богатейших исламских ресурсах, в которых отражено понимания человеческого бытия на их родном языке, – непосредственная задача кафедры имени Кенана Рифаи.

Сведения об авторах

Сатико Мурата – исследователь в области сравнительной философии и мистицизма, профессор религиоведения и азиатских исследований Университета Стоуни-Брук.

E-mail: sachiko.murata@stonybrook.edu

Уильям Читтик – почетный профессор кафедры азиатских и азиатско-американских исследований Университета Стоуни-Брук.

E-mail: william.chittick@stonybrook.edu

Сведения о переводчике:

Энверов Рустем Нуриевич – независимый исследователь

E-mail: R.enverov@mail.ru

Murata S., Chittick W. C.

THE ROLE OF SUFISM IN CHINESE ISLAM

transl. from English by R. N. Enverov

Abstract: Here is a chapter from a book by prominent experts on Islam, which reveals the genesis and formation of Islamic Confucianism in medieval China. This text allows us to form a general idea of the existence of Islam in the Celestial Empire over the last millennium, and also introduces the reader to a unique dialogue between spiritual traditions.

Keywords: Wang Daiyu, Huiru, Anthropocosmism, Confucianism.

Sachiko Murata is a scholar of comparative philosophy and mysticism and a professor of religion and Asian studies at Stony Brook University.

E-mail: sachiko.murata@stonybrook.edu

William Chittick is a distinguished professor in the Department of Asian and Asian American Studies at Stony Brook University.

E-mail: william.chittick@stonybrook.edu

Enverov Rustem Nurievich is an independent researcher.

E-mail: R.enverov@mail.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51

РУСОФОБСКИЙ НАРРАТИВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЕДУЩИХ БРИТАНСКИХ АВТОРОВ ПО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Ильичев А. В.

***Аннотация:** В статье рассматриваются исследования ведущих британских авторов по тематике Второй мировой войны. Целью исследования является рассмотрение механизмов конструирования негативного образа России на примере работ, посвященных Второй мировой войне, как одной из моделей формирования антироссийского мировоззрения западного общества и их влияние на отечественное общество. Предметом исследования выступают публикации ведущих британских авторов с 1960 по 2018 год. Объектом исследования выступает антироссийский образ истории Второй мировой войны как механизм по продвижению антироссийских настроений в британском обществе. Характеристика «антироссийский» применяется в адрес событий 1940-х гг., поскольку западные исследователи не дифференцируют СССР и современную Россию как разные государства. Огромный массив исследований по изучаемой тематике, вынудил сосредоточиться на работах наиболее авторитетных авторов (параметры выборки описаны в основном тексте публикации). По результатам исследования было выявлено четыре основных подхода по продвижению антироссийской повестки через события Второй мировой войны. С 1940-х по 1980-х гг. на Западе публиковались работы, авторы которых, умышленно игнорировали события на Восточном фронте или давали краткую и сухую выжимку, относя эти события к второстепенным. На основании этого базиса, с 1990-х гг. и начала 2000-х гг. началась публикация исследований, призванных сформировать у читателей образ России в лице СССР как тоталитарного режима эквивалентного нацисткой Германии. Результаты исследования демонстрируют, что подобная идеологическая политика привела к тому, что на Западе Советский Союз всё больше становится полноценной «Империей зла», а «Война на Восточном фронте» – противостоянием двух тоталитарных режимов.*

***Ключевые слова:** Вторая мировая война, СССР, русофобия, Война на Восточном фронте, Иностранная литература, политические технологии.*

Введение

Вторая мировая стала одним из крупнейших военных столкновений в истории человечества, нескольких различных геополитических проектов, способных радикально перекроить все Европейское и Азиатское политическое пространство. Последствия этого противостояния ускорили процессы упадка Западноевропейских держав, установив ми-

ровую гегемонию двух сверхдержав – США и СССР. Послевоенное переустройство мира и борьба за Восточную Европу и Азию привели к началу Холодной войны и длительному противостоянию России и США. Дальнейшие события продемонстрировали, что Вторая мировая война не завершилась 2 сентября 1945 г., а продолжается и сегодня. С полем сражений противостояние перешло в научно-культурный дискурс. Репрезентация Второй мировой войны и комплекс причин, что привели к её началу, стали ареной, на которой одни комбатанты пытаются трансформировать историческую память в угоду политической повестке, а другие – сохранить её неприкосновенной. В связи с этим многие институты общественные и правительственные организации на Западе стали уделять приоритетное внимание разработке новой, послевоенной европейской идентичности, идеям гражданской солидарности как скрепляющему стержню нации. Основа этой новой идентичности базировалась на репрезентации событий Второй мировой войны, которая в корне трансформирует восприятие и понимание причинно-следственных связей тех исторических событий, смещая смысловые акценты. Как справедливо отмечает отечественный социолог С.Н. Першуткин: «Идеологические дискуссии и своеобразные трактовки Второй мировой войны, по сути, становятся разновидностью боевых действий. В информационный век побеждает тот, чья история убедительнее и привлекательней» [1].

Значение и острота политического дискурса относительно событий Второй мировой войны не только не снизилась за 78 лет, прошедших с момента её окончания, но и заметно возросла.

В ходе интервью «Радио Словенско» и словацкой телекомпании «СТВ» президент Российской Федерации В.В. Путин заявил следующее: «Я бы рекомендовал новоявленным историкам или, точнее, тем, кто хочет переписать историю, прежде чем переписывать ее и прежде, чем писать книжки, научиться их читать» [2]. Президент особенно подчеркнул, что попытки переписать историю и принизить вклад СССР и Красной армии в победу над нацистской Германией связаны исключительно с политическими вопросами. Проблемы интерпретации истории Второй мировой войны западными исследователями в этот период (2000–2014 гг.) не воспринимались научным сообществом и рядовыми гражданами как серьезная угроза для сохранения исторической правды о тех событиях и для национальной безопасности нашей страны.

В этот исторический промежуток на парады, проводимые 9 мая, прибывали лидеры иностранных государств, происходили обмены по студенческой и молодежной линии, наших представителей приглашали на торжественные мероприятия в Западной Европе. Однако вскоре европейские журналисты начали поднимать тему «пакта Молотова-Риббентропа», продвигая идеи о равнозначности советского и нацистского режима. А на территориях ряда стран (Грузия, Польша, Украина) стали уничтожать советские памятники и монументы воинской славы.

В Западной Европе и США происходил постепенный процесс вымывания Советского Союза и Красной Армии из истории Второй мировой войны. Итогом этого стало формирование западной картины истории (представленной широко в произведениях художественного и научного толка), где нет места СССР как союзника по антигитле-

ровской коалиции, а наша страна представлена как один из виновников тех поистине страшных событий, как ещё одно «зло», пришедшее на смену другому.

В 2013 г. президент РФ В.В. Путин во время выступления на торжественном приеме в Кремле, посвященном 70-летию победы под Сталинградом, заявил: «...Обязаны решительно противостоять попыткам исказить события Второй мировой войны, подгонять их под конъюнктурные политические лекала, бесстыдно перечеркивая подвиг тех, кто освободил мир» [3]. В статье В.В. Путина по истории Второй мировой войны, опубликованной в 2020 г., президент указал, что «исторический ревизионизм на Западе не только цинично искажает те события, но и создает угрозу для сегодняшней системы мироустройства» [4].

Со времени второй научной революции науку и научные достижения стали использовать как один из активных политических инструментов «мягкой силы». Незадолго до начала Первой мировой войны германские ученые активно продвигали в своих исследованиях нарративы о «великом политическом и экономическом статусе Германии [5, с. 279].

Историк Одра Дж. Вулф в исследовании «Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science» продемонстрировала, что наука и ученые (гуманитарного и технического толка) активно использовались правительством США, как инструмент в идеолого-политическом противостоянии с СССР [6]. В этом плане создается интересный контраст для западного исследовательского поля между советскими и американскими учеными [6]. Одра Вулф в своем исследовании заявляет о том, что нарратив об «аполитичности науки» был создан политическими элитами США и Западной Европы для борьбы с СССР [6]. С его помощью происходило разграничение «свободного мира» от «коммунистического» [6].

Одним из центральных элементов любой исторической политики является «ключевое событие», каковым, например, является победа в войне. По своей сути современные страны-участницы Второй мировой войны делятся на три большие группы: «Виновники войны» (Германия, Япония и в меньшей степени Италия), страны «Жертвы» (Польша, Прибалтика, Нидерланды и ряд др.), страны «Победители». Говоря о последней группе, в первую очередь следует выделить три государства: Россию как правопреемницу СССР, США и Великобританию, внёсшие наибольший вклад в разгром стран Оси. В данном контексте следует отметить, что наиболее эффективным инструментами в рамках скрепления нации в единый монолит являются принижение значения вклада других стран путём смещения акцентов в повествовании на достижения своей собственной страны – реальные или мнимые. Достигается это путём уменьшения текстового материала, посвящённого другим странам-участницам конфликта, и акценте на отдельных кампаниях, битвах или лицах, которые из второстепенных или «одних из» начинают трансформироваться в «решающие для победы». Вторым инструментом, который идёт в тесном тандеме с первым, является конструирование образа врага, чему способствует формирование резко негативных, отталкивающих, дегуманизирующих, стереотипных представлений о политическом оппоненте в лице народа, нации или государства в исторической памяти своего народа и экстраполировании их на современный период.

В рамках «исторической политики» страны западного блока, в первую очередь

США и Великобритания, преследовали сразу две цели:

1) конструирование образа «нового врага» в лице бывшего союзника СССР, что с учётом успешной работы пропаганды, призванной «обелить» образ Советского Союза в годы войны, было сложно сделать;

2) закрепление в исторической памяти британской нации идей о главенствующей роли Великобритании и США в победе над нацистской Германией.

Реализация данной политики началась сразу после войны и продолжается по сей день. В рамках данной статьи будет предпринята попытка выявить и изучить, на примере 20-ти авторитетных и широко тиражируемых работ британских авторов, механизмы, которые используются в рамках исторической политики Великобритании, по конструированию негативного образа в лице СССР/России и приуменьшения её вклада в победу над странами Оси. Кроме того, в рамках исследования изучена угроза влияния данных работ на российское общество.

Цель

Выявить и системно исследовать механизмы конструирования негативного образа России на примерах работ, посвящённых Второй мировой войне, как одной из моделей формирования антироссийского мировоззрения западного общества.

Задачи

1) Исследовать научный и околонучный массив Великобритании по тематике Второй мировой войны.

2) Выявить основные инструменты и манипуляции, используемые британскими авторами при репрезентации событий и причин Второй мировой войны.

3) Определить используемые механизмы влияния литературы на общество.

4) Изучить масштабы влияния трансформации исторической памяти в западном обществе.

5) Рассмотреть попытки изменить историческую память о событиях Второй мировой войны в России.

Методология исследования основывается на системном, цивилизационном и геополитическом подходах. В работе были использованы как общенаучные, так и специализированные методы исследования, проведен качественный контент-анализ, применен историко-культурный, сопоставительно-институциональный и системный методы.

Обзор литературы

Работы британских авторов уже становились объектом исследования и критики отечественными авторами. Однако они в первую очередь изучали фрагментарные аспекты, зачастую не рассматривая их комплексно и дифференцируя подходы британских и американских исследователей, а также, не пытаясь систематизировать применяемые ими механизмы конструирования образа России, лишь останавливаясь на изложении их взглядов, зачастую в рамках одной операции или битвы [7–11].

Для изучения инструментария по конструированию негативного образа России в западном обществе были отобраны работы таких британских авторов как: Э. Бивор, М. Берли, Дж. Кэмпбелл, А. Кларк, Н. Корниш, Л. Дейтон, К. Диксон, Д. Эванс, Д. Фуллер,

Л. Гарт, М. Хейстингс, Р. Овери, Т. Рипли и Э. Такер-Джонс.

Данная выборка основывается на авторитетности представленных исследователей, что подкрепляется количеством продаж, признанием экспертного сообщества, а также доступностью (простота изложения, число переводов на другие языки, возможность приобретения изданий на территории РФ). Так, работы двух признанных классиков теории военного искусства сэра Л. Гарта и Д. Фуллера выдержали множество переизданий, а «История Второй мировой войны» Л. Гарта газетой «The London Times» была названа «лучшей книгой о Второй мировой войне, равной которой мы вряд ли увидим» [12].

Э. Бивор сегодня является одним из самых известных британских авторов в мире. По состоянию на 2022 г., автором написано 13 работ по военной истории, переведённых на 33 языка, и продано более 8 миллионов экземпляров. Последняя работа исследователя, посвященная Гражданской войне в России, была встречена множеством положительных отзывов как со стороны рядовых читателей, так и экспертного сообщества. Автор издания «The Times» Ж. ДеГрут назвал исследование Э. Бивора «всеобъемлющим, а выводы свободными от политической повестки дня». Обозреватель «The Sunday Times» М. Гленни отметил, что «короткие главы Бивора разбивают действия на небольшие части, чтобы они легче усваивались», а Н. Малкольм из The Daily Telegraph оценил «новаторский подход автора в использовании большого количества свидетельств очевидцев из многих архивов» [8]. Исследовательские заслуги Э. Бивора были высоко оценены британским академическим сообществом. Так, исследователь является почётным доктором гуманитарных наук Кентского университета, членом Королевского общества искусств и литературы, а в 2017 году был посвящён в рыцари [13].

Еще одним видным британским исследователем является М. Хейстингс – автор более 30 книг по военной истории, переведённых на десятки языков, в том числе и на русский. Его книги «Армагеддон: Битва за Европу 1944–1945 гг.» (при написании автор работал в Москве) и «Вторая мировая война: Ад на земле» стали бестселлерами в Британии. Последнюю газета «The Sunday Times» оценила как «бесспорно, лучшую однотомную историю войны из когда-либо написанных» [14], а издание «The Daily Telegraph» признало её как лучшую в жанре «Историческая книга» в 2011 году [15]. Автор был награждён двумя медалями «Герцога Вестминстерского за вклад в военную литературу», премией Притцкерской военной библиотеки Чикаго в размере 100 000 долларов и рядом других наград, в том числе и Бронзовой медалью премии Совета по международным отношениям США имени Артура Росса [15].

Основная часть

Механизмы, используемые британскими авторами, можно условно разделить на четыре подхода.

Первый из них, который встречается в подавляющем большинстве работ, смещает акценты повествования с Восточного театра военных действий на Тихоокеанский, Средиземноморский, Североафриканский и Западный. Происходит это путём сокращения объёма текста, отведённого на освещение хода боевых действий на Восточном фронте к тем фронтам, где сражались союзники, игнорируя тем самым заявляемый авторами

«комплексный подход». Ярким примером использования такого подхода могут служить труды Лиддел Гарта «По другую сторону Холма» [16], «Вторая мировая война» [17], Дж. Фуллера «Вторая мировая война: Стратегический и тактический обзор» [18] и Дж. Кэмпбелла «Опыт Второй Мировой войны» [19], которые должны были представлять собой комплексный обзор военных кампаний с 1939 г. по 1945 г., с точки зрения военно-стратегической ретроспективы, однако основной акцент в них сделан на ведении боевых действий в Африке на Тихом Океане и кампании на Западном фронте. Существенное перераспределение внимания и смещение акцентов с одного театра военных действий на другой вкупе с сухими и краткими комментариями авторов о войне на Восточном фронте, в противовес кампаниям Союзников на других театрах, формируют у читателей представление о второстепенности значения войны на востоке в деле победы над нацистской Германией. Так, в исследовании Л. Гарта («Вторая мировая война») и Д. Фуллера («Вторая мировая война: Стратегический и тактический обзор») только 6 глав (7 если учесть главу по «Советско-финской войне») из 39 и 9 (10 с учётом главы о Советско-Финской войне) из 58 глав, соответственно, были посвящены войне на Восточном фронте. В работе М. Хейстингса «Вторая мировая. Ад на земле» только 4 главы полностью отводились описанию хода боевых действий на Советско-Германском фронте, и ещё в 5-ти главах речь частично шла о Советском Союзе. В работе Э. Бивора «Вторая мировая война» в силу подхода автора к построению книги по хронологическому принципу несколько больше текста отводилось войне на Восточном фронте, 10 из 50 глав.

Следующий подход можно охарактеризовать как «решающая роль». Вопрос о том, кто именно внёс решающий вклад в разгром нацистской Германии и императорской Японии, является одним из наиболее дискуссионных и горячо обсуждаемых не только в рамках исторической науки, но и в среде простых обывателей. Нельзя не отметить крайнюю идеологизированность данного вопроса, поскольку именно СССР принадлежит решающий вклад в разгром нацистской Германии в Европе. Однако в рамках политики памяти Великобритании важно было сместить акценты, отмечая значимость усилий СССР в разгроме нацистской Германии, но при этом указать, что решающий вклад принадлежит именно западным союзникам. В данном контексте британские авторы не обязательно пытаются выдвинуть свою страну на первое место, а могут уступить эту роль США, как это сделал в своей работе «Опыт Второй Мировой войны» Дж. Кэмпбелл. Так, автор отмечает, что «нельзя не недооценивать роль СССР в разгроме Гитлера» [19, с. 9] и что «в России было уничтожено больше живой силы и бронетанковой техники, чем на любом другом фронте» [19, с. 10]. Однако далее автор берёт в кавычки фразу о том, что «СССР внёс основной вклад в победу» и уточняет, что решающим был вклад США и решение Гитлера объявить войну Америке. По его мнению, это позволило Ф. Рузвельту преодолеть изоляционистские тенденции в американском обществе и сделать Европу основным театром военных действий, а разгром Германии первоочередной целью [19, с. 10].

Третий подход проявляется в «преуменьшении значения». Вместе со смещением акцентов на другие театры военных действий и указанием на важную, но не решающую роль Советского Союза в войне против Германии, многие авторы занимаются подлогом

настоящих причин поражения Германии, стараясь тем самым уменьшить значение боевых действий на Востоке. В качестве причин поражения Вермахта выделяются «ошибки в планировании кампании на востоке» [18, с. 119, 122], «вмешательство А. Гитлера», «проблемы со снабжением», «бесчисленность Красной Армии» [18, с. 120, 122, 125] и «генералы Мороз и Грязь». Комбинация всех этих причин (в особенности погодных условий), которые, по мнению как Дж. Фуллера, так и Л. Гарта, в сочетании с «отсталостью России» [17, с. 169–170] привели к поражению немцев, а вовсе не тактическое искусство [18, с. 125] и «все героические жертвы» русских [17, с. 170].

Следует отметить, что несмотря на то время, когда Л. Гарт готовил к изданию свой труд, его подход к освещению войны на Восточном фронте можно оценить как сдержанно положительный. Автор действительно высоко отзывается о советском стратегическом искусстве, росте оперативно-тактического искусства командования Красной Армии в годы войны и превосходстве отдельных видов и образцов советского вооружения над немецкими аналогами. Однако данные высказывания не нивелируют общие выводы автора относительно ключевых факторов, которые привели к поражению Германии. В эпилоге своего труда «Вторая фаза войны» Л. Гарт пишет, что таковыми, очевидно, можно считать «осеннюю грязь и снег». В то же время более фундаментальными причинами, по его мнению, стали: «Сталинские резервы» (которые не были учтены при планировании операции «Барбаросса»), то есть пресловутый численный фактор и «отсталость России», что проявилось в низком развитии инфраструктуры, особенно транспортной. Л. Гарт отмечает, что если бы в России дороги были такого же качества, как и в Европе, то русская армия была бы уничтожена также быстро, как и Франция. В качестве последней причины поражения Вермахта указывается отказ Гитлера и ОКХ от плана Хайнца Гудериана направить летом 1941 года танки на Москву, не дожидаясь подхода пехоты [17, с. 710].

Рассматривая кампанию 1942 г., Л. Гарт отмечает, что роковой ошибкой Гитлера стала заикленность на «городе имени Сталина», что не позволило сосредоточить усилия на одной цели и впоследствии отдать своевременный приказ об отступлении. По мнению автора, в противном случае немцам удалось бы победить в 1942 году [17, с. 710].

Гарт в рамках своей аналитики полностью упускает такие ключевые факторы как «стратегическое или оперативно-тактическое искусство командования Красной армии или организацию работы тыла». Стойкость советского народа отмечается как второстепенный фактор и впоследствии интерпретируется автором для заключения о том, что поражение Германии на Востоке является виной немцев, нежели заслугой СССР.

В части выводов, посвященных «Третьему этапу войны», Гарт высказывает утверждение о том, что война могла закончиться раньше, нежели весной 1945 г., однако желание добиться безоговорочной капитуляции привело к началу «ненужной войны» («the unnecessary war»), увеличившей количество жертв. Хотя, по мнению автора, это было общим решением Антигитлеровской коалиции, главным выгодоприобретателем становился Сталин, поскольку таким образом коммунистам открылась дорога к господству над Центральной Европой [17, с. 712–713].

За комплементарными комментариями Гарта в сторону Красной Армии, следуют, как правило, уточнения, которые полностью нивелирует смысл ранее сказанного. В качестве примера следует привести весьма объёмную цитату из 28 главы, где, отмечая положительные изменения, произошедшие в Красной Армии к 1943 г., в том числе и относительно рост мастерства командных кадров, автор пишет: «Однако эти положительные сдвиги могли бы быть куда более эффективными, если бы не стремление генералов из *страха перед наказанием или желания выслужиться*, продолжать *безрезультатные удары* по тем укрепленным пунктам, где было встречено упорное сопротивление. *Не желая признавать свои ошибки*, эти генералы раз за разом бросали свои войска на штурм непреступных позиций, что приводило к *большим потерям*». Подобные неудачные атакующие действия характерны для большинства армий мира в силу сочетания армейской дисциплины и иерархической системы, но в Красной Армии они были усугублены советским подходом, традициями России и её ресурсами. В сложившейся системе только наиболее опытные командиры могли найти в себе силы не разбрасываться людскими ресурсами столь щедро им предоставляемыми. Куда проще было оставаться безжалостным, принося в жертву своих людей, чем рисковать вызвать гнев вышестоящего начальства» [17, с. 487].

В следующем абзаце, хотя автор и отмечает, что советское Верховное командование умело выбирало слабые места для нанесения по ним ударов, но выводит это не из стратегического мастерства советских командующих, а из-за «необъятных просторов» советского государства. Последнее позволяло обеспечить и превосходство в силах, которое на участке прорыва составляло «4 к 1». Более того Гарт отмечает, что такой факт, что при таком превосходстве противника немцы упорно сражались ещё в течение двух лет, говорит о том, что русская армия была ещё далека от того, чтобы превзойти немецкую [17, с. 487–488].

Таким образом любые положительные ремарки автора относительно Красной Армии и её командования полностью перекрываются выводами, которые в глазах читателя обесценивают вклад Советского Союза, его народа и армии в разгром нацисткой Германии и формируют негативный образ нашего государства.

Следует отметить, что в отечественной научной и околонушной среде сложилось несколько неверное представление о позиции Гарта относительно Советского Союза и Красной Армии в силу того, что многие отечественные авторы были знакомы исключительно с русскоязычным изданием, впервые опубликованным в 1976 г. Как и многие другие переводные работы «западных буржуазных историков», работа британского историка и военного теоретика подвергалась серьёзной цензуре, в результате которой из книги были вырезаны или сильно искажены целые абзацы. Вышедшее в 1999 г. издание представляет собой переиздание перевода 1976 г., без вступительной статьи научного редактора. В результате наиболее одиозные и дискуссионные высказывания Гарта, которые присутствуют в оригинальном англоязычном издании, остались неизвестны большинству отечественных исследователей.

В рамках четвертого подхода авторы занимаются умышленным уничижительным

описанием войны на Востоке и сопоставлением двух «тоталитарных режимов». В данном контексте практически неразрывно идёт описание Советского Союза как государства, возглавляемого таким же тираническим и бесчеловечным режимом, как и тот, что был в нацистской Германии.

В рамки представленного подхода вписывается подавляющее большинство исследований периода как Холодной войны, так и вышедших уже после её окончания. Так обращают на себя внимание цитаты, выбранные Гартом и представленные в книге «По другую сторону холма» для описания Красной Армии как «конной орды», что выражено словами генерала-танковых войск Хассо фон Мантойфель («Наступление Русской армии, нечто такое, что западный человек просто не может представить. Вслед за передовыми бронетанковыми частями следует бесчисленная преимущественно конная орда. Простой солдат несёт в своём мешке чёрствый хлеб и свежие овощи, недавно собранные с полей и деревень, через которые он проходил. Лошади питались соломой с крыш домов, ибо больше им практически ничего не перепало») и подкреплено словам Г. Блюментритта («Запад и Восток, это два разных мира, которым не дано понять друг друга» и что «невозможно понять, что у русских на уме») [16, с. 281].

На Западе, благодаря европейской средневековой исторической литературе, термин «орда» приобрел негативную коннотацию как «неорганизованная орава, ватага или банда». Следует также отметить, что такие выражения как «азиатская орда» и «отличные от нас» активно использовала нацистская пропаганда в годы Второй мировой войны, чтобы дискредитировать образ Советского Союза и Красной Армии. Кроме того, в данном случае можно проследить противопоставление «свой-чужой», «европейцы-азиаты», «цивилизация и варварство».

К работам, содержащим уничижительное описание СССР и Красной Армии, следует отнести труд политика и историка А. Кларка «Барбаросса: Русско-Германская война 1941–1945 гг.» [20] и исследование военного журналиста Т. Рипли «Вермахт. Германская армия во Второй мировой войне. 1939–1945» [21]. Заявленный во вступительной части книги «объективный подход» А. Кларка полностью противоречит дальнейшему содержанию. Автор совершенно не скрывает своего отрицательного отношения к Советскому Союзу. Уже во вступительном слове Кларк пишет, что *«рад тому, что русский народ сумел освободиться от тирании»* [20]. Далее в тексте Советское руководство и лично И.В. Сталин подвергаются жёсткой критике. Красная Армия и её командующие оценены крайне негативно (особенно маршал С.М. Будённый, который представлен как бабник и алкоголик) [20].

Главными причинами поражения Германии, по мнению автора, является саботаж немецким командованием приказов фюрера, их личные амбиции и соперничество между собой. Кларк и Рипли фактически не скрывают своего положительного отношения к Вермахту. В случае с Рипли можно даже говорить о «восторженных» отзывах в адрес германской армии, в силу неоднократного употребления в тексте слов и словосочетаний совершенного толка: «великолепная подготовка», «высокий профессионализм», «блестящие командиры», «железная дисциплина», «героические усилия», «доблестные и

изобретательные» и т.д. Красная Армия (хотя это также частично касается и западных союзников) предстаёт как численно превосходящий противник, с которым упорно и героически боролись немецкие солдаты и офицеры. Подача автора превращает немецкую армию в «героев», тем самым героизируя Вермахт. Также на создание образа «героев» играет изображение Красной Армии как «безликой и многочисленной массы». В качестве главных причин поражения Вермахта Рипли и Клак выделяют «вмешательство Гитлера» и «численное превосходство противника», особо обратив внимание на соотношение потерь [21, с. 255] и подкрепляя свой тезис о численном превосходстве количеством танков у «русских» [21, с. 261, 262, 265]. Вопросы нацистской политики расового истребления практически полностью игнорируются.

На расовой политике нацистской Германии подробно останавливается британский историк Д. Эванс в рамках своей трилогии по истории Третьего Рейха. Первый том «The Coming of the Third Reich» вышел в 2004 г. В 2006 и 2009 гг. вышли следующие два тома «The Third Reich in Power» и «The Third Reich at War». Эванс с 2008 г. по 2014 г. работал профессором на кафедре истории в Кембриджском университете, в сфере его интересов и исследовательской деятельности была история Европы XIX–XX вв. Третья книга серии посвящена преимущественно расовой политике нацистов и роли Вермахта в ней. Затрагивая массовые чистки, автор указывает в качестве жертв не только евреев, но и славян [22]. Однако в остальном придерживается антисоветских взглядов с целым рядом классических для современной зарубежной литературы тезисов, как, например, о том, что «*всех вернувшихся из плена ждал ГУЛАГ*» [22].

Антисоветская риторика, прямо ставящая знак равенства между СССР и Третьим Рейхом, начинает наиболее ярко проявляться в работах авторов художественных произведений в 1990-х годах. В 1993 г. автор популярных в Британии шпионских романов Л. Дейтон опубликовал исследование «Blood, Tears and Folly An Objective Look at World War Two» («Кровь, слёзы и глупость: Беспрепятственный взгляд на историю Второй мировой войны») [23], многократно переиздававшееся (последнее было в 2022 г.). Хронологически данная работа охватывает период с 1939 г. по конец 1941 г. Уже в самом начале Дейтон закладывает основу для своей последующей интерпретации событий истории Второй мировой войны. Так он пишет о том, что целью его исследования является передача событий Второй мировой войны «*без прикрас*», не ориентируясь на созданный «*русскими, японцами, британцами и американцами мифотворческий базис*» [23]. С первых страниц работы Дейтон не скрывает своего отрицательного отношения к СССР, обвиняя советскую сторону в деструктивном поведении накануне войны. В частности отмечает, что «*широкая сеть шпионов проникла даже в высшие круги западных стран*» и уже в ходе войны коммунисты во Франции и Британии по приказу большевиков агитировали против своих стран. Автор уверенно ставит знак равенства между СССР и Третьим рейхом, подчёркивая одинаковую сущность обоих режимов – «*две тирании, два тирана, страны, обладающие кровавым феодальным характером*». В адрес руководителей обеих держав Дейтон приводит сравнение с Чикагскими гангстерами, указывая на их беспринципность и отсутствие моральных убеждений [23]. Всякий раз, когда автор

говорит о Советском Союзе, он прибегает к использованию предложений и слов с ярким эмоциональным окрасом («рабы сталинской идеологии», «Сталинская империя», «рабские лагеря смерти») [23]. Поражение Германии в войне Дейтон, в первую очередь, аргументирует погодными условиями («Генерал Грязь и Мороз»), ошибками в планировании и проблемами со снабжением [23]. Примечательно, что автор в ходе своих размышлений указывает, что лояльная политика к населению на территории Украины и Балтики привела бы к появлению новых независимых государств на этих территориях. В качестве примера приводится успешный опыт Запада на постсоветском пространстве в 1990-е годы [23].

Трактовка СССР как диктаторского режима встречается и в исследовании М. Берли «Moral combat: A history of World war II» [24]. В отличие от предшествующих работ, эта посвящена истории Второй мировой войны с морально-психологической точки зрения. Рассматривая страны Оси, Берли приходит к выводу, что они обладали совершенно иным набором морально-нравственных ценностей, нежели участники Антигитлеровской коалиции [24]. Однако для противостояния данной угрозе союзникам пришлось заключить союз с другим тоталитарным режимом. По мнению Берли, череда военных и дипломатических ошибок союзников привела к усилению более «ужасного» режима в лице СССР [24], т.е. в данной работе мы наблюдаем попытку укрепления в сознании западного обывателя идеи о «равнозначных тоталитарных державах СССР и Третьего Рейха».

При рассмотрении темы формирования образа СССР/России как «Тоталитарной диктатуры» или «Империи Зла» совершенно нельзя обойти вниманием работы двух наиболее известных сегодня британских военных авторов с откровенной русофобской позицией – Э. Бивора и М. Хэйстинга. Оба автора за счёт использования лёгкого для восприятия художественного стиля, эмоционального наполнения и широкого цитирования мемуаров формируют у читателя яркую и запоминающуюся картину. На западе Бивор оценивают как авторитетного историка, сумевшего сформировать грамотную и цельную картину описываемых им событий, отмечая, что его живой язык и неперегруженность текста специфичными для неспециалиста деталями позволяют читать книги на одном дыхании. В России по отношению к автору сложилось совершенно иное отношение, что обуславливается содержанием его работ.

В исследованиях, посвященных Второй мировой войне, Бивор пишет о многочисленных военных преступлениях Красной Армией, активно распространяя тезис о «масовых изнасилованиях», совершённых её военнослужащими в Германии [25–27]. Эти исследования наполнены русофобским нарративом, направленным на формирование у читателей исключительно негативного образа России и её населения. Многие из тех тезисов о преступлениях Красной Армии, что приводит Бивор, не подкреплены какой-либо доказательной базой либо опираются на мемуары.

Первая волна публикации источников личного характера произошла к 20-летию Победы в 1965 году. Отечественные авторы Р.Р. Хисамутдинова [28, с. 63] и А.В. Быкова [29, с. 64] справедливо отмечают, что мемуары являются ценным источником по

изучению исторических событий, но в то же время данные из них требуют критики и подтверждения. Западные авторы в своих исследованиях опираются на воспоминания, опубликованные не в советский период, а в 1990-х годах, т.е. написанные спустя 60–70 лет после описываемых событий. Ярая антироссийская риторика этих произведений, опубликованных в сложный социально-политический поздне- и постсоветский период, и умышленная претенциозность на историческую документалистику, указывает на идеологическую предвзятость или феномен подмены памяти (когда воспоминания заменяются образами и идеями, транслируемыми в обществе).

В то же время на Западе практически все работы Э. Бивора получили высокие оценки среди именитых авторов и широкое распространение среди рядовых читателей. В 2015 г. в связи с решением властей Свердловской области провести изъятие книг Бивора из школьных библиотек, был опубликован следующий комментарий автора: «Нельзя отрицать исторические факты — ни о Холокосте, ни о преступлениях Красной Армии... Рассказывая о массовых изнасилованиях, я наношу всем этим людям глубочайшее оскорбление. Это, конечно, правда, но делать вид, что никаких изнасилований не было — значит, соглашаться с мифологией советской пропаганды. Многочисленные источники из российских архивов не оставляют от этого мифа камня на камне» [30].

Германский историк Й. Хелльбек на примере отражения истории Сталинградской битвы справедливо отмечает, что образ советского солдата на Западе формировался под влиянием оценок представителей Вермахта, сохранивших свои антироссийские взгляды [31, с.26, 30]. В рамках этого курса автор особо выделяет работы Бивора. Так, Хелльбек отмечает, что заявления британского автора о «бесчеловечном отношении советского руководства к своим солдатам» и «массовым расстрелам» лишены какой-либо доказательной базы [31, с. 32–33]. В качестве примера приводится тезис о 13500 смертных приговоров в армии генерала Чуйкова за отказ воевать. Хелльбек выделяет, что в своем утверждении Бивор ссылается на работу Дж. Эриксона, который, в свою очередь, приводит эту информацию без указания источника [31, с. 32]. Помимо этого, германский историк отмечает, что в описании советских солдат Э. Бивор следует пропагандистским клише Третьего рейха о «первобытном враге с Востока». В то же время при описании германских солдат и офицеров, английский историк умышленно подчеркивает их «благородство и культурность» [31, с. 33–34].

Схожий русофобский нарратив можно наблюдать и в исследованиях М. Хейстингс «Вторая мировая война: Ад на земле» [32], К. Диксона «World War II for Dummies» [33], Р. Овери «The bombers and the Bombed: Allied Air War over Europe, 1940–1945» [34], Э. Такер-Джонсона «Slaughter on the Eastern Front Hitler and Stalin's War 1941–1945» [35]. Эти работы продолжают дискредитировать образ русского солдата через распространение лживых тезисов о многочисленных преступлениях Красной Армии. Как и в случае с работами Бивора, эти заявления не подкреплены какой-либо доказательной базой. При этом военные преступления Западных Союзников рассматриваются с иной позиции. Р. Овери в книге «The bombers and the Bombed: Allied Air War over Europe, 1940-1945» указывает на «цивилизованный характер» бомбардировок союзниками Германских горо-

дов, обвиняя при этом русских солдат в многочисленных военных преступлениях [34].

Набор антироссийских постулатов М. Хейстингса широк, начиная от некомпетентности высшего военного командования, заканчивая массовым пьянством и трусостью русского солдата [32]. В отличие от работы Бивора, в исследовании Хейстингса, его заявления «подкрепляются» ссылками на источники, преимущественно мемуарного характера. Однако наиболее претенциозные тезисы автора не снабжены какой-либо доказательной базой. На страницах книги война на Восточном фронте демонстрируется как лишённая высших этических чувств, таких как долг, преданность, любовь и сострадание, где не было места подвигу. СССР представляется в качестве тоталитарной машины, которая по своей жестокости и кровожадности если и не превосходит Третий Рейх то, как минимум, не уступает ему в этом.

В связи с этим следует обратить внимание на активное использование западными авторами слов «советские/ая» и «русские/ая» («Совестная армия – Русская армия», «советы – русские», Советский Союз – Россия и т.д.) как синонимичных словосочетаний. Некоторые авторы, например, М. Хейстингс, даже предпочитают полностью или частично заменять «советский/ая» на «русский/ая». Подобный подход не случаен, поскольку позволяет сформировать прочный ассоциативный ряд, что воины Красной Армии – это в первую очередь русские, а вовсе не многонациональная армия, и что вся полнота ответственности за «военные преступления», которые постулируют западные авторы, лежит не на белорусах, украинцах, казахах и т.д., а на русских. В рамках проведения Россией Специальной военной операции сформированный в трудах о Второй мировой войне образ «кровожадных русских» лёг на благодатную почву, поскольку для западного читателя «чётко видна историческая преемственность». Приведем в качестве примера исследование директора проекта по изучению Холодной войны в центре Дэвиса М. Крамера и его статью «Russia Is Repeating Its Brutal History in Ukraine («Россия повторяет свою жестокую историю на Украине»)» [36]. В начале своей статьи автор указывает, что «способы ведения войны Россией на территории Украины чрезвычайно схожи с методами Красной Армии во время Второй мировой войны». Не подкрепляя свои тезисы никакими доказательствами, автор утверждает, что якобы, как и Красная армия 70 лет назад, русские солдаты совершают многочисленные военные преступления на Украине. Ярая русофобская позиция автора и откровенный подлог проявляются в следующих цитатах: «Советские солдаты печально известны тем, что они занимались массовыми изнасилованиями женщин на занятые ими территориями в военные и послевоенные годы... За последние несколько недель, русские солдаты на Украине заработали себе схожую репутацию...» [36].

Подобная практика является лишь одним из приемов, направленных на дегуманизацию образа русского солдата и гражданина. Британские авторы зачастую совмещают этот прием с другим – сравнением с действиями союзников. Создается контрастная картина: «грязной, кровожадной, бесчеловечной войны на Восточном фронте» с цивилизованными действиями США и Великобритании.

На фоне представленных работ несколько выделяется исследования Н. Корниша «Hitler versus Stalin» («Гитлер против Сталина»), изданные в серии Images of War («Об-

разы войны): «The Eastern Front 1941–1942 : Barbarossa to Moscow» [37], «The Eastern Front 1942–1943: Stalingrad to Kharkov» [38], «The Eastern Front 1943–1944: Kursk to Bagration» [39], «The Eastern Front 1944–1945 Warsaw to Berlin» [40]. Следует отметить, что издаваемые в данной серии работы являются тематическим фотоальбом объёмом 100–140 стр., снабжённые небольшими текстовым материалом, но пользующиеся большой популярностью.

На первый взгляд исследования Корниша демонстрируют более благосклонное отношение к СССР. Однако при более детальном рассмотрении можно заметить, что автор следует в целом в рамках классической парадигмы западных исследователей. Уже во вступлении Корниш обозначил позицию и направленность исследования, указав на одинаковую сущность «нацизма» и «коммунизма» как двух тоталитарных режимов. В работах регулярно звучат такие термины как: «советский диктатор», «сталинский режим», «ужасы коллективизации» и т.д. В исследовании «The Eastern Front 1941–1942 Barbarossa to Moscow» («Восточный фронт 1941–1942: От Барбароссы до Москвы»), Корниш указывает на то, что действия обоих лидеров были продиктованы страхом за свою власть. Так, рассматривая зимнее контрнаступление Красной Армии под Москвой, он указывает, что отстранение Г.К. Жукова от командования было обусловлено опасениями, что командующий «приобретет слишком много славы» [37]. В исследовании «Восточный фронт 1943–1944 г. От Курска к Багратиону» Корниш подкрепляет русофобский нарратив тезисом о том, что у России нет фактора неприемлемых потерь, что демонстрируется через призму событий 1943–1944 г. [38]. Особое внимание уделяется коллаборационистам, которые именуются «антикоммунистическими формированиями» [38]. Автор указывает на желание этих групп перейти на сторону противника из-за политики Советского государства [38]. Более подробно на этом вопросе Корниш останавливается в работе «The Eastern Front 1944–1945 Warsaw to Berlin».

Восстание в Варшаве и его неудачные результаты трактуются автором как следствие политики И.В. Сталина, принесшего на территорию Польши «Гулаг» и режим массовых репрессий [40]. В целом русофобский нарратив Корниша представляет собой схожий с другими западными работами по идеологическому наполнению, но иной по форме и содержанию. Формально, руководствуясь принципом «объективности», что подкрепляется указанием на помощь, оказанную автору «Музеями и архивами России», Корниш формирует в сознании массового читателя пусть и не столь ярко выраженный негативный образ России, как это было сделано, например, в работах Бивора и Хейстингса, но при этом столь же отталкивающий и не вызывающий симпатию.

Влияние на европейскую и британскую общественность

Таким образом, первые западные послевоенные исследования начали формировать базис для последующего русофобского дискурса, преуменьшая роль СССР в победе над нацистской Германией. Демонстрировалось это смещением акцентов изложения событий и упором на действия западных союзников, а также решающем вкладе США в победу над Германией. На этой основе уже в годы Холодной войны западные авторы начали публиковать работы по истории Второй мировой войны с откровенным русофобским

содержанием. Дезинтеграция Советского Союза и окончание Холодной войны не изменили вектор западных исследований. Наоборот, с этого времени в работах британских авторов ещё больше и откровеннее стало фигурировать сопоставление «двух тоталитарных режимов» и формирование образа России и русского солдата как главного противника цивилизованного мира. Научные исследования на Западе превратились в еще один политический инструмент.

Об использовании нарратива в лице Второй мировой войны как политического инструмента, писали в своем материале журналисты издания «ТІМЕ», О. Ваксман и М. Роуч: «Начиная от войны во Вьетнаме и заканчивая вторжением в Ирак в 2003 году, Западные лидеры ссылались на Мюнхен как предупреждение. В то время как в России национальная память о Второй мировой войне использовалась для легитимизации кампаний на Украине» [41].

В упомянутом выше отрывке, несмотря на попытку авторов выставить искажение исторической памяти как элемент русской политики, мы можем заметить подтверждение схожих действий со стороны западных элит.

В 1990-х гг. в разгар кризиса, вызванного геополитической катастрофой (крушением Советского союза), происходила трансформация гуманитарной сферы России. Активное участие в этом процессе принял фонд «Культурная инициатива» под руководством Дж. Сороса. По итогам его работы было подготовлено 24 учебника. Сам Дж. Сорос высказывался по поводу их содержания следующим образом: «Мы называем ее трансформацией гуманитарных дисциплин, потому что в отличие от точных наук гуманитарные науки были искажены марксистско-ленинской догмой. Поэтому надо было проводить конкурсы написание новых учебников, по разработке новых методик преподавания и т. д. Эту программу мы будем продолжать столько, сколько сможем. Я очень доволен, что значительное количество учебников, примерно 24 названия, пошли в массовое производство. Мы, конечно, получили большую помощь со стороны Министерства образования, и я надеюсь на дальнейшую его помощь» [42].

В этих учебниках, в рамках борьбы с коммунистической пропагандой, были практически полностью удалены сведения о Сталинградской и Курской битвах, вместо которых подчеркивалась высокая роль битв за Аттол Мидуэй и Эль-Аламейне. Экспертный анализ разделов, посвященных истории Второй мировой войны в учебном пособии по «Новейшей истории XX века», под редакцией А.А. Кредера выявил, что, по мнению автора, «разгром Советской Армией гитлеризма был событием вредным, поскольку привел к распространению на страны Восточной Европы «коммунистического тоталитаризма» [42].

Результат действий подобной политики в сочетании с другими инструментами привел к поистине ужасающим результатам. Согласно опросу, проведенному ISM Research в 2015 г., более 50% процентов респондентов во Франции и Германии признали, что США внесли главный вклад в победу над нацистской Германией [43].

В 2019 г. группа иностранных ученых провела исследование, сравнив, как события Второй мировой войны различаются в национальной памяти государств, входивших в состав Антигитлеровской коалиции и ОСИ. Для этого были выбраны респонденты из 11

стран (8 из стран Союзников, остальные из Германии, Италии и Японии) [44]. Результаты исследования укладываются в тот концепт антироссийского нарратива, продвигаемого в западной научной литературе. Так, из стран-союзников, кроме России, респонденты выделили США как государство, которое внесло наибольший вклад в победу во Второй мировой войне [44]. Лишь небольшой процент опрошенных сумел назвать Сталинградскую и Курскую битвы как поворотные точки войны, в отличие от операций на Тихом океане [44]. Переоценку вклада своей страны в победу во Второй мировой войне исследователи определили как «национальный нарциссизм» [44]. Самой «нарциссичной нацией» была признана Россия, где, как показало исследование, 61% опрошенных выделил наибольший вклад СССР в победу [44].

Заключение

За последние 78 лет со дня окончания Второй мировой войны в западной литературе сформировался широкий массив публикаций и исследований, посвященных этим событиям. В послевоенный период конструирование британской научной школы по этому вопросу шло под прямым влиянием политических тенденций того периода, что во многом сохранилось и в настоящее время. Проведенный в рамках данного исследования анализ выявил, что в работах 20-ти ведущих британских авторов по тематике Второй мировой войны не только сохранились нарративы и манипуляции бывших нацистских преступников, но также произошла их дальнейшая гиперболизация.

В своих исследованиях британские специалисты акцентируют свое внимание преимущественно на анализе и рассмотрении событий Второй мировой войны с союзнической ретроспективы. В своей основе подобный подход не несет в себе негативной коннотации, поскольку репрезентации событий с точки зрения определенной нации является характерным признаком национальных научных школ. В то же время претенциозность рассматриваемых авторов, что отображается в позиционировании исследований как объективных, не позволяет применить вышеописанный тезис.

Акцент британских авторов на действиях союзников и заниженный объем в текстах, отводящийся на репрезентацию войны на Восточном фронте, является одним из инструментов по манипулированию исторической памятью. В сознании массового читателя это приводит к формированию представлений о том, что советско-германский театр боевых действий носит второстепенный характер, а решающую роль в победу над Третьим рейхом сыграли Великобритания и США.

Общие работы по истории Второй мировой войны, как и специализированные исследования о войне СССР с Германией, отличаются умышленным дегуманистическим описанием войны на Востоке. Британские авторы представляют Советский Союз как эквивалентный нацистской Германии тоталитарный режим. При описании Красной Армии и СССР, многие британские специалисты заменяют терминологию советский/ая на российскую/ая для формирования четкого сопоставления «исторической империи Зла» с современным Российским государством.

Политика по трансформации исторической памяти на Западе привела к тому, что преобладающая часть европейского общества считает, что США и Великобритания

внесли решающий вклад в победу над Германией. Советский союз, как и ключевые события Восточного фронта, в опросах населения стран Европы по истории Второй мировой войны практически не фигурируют. В это же время политика России по сохранению исторической памяти позиционируется как проявление «национального нарциссизма».

В отечественном пространстве, начиная с 1990-х гг., через деятельность частных институтов и общественных организаций продвигалась описанная в данном исследовании репрезентация событий Второй мировой войны через призму распространения антироссийской литературы в библиотеках и вузах, а также путем составления новых учебников.

В условиях глубокой трансформации академической отрасли на Западе и стремительного развития новых цифровых технологий необходимо концептуальное переосмысление текущей политики по сохранению исторической памяти. Отечественная научная школа должна обратить пристальное внимание на разоблачение антинаучных мифов и на примеры умышленной фальсификации истории с использованием цифровых открытых площадок.

Список литературы

1. Першуткин С.Н. Героическое поколение фронтовиков: Генерал армии Махмут Гареев (информационно-методическое пособие). Серия «Наследникам Победы». Вып. 2. М.: АНО МИСИ, 2020. 56 с.
2. Путин рекомендует «новоявленным историкам» научиться читать [Электронный ресурс], URL: <https://ria.ru/20050222/39450892.html> (дата обращения 04.08.2023)
3. Путин призвал противостоять попыткам переписывания истории о Сталинградской битве [Электронный ресурс], URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2013/02/01/putin_prizval_protivostoyat_popytkam_iskazheniya_istorii (дата обращения 04.08.2023)
4. Статья Владимира Путина об истории Второй мировой войны. Полный текст [Электронный ресурс], URL: <https://tass.ru/politika/8765179> (дата обращения 04.08.2023)
5. Paschalidis G. Exporting National Culture: Histories of Cultural Institutes Abroad // International Journal of Cultural Policy 15. Vol. 3, 2009 P. 275-289.
6. Wolfe A. J. Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science, 2018. E-book
7. Глухарёв Н.Н. К вопросу о месте советско-германского фронта Второй мировой войны в англо-американской историографии // Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 2015. С.59-73
8. Ипполитов Г.М. Огненная дуга под огнем фальсификаторов. К 75-летию Курской битвы (5 июля - 23 августа 1943 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2018. С. 433-446

9. Падерин А.А. Курская битва в оценках западных историков: к 70-летию великого сражения // Вестник МГИМО Университета, 2013. С.90-100
10. Фёдоров А.Б., Голядкин Г.Н. Вторая мировая война в кривом зеркале западной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. №2 (86), 2020. С.57-63
11. Шендриков Е.А. Операция Блау в освещении английских (британских) и американских историков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23 №1, 2018. С. 176-189
12. History of the Second World War [Электронный ресурс], URL: <https://www.amazon.com/History-Second-World-War-Liddell/dp/156852627X> (дата обращения 02.05.2023)
13. Antony Beevor. Reviews. [Электронный ресурс], URL: <https://www.antonybeevor.com/> (дата обращения 02.05.2023)
14. Hastings M. Biography [Электронный ресурс], URL: <https://www.maxhastings.com/biography/> (дата обращения 02.05.2023)
15. Jones D. Books of the Year 2011: History Books [Электронный ресурс], URL: <https://www.telegraph.co.uk/culture/books/bookreviews/8896707/Books-of-the-Year-2011-History-Books.html> (дата обращения 02.05.2023)
16. Hart L. Other Side of the Hill: Germany's Generals, Their Rise and Fall, with Their Own Account of Military Events, 1939-45. Delhi-6: L.D.Adora, 1965. 392 p.
17. Hart L. History of the Second World War. London: Cassel and Company LTD, 1970. 768 p.
18. Fuller J. The Second World War 1939-45: A Strategical and Tactical History. Da Capo Press, 1993. 431 p.
19. Campbell J. The Experience of World War II, Oxford University Press, 1989. 256 p.
20. Clark. A «Barbarossa: The Russian German Conflict, 1941-45». A Cassell Military, 2012. E-book.
21. Ripley T. The Wehrmacht: The German Army in World War II 1939-1945. Routledge, 2013. 348 p.
22. Evans J. The Third Reich at War. New-York: The Penguin Press, 2014. E-book.
23. Deighton L. Blood, Tears and Folly: An Objective Look at World War II. Penguin Modern Classics. 2021. E-book.
24. Burleigh M. Moral combat: A history of World war II. HarperCollins, 2011. E-book.
25. Beevor A. The Second World War. Little, Brown and Company, 2012. E-book.
26. Beevor A. The Second World War and the Fall of Berlin 1945. 2012. E-book.
27. Beevor A. Stalingrad: The Fateful Siege: 1942-1943. Penguin (Non-Classics), 1999. E-book.
28. Хисамутдинова Р. Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945 годы): военно-исторические очерки. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. 476 с.
29. Быкова А.В. Мемуарная литература в историографии Великой Отечественной

- войны 1941-1945 гг // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (3). С.55-64.
30. Antony Beevor *By banning my book, Russia is deluding itself about its past* // The Guardian. [Электронный ресурс], URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/aug/05/banning-book-russia-past-holocaust-red-army-antony-beevor> (дата обращения 02.05.2023)
 31. Хелльбек Й. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. М., 2015. 672 с.
 32. Hastings M. *All Hell Let Loose: The World At War 1939–1945*. HarperCollins, 2011. E-book
 33. Dickson K. *World War II For Dummies*. For Dummies, 2011. E-book.
 34. Overy R. *The Bombers and the Bombed: Allied Air War Over Europe 1940-1945*. Viking Adult, 2014. E-book.
 35. Tucker-Jones A. *Slaughter on the Eastern Front Hitler and Stalin’s War 1941-1945*. The History Press, 2019. E-book
 36. Kramer M. *Russia Is Repeating Its Brutal History in Ukraine* [Электронный ресурс], URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/russia-repeating-its-brutal-history-ukraine> (дата обращения 04.08.2023)
 37. Cornish N. *The Eastern Front 1941-1942 Barbarossa to Moscow*. Pen & Sword Military, 2016. E-book.
 38. Cornish N. *The Eastern Front 1942-1943: Stalingrad to Kharkov*. Pen & Sword Military, 2017. E-book.
 39. Cornish N. *The Eastern Front 1943 – 1944 Kursk to Bagration*. Pen & Sword Military, 2017. E-book.
 40. Cornish N. *The Eastern Front 1944–1945: Warsaw to Berlin*. Pen & Sword Military, 2018. E-book.
 41. Roach M. Waxman O. *World War II in Europe Ended 75 Years Ago—But the World Is Still Fighting Over Who Gets to Say What Happened* [Электронный ресурс], URL: <https://time.com/5832549/world-war-ii-memory/> (дата обращения 02.05.2023)
 42. Беляев Д.П. Разруха в головах. Информационная война против России [Электронный ресурс], URL: <https://pub.wikireading.ru/71078> (дата обращения 02.05.2023).
 43. Опрос: европейцы считают, что от фашизма их освободили США [Электронный ресурс], URL: <https://sputnik.by/20150428/1014949623.html> (дата обращения 02.05.2023).
 44. Roediger III H. L. *Competing national memories of World War II*. [Электронный ресурс], URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.1907992116>

Сведения об авторе

Ильичев Алексей Владимирович – научный сотрудник ФГУБК Музея-Заповедника «Героической обороны и освобождения Севастополя», г. Севастополь.

E-mail: alexeiilyichev@yandex.ru

Ilyichev A. V.

THE RUSSOPHOBIC NARRATIVE IN THE STUDIES OF LEADING BRITISH AUTHORS ON THE SECOND WORLD WAR AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE MODERN WORLDVIEW OF BRITISH SOCIETY

Abstract: *The article examines the researches of leading British authors dedicated World War II. The purpose of the study is to examine the mechanisms of constructing a negative image of Russia on the example of works devoted to the World War II, as one of the models of the formation of the anti-Russian worldview of Western society and their impact on domestic society. The subject of the study is the publications of leading British authors from 1960 to 2018. The object of the study is the anti-Russian image of the history of the Second World War as a mechanism for promoting anti-Russian sentiments in British society. The characteristic «anti-Russian» is applied to the events of the 1940s, since Western researchers do not differentiate the USSR and modern Russia as different states. A huge array of studies on the subject under study forced me to focus on the works of the most authoritative authors (sample parameters are described in the main text of the publication). According to the results of the study, four main approaches were identified to promote the anti-Russian agenda through the events of the Second World War. From the 1940s to the 1980s, a series of works was published in the West that deliberately ignored the events on the Eastern Front or gave a brief and dry squeeze. Based on this basis, since the 1990s and early 2000s, the publication of studies began, designed to form the readers' image of Russia in the face of the USSR as a totalitarian regime equivalent to Nazi Germany. The results of the study demonstrate that such an ideological policy has led to the fact that today in the West the Soviet Union is increasingly becoming a full-fledged «Evil Empire», and the «War on the Eastern Front» is a confrontation between two totalitarian regimes.*

Keywords: *World War II, USSR, russophobia, war on the Eastern front, foreign literature, political technologies.*

References

1. Pershutkin S.N. Geroicheskoe pokolenie frontovikov: General armii Mahmut Gareev (informacionno-metodicheskoe posobie). Serija «Naslednikam Pobedy». Вып. 2. М.: АНО МИСИ, 2020. 56 с.
2. Putin rekomenduet «novoyavlennym istorikam» nauchit'sya chitat' [Электронный ресурс], URL: <https://ria.ru/20050222/39450892.html> (дата обращения 04.08.2023)
3. Putin prizval protivostoyat' popytкам perepisyvaniya istorii o Stalingradskoj bitve [Электронный ресурс], URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2013/02/01/putin_prizval_protivostoyat_popytkam_iskazheniya_istorii (дата обращения 04.08.2023)

4. Stat'ya Vladimira Putina ob istorii Vtoroj mirovoj vojny. Polnyj tekst [Электронный ресурс], URL: <https://tass.ru/politika/8765179> (дата обращения 04.08.2023)
5. Paschalidis G. Exporting National Culture: Histories of Cultural Institutes Abroad // International Journal of Cultural Policy 15. Vol. 3, 2009 P. 275-289.
6. Wolfe A. J. Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science, 2018. E-book
7. Gluharjov N.N. К вопросу о месте советско-германского фронта Второй мировой войны в англо-американской историографии // Lokus: ljudi, obshhestvo, kul'tury, smysly, 2015. S.59-73
8. Ippolitov G.M. Ognennaja duga pod ognem fal'sifikatorov. К 75-летию Курской битвы (5 июля - 23 августа 1943 г.) // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk, 2018. S. 433-446
9. Paderin A.A. Kurskaja bitva v ocenkah zapadnyh istorikov: k 70-летию velikogo srazhenija // Vestnik MGIMO Universiteta, 2013. S.90-100
10. Fjodorov A.B., Goljadkin G.N. Vtoraja mirovaja vojna v krivom zerkale zapadnoj istoriografii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. №2 (86), 2020. S.57-63
11. Shendrikov E.A. Operacija Blau v osveshhenii anglijskih (britanskih) i amerikanskih istorikov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. T. 23 №1, 2018. S. 176-189
12. History of the Second World War [Электронный ресурс], URL: <https://www.amazon.com/History-Second-World-War-Liddell/dp/156852627X> (дата обращения 02.05.2023)
13. Antony Beevor. Reviews. [Электронный ресурс], URL: <https://www.antonybeevor.com/> (дата обращения 02.05.2023)
14. Hastings M. Biography [Электронный ресурс], URL: <https://www.maxhastings.com/biography/> (дата обращения 02.05.2023)
15. Jones D. Books of the Year 2011: History Books [Электронный ресурс], URL: <https://www.telegraph.co.uk/culture/books/bookreviews/8896707/Books-of-the-Year-2011-History-Books.html> (дата обращения 02.05.2023)
16. Hart L. Other Side of the Hill: Germany's Generals, Their Rise and Fall, with Their Own Account of Military Events, 1939-45. Delhi-6: L.D.Adora, 1965. 392 p.
17. Hart L. History of the Second World War. London: Cassel and Company LTD, 1970. 768 p.
18. Fuller J. The Second World War 1939-45: A Strategical and Tactical History. Da Capo Press, 1993. 431 p.
19. Campbell J. The Experience of World War II, Oxford University Press, 1989. 256 p.
20. Clark. A «Barbarossa: The Russian German Conflict, 1941-45». A Cassell Military, 2012. E-book.
21. Ripley T. The Wehrmacht: The German Army in World War II 1939-1945. Routledge, 2013. 348 p.

22. Evans J. *The Third Reich at War*. New-York: The Penguin Press, 2014. E-book.
23. Deighton L. *Blood, Tears and Folly: An Objective Look at World War II*. Penguin Modern Classics. 2021. E-book.
24. Burleigh M. *Moral combat: A history of World war II*. HarperCollins, 2011. E-book.
25. Beevor A. *The Second World War*. Little, Brown and Company, 2012. E-book.
26. Beevor A. *The Second World War and the Fall of Berlin 1945*. 2012. E-book.
27. Beevor A. *Stalingrad: The Fateful Siege: 1942-1943*. Penguin (Non-Classics), 1999. E-book.
28. Hisamutdinova R. R. *Velikaja Otechestvennaja vojna Sovetskogo Sojuza (1941-1945 gody): voenno-istoricheskie ocherki*. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2014. 476 s.
29. Bykov A.V. *Memuarnaja literatura v istoriografii Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg // Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»*. 2014. № 3 (3). S.55-64.
30. Antony Beevor *By banning my book, Russia is deluding itself about its past // The Guardian*. [Электронный ресурс], URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/aug/05/banning-book-russia-past-holocaust-red-army-antony-beevor> (дата обращения 02.05.2023)
31. Hell'bek J. *Stalingradskaja bitva: svidetel'stva uchastnikov i ochevidcev*. M., 2015. 672 s.
32. Hastings M. *All Hell Let Loose: The World At War 1939–1945*. HarperCollins, 2011. E-book
33. Dickson K. *World War II For Dummies*. For Dummies, 2011. E-book.
34. Overy R. *The Bombers and the Bombed: Allied Air War Over Europe 1940-1945*. Viking Adult, 2014. E-book.
35. Tucker-Jones A. *Slaughter on the Eastern Front Hitler and Stalin's War 1941-1945*. The History Press, 2019. E-book
36. Kramer M. *Russia Is Repeating Its Brutal History in Ukraine* [Электронный ресурс], URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/russia-repeating-its-brutal-history-ukraine> (дата обращения 04.08.2023)
37. Cornish N. *The Eastern Front 1941-1942 Barbarossa to Moscow*. Pen & Sword Military, 2016. E-book.
38. Cornish N. *The Eastern Front 1942-1943: Stalingrad to Kharkov*. Pen & Sword Military, 2017. E-book.
39. Cornish N. *The Eastern Front 1943 – 1944 Kursk to Bagration*. Pen & Sword Military, 2017. E-book.
40. Cornish N. *The Eastern Front 1944–1945: Warsaw to Berlin*. Pen & Sword Military, 2018. E-book.
41. Roach M. Waxman O. *World War II in Europe Ended 75 Years Ago—But the World Is Still Fighting Over Who Gets to Say What Happened* [Электронный ресурс], URL: <https://time.com/5832549/world-war-ii-memory/> (дата обращения 02.05.2023)
42. Beljaev D.P. *Razruha v golovah. Informacionnaja vojna protiv Rossii* [Электронный

- ресурс], URL: <https://pub.wikireading.ru/71078> (дата обращения 02.05.2023).
43. Opros: evropejcy schitajut, chto ot fashizma ih osvobodili SShA [Электронный ресурс], URL: <https://sputnik.by/20150428/1014949623.html> (дата обращения 02.05.2023).
44. Roediger III H. L. Competing national memories of World War II. [Электронный ресурс], URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.1907992116> (дата обращения 02.05.2023)

Ilyichev Alexey Vladimirovich – researcher of FGBUK «Museum-reserve of the heroic defense and liberation of Sevastopol», Sevastopol.

E-mail: alexeiilyichev@yandex.ru

УДК 327

ПОП-КУЛЬТУРА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В ОТНОШЕНИЯХ ЮЖНОЙ КОРЕИ И ЯПОНИИ: САКУРА ПОД ВОЛНОЙ ХАЛЛЮ

Иванова Д. Г.

Аннотация: *Массовая культура Южной Кореи, получившая известность в Восточной Азии и в глобальном масштабе на пике корейской волны, используется в качестве политического инструмента с целью влияния на общественное сознание японцев. Метаконфуцианская идентичность и общие восточноазиатские ценности, транслируемые посредством корейских телесериалов, находят положительный отклик среди жителей ряда стран Восточной Азии. Несмотря на предрасположенность отдельных социальных групп в японском обществе к потреблению продуктов корейской индустрии развлечений (видеоигр, комиксов, музыки) и появление в Японии в связи с этим особой субкультуры, между сторонами сохраняется напряженность ввиду наличия территориальных споров, различий в подходах к трактовке исторических событий, враждебного отношения крайне правых к корейской диаспоре в Японии. Республика Корея внедряет элементы национальной традиционной культуры в массовую, но из-за корейской проблемы этот подход не лишен внутренних противоречий. Независимо от значительного потенциала использования поп-культуры Южной Кореи в политических целях и внимания, уделяемого ей на уровне государства, корейскую массовую культуру все еще нельзя рассматривать как полноценный дипломатический инструмент в отношениях с Японией.*

Ключевые слова: *культура, Южная Корея, Япония, Восточная Азия, корейская волна, халлю, мягкая сила*

Культурно-исторические рамки понятия «Восток» очерчивают регион настолько широко, что в него включают общества, принадлежащие к арабо-персидской (исламской), индуистско-буддийской и конфуцианской традициям. Э. Саид впервые обозначил искусственный характер конструирования этого понятия как противопоставления просвещенному Западу для создания дихотомии в терминах постколониальности [1]. Осознание Запада и Востока появилось в эпоху Великих географических открытий. Эта дихотомия, обладающая чертами мифа, начала формироваться в XV в., приобретая черты культурного противостояния, так как считалось, что истинной культурой обладало западное общество, но не «Ориент». Уже на этом этапе прослеживается подчиненное положение объекта (Востока) по отношению к субъекту влияния (Западу). На протяжении нескольких столетий цивилизованность и модернизация приравнивались к понятию культуры.

Проявления культурной гегемонии не новы для Азии: до прихода западных сил, поддерживающих идею капиталистического общества, в этом регионе существовали

исторические формы господства, такие как *Rax Mongolica* и синоцентризм. Западное видение миропорядка не устоялось ввиду сохранения азиатского подхода к общественным процессам, коллективизма, при форсированной модернизации экономики.

«Восток» могут отождествлять с Ближним Востоком и Восточной Азией, в то время как в Азии существуют государства, которые ввиду политико-экономических факторов относят к так называемому «западному лагерю», группе стран Глобального Севера. Речь идет в первую очередь о Республике Корея и Японии. И Южная Корея, и Япония разделяют метаконфуцианскую идентичность, лежащую в основе общественного уклада одной из групп среди совокупности азиатских культур [2].

Японский термин «культурализация» (*bunka-ka*) лингвистически тесно связан с вестернизацией, так как культура *bunka* означала западную моду в эпоху Мэйдзи [3, с. 10]. Вестернизация Японии и Республики Корея перешла на новую ступень к концу XX в. Например, в Южной Корее в это время проводилась политика *Segyehwa*, подразумевающая модернизацию политического управления экономики, образования, ориентацию на глобальные процессы в сфере масс-медиа и культуры, приоритетное изучение английского языка в школах [4].

В современных реалиях массовость культуры во многом определяет популярность образа страны, проецируемого за рубеж посредством мягкой силы. Влияние масскульта, идеологии и потребительского капитализма на общественные отношения уже давно находится в фокусе известных социологов Д. Белла, Ж. Бодрийера, Т. Адорно, М. Хоркхаймера [5; 6; 7], но не менее интересно рассмотреть, как преломляются грани поп-культуры в контексте внешней политики.

Опыт поп-культурной революции в США был специфически интерпретирован в странах Восточной Азии, а рост общемировой популярности южнокорейских и японских продуктов поддерживается благодаря мягкосиловому влиянию. Интерпретация культуриндустрии Японией и Кореей стала ответом на их стремление утвердиться на мировой арене, полагаясь не только на экономическую мощь. Сегодня уже нецелесообразно говорить об имитации Азией западных тенденций в культуре. Среди стран региона сложился собственный подход к системе инструментов мягкой силы, в котором акценты расставлены иначе, чем у признанных мировых лидеров в этой области, например, у США и Франции.

На Западе Япония и Южная Корея ассоциируются с культурой аниме, комиксами *манга*¹ и *манхва*², J-роп и K-роп музыкой, видеоиграми, корейскими *дорамами*³, а также с товарами известных своим качеством брендов в сфере электроники, машиностроения, косметики. Однако следует помнить, что мягкая сила носит неизбирательный характер, значит, в этом случае под взаимным влиянием соответственно оказываются

1 Манга – вид японских комиксов в черно-белом исполнении, которые традиционно нарисованы от руки с помощью туши и пера.

2 Манхва – вид корейских комиксов в цветном исполнении, которые создаются в цифровом формате.

3 Дорама – общее название для телесериалов разных жанров, которые выпускаются в Восточной Азии. Наиболее популярны драмы романтического содержания.

японское и южнокорейское общества. В центре данного исследования находится популярная культура Южной Кореи как инструмент политического влияния на Японию. Чем корейская поп-культура привлекает японцев, и какие преграды ее распространению в Стране восходящего солнца существуют сегодня? Возможно ли использование корейской массовой культуры в качестве дипломатического инструмента?

Южная Корея, последовав по японскому пути, также переняла западные стратегии продвижения мягкой силы, создала эксклюзивный поп-культурный продукт, предназначенный в том числе для иностранной аудитории. Южная Корея задает моду на поп-культуру, как в Восточной Азии, Китае, Тайване, Вьетнаме, Сингапуре, так и в глобальном масштабе. Японское общество, будучи восприимчивым к продуктам современной корейской популярной культуры, тем не менее, встречает отдельные ее элементы критически, порой даже агрессивно.

Особенности восприятия корейской волны японцами

Вопросы культуры на протяжении долгого времени являлись поводом для напряженности в корейско-японских отношениях. Доминирование Японии над Кореей с 1910-х по 1945 гг., империализм и японская оккупация (даже не учитывая исторический характер японской экспансии на территории Кореи), стали причиной наложения временного запрета в конце XX в. на импорт продуктов японского масскульта и СМИ, например, теле- и радиопередач на японском языке. Ограничения были ослаблены, но не сняты полностью, только к 1998 г. с подписанием совместной корейско-японской декларации о партнерстве [8].

Термин «халлю»⁴ вошел в общественно-политический дискурс с подачи китайских и тайваньских медиа в контексте популярности корейских драм, например, «Что такое любовь?» и «Зимняя соната», которые завоевали расположение телезрительниц среднего возраста в Японии [9]. Содержание ряда корейских драм отличается от американских телесериалов и продукции Голливуда благодаря акценту на семейные ценности, что позитивно воспринимается в традиционных мусульманских обществах Ближнего Востока, в Индонезии, а также в Китае. Тот факт, что феномен корейской популярности ассоциируется с волной, говорит о цикличности процесса, периодах подъема и спада, если сравнивать эту тенденцию, например, с волнами демократизации С. Хантингтона.

Пик корейской волны пришелся на вручение премии Оскар за лучший фильм южнокорейской картине «Паразиты» в 2020 г., глобальную популярность телесериала «Игра в кальмара» и более ранних ТВ-шоу «Наследники», «Алые сердца», выступление членов музыкальной группы BTS по вопросам молодежи и борьбы с пандемией COVID-19 в зале заседаний ГА ООН, субкультуру *айдолов*⁵ из музыкальных поп-групп BLACKPINK, Stray Kids и других групп, конкуренцию корейских цветных комиксов «Башня Бога» и «Благородство» в цифровом виде *вебтуна*⁶ с традиционной японской черно-белой мангой, распространение видеоигр Blade&Soul, Black Desert.

4 «Халлю» буквально означает «корейскую волну, нахлынувшую одним летним днем».

5 Айдолами в Азии называют наиболее популярных звезд шоу-бизнеса.

6 Обобщающий термин для корейской манхвы, публикуемой в сети для чтения с помощью смартфона. Название произошло от одноименного онлайн-сервиса.

Так обозначился тренд на изменение корейского образа в положительном направлении, исчез стереотип о некой «второсортности» Кореи по отношению к Японии. Продукты корейской поп-культуры стали конкурентоспособны на рынках Восточной Азии и в общемировом масштабе. Они одновременно ориентированы на японский рынок и западную аудиторию: корейские музыканты зачастую записывают несколько версий песен на корейском и на японском языках соответственно, а в текстах песнях встречаются слова и целые куплеты на английском языке.

Среди японских фанатов существует собственная субкультура *халлю*, которая носит название *nihon shiki kanryū* и выражается в крайних проявлениях любви к поп-звезде [10, с. 449]. Вскоре это стало использоваться в целях привлечения финансовых потоков, например, от туристов, покупавших *халлю*-туры, включавшие осмотр знаковых мест, где проходили съемки телесериалов, встречи с кумирами [10, с. 447]. Японцам близки тенденции корейского рынка массовой культуры, в частности, субкультура почитания *айдолов* начала складываться среди японской молодежи уже с 1980-х гг. с появлением *кайокёку* (с *яп.* популярная песня) и J-Pop, в настоящее время фанаты следуют и за виртуальными поп-звездами, такими как Hatsune Miku.

Корейская массовая культура занимает значимую нишу на японском рынке и направлена на определенные социальные группы в Японии, численность которых варьируется в зависимости от пола и возраста. Внутри корейской волны в связи этим есть свои противоречия: контент, потребляемый молодежью обоих полов (преимущественно компьютерные игры, комиксы, музыка, видео на стриминговых сервисах) содержательно не пересекается с корейскими дорамами, популярными на рубеже веков, как было сказано выше, преимущественно среди женщин среднего возраста. Мужская половина населения среднего возраста в Японии руководствуется гендерными предрассудками, но готова вкладывать финансовые средства в развитие этой индустрии по политическим и экономическим причинам [10, с. 448].

Также продукты халлю содержат в себе противоречия между маскулинностью и фемининностью из-за идеализации мужского образа, что свойственно и японской культуре *манга* жанра *сёдзё*⁷. Это, с одной стороны, становится аргументом в пользу аполитичного характера халлю, которая позиционируется как индустрия развлечений для женщин, но, с другой стороны, в отдельных случаях все еще существуют элементы воинственной шовинистической пропаганды через телеэкраны [10, с. 451].

Корейское Агентство по Международному Сотрудничеству (KOICA), Министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея (MCST), а также специализированная Служба по культуре и информации при Министерстве (KOCIS), Корейский фонд по международным культурным обменам (KOFICE), Корейское Агентство Креативного Контента (KOCCA) являются основными институтами корейской мягкой силы. Они осуществляют задачи по улучшению имиджа Южной Кореи, которые были определены, например, в Белой книге халлю 2022 г. Корейская волна превратилась во внешнеполитический инструмент, признанный самым мощным для улучшения образа страны с точки

⁷ Целевая аудитория романтических историй в жанре сёдзё — девушки-подростки школьного возраста.

зрения мягкосилового влияния [17, с. 334], но из-за превращения халлю в национальный символ, Азии может грозить новая волна культурного империализма, выстроенного на фундаменте корейского национализма [17, с. 335].

Негативные аспекты восприятия корейской волны японцами и препятствия на пути халлю

Несмотря на популярность корейской культуры среди японской молодежи, в Стране восходящего солнца наблюдается и совершенно противоположная тенденция. Изначально она была связана с Ш. Яmano, автором комикса «*Kenkanryu*» (с яп. «Ненависть к корейской волне»), в котором корейские спортсмены изображены как недобросовестные игроки в футбол [11, с. 7]. В манге открыто поднимаются острые политические вопросы двусторонних отношений и колониальное прошлое, не скрывается неприязнь к корейцам. Вопреки спорному характеру сюжета и явной политизированности, манга издавалась в течение 10 лет с 2005 по 2015 гг.

Протесты разгневанной толпы в 2011 г. в Японии у штаб-квартиры Fuji TV, на телеканалах которой транслировали корейские дорамы, стали показателем как степени пресыщения корейской культурой, так и проявлением японских националистических настроений. Отголоски японского чувства превосходства проявляются в стремлении страны, фигурально выражаясь, «покинуть Азию» [12, с. 3], что обусловлено более высоким уровнем жизни в стране по сравнению с рядом стран Юго-Восточной и Южной Азии.

Отношения между Сеулом и Токио омрачает и наличие территориальных споров. Акции протеста проводились в отношении японо-корейского территориального спора по поводу островов Токто (яп. Такесима) [13]. Возмущение среди корейцев вызвало учреждение в 2005 г. празднования «Дня Такэсимы» в японской префектуре Симанэ. Пока стороны смогли лишь достичь соглашения об использовании мирных дипломатических средств в поиске решения конфликта. Разногласия вызывают вопросы об исключительной экономической зоне и охране флоры и фауны островов в ходе хозяйственной деятельности.

Вопрос о корейской диаспоре в Японии, а именно корейцах-*дзайнити*, иммигрировавших в Японию до 1945 г. и ассимилировавшихся с японским населением, особенно остро стоял в конце XX в. Члены диаспоры нередко были маргинализированы, имели неопределенный правовой статус и подвергались дискриминации. Фактическое исключение *дзайнити* из японского общества (образования, рынка труда, социальных отношений) привело к политизации их требований, общественным волнениям, появлению отдельного сектора услуг и развлечений в экономике, в котором были заняты корейцы [14].

К 2000-м гг. ситуация начала постепенно меняться в лучшую сторону, но волна *халлю* существенно не повлияла на отношение японцев к *дзайнити* [15], праворадикальные общественные движения расистски и шовинистически настроены в отношении корейцев, резко возражают против корейско-японской дружбы. Приводятся, и небезосновательно, аргументы в пользу того, что Япония стимулировала экономическое развитие Кореи, когда страна являлась японской колонией, способствовала ее модернизации, в том числе в сфере образования, что корейцы никогда насильно не перевозились на

Японские острова в качестве рабов в военное время и те намеренно искажают исторические события [цит. по: 10, с.450].

Проблема «женщин для утешения» *ианфу*, а именно сексуальных рабынь офицеров армии Японской империи, является темной страницей в истории корейско-японских отношений. В Японии звучали заявления о необоснованности претензий, «станции утешения» называли мифом [цит. по: 16, с. 75]. Для снижения градуса напряженности в 1995 г. Япония инициировала создание Фонда женщин Азии, но со стороны Республики Корея этот шаг был встречен критически, так как фонд был негосударственным, формат компенсаций не был приемлем для корейцев, и в 2007 г. Фонд был распущен [цит. по: 16, с. 76].

Корейская политика памяти, характерная для страны с культом предков как особой формой религии, годы японской оккупации и навязывания всего японского, включая японский синтоизм, не противоречат использованию инструментов мягкой силы в корейско-японском диалоге. Наоборот, позиция жертвы колониализма выглядит менее угрожающе и в результате не мешает популярности, а усиливает ее. Глобальный успех корейской волны является своего рода реваншем за «потерянные годы» притеснений корейского народа Китаем, Японией и Соединенными Штатами [17].

Образ либеральной демократии, родины передовых информационных технологий в сочетании с традиционным давлением четко регламентированной структуры общества, клановости в деятельности крупных финансово-промышленных корпораций *чебо* ли не обладает привлекательностью для молодого поколения японцев. Более того, опыт быстрой модернизации страны и бренд «Сделано в Корее» воспринимается японцами как угроза их собственному лидерству в регионе, в том числе из-за крупных корейских ТНК Samsung, LG, Kia Motors, Hyundai Motor.

Элементы традиционной корейской культуры в продуктах культуриндустрии

Существуют точки зрения, что в конце XX в., до краха экономики «мыльного пузыря», Япония, обладавшая беспрецедентной экономической властью в мире, была «культурно бедна» и «практически не обладала никакой международной культурной властью» [цит. по: 18, с. 330]. Так, Япония якобы культурно зависела от Запада, а в качестве иллюстрации упадка приводились комиксы манга и ток-шоу. До появления инициативы «*Cool Japan*» Страна восходящего солнца зарекомендовала себя как поставщика идеи эскапизма [19]: сначала через производство электроприборов⁸, значительно упрощающих быт, а затем через субкультуру видеоигр и аниме, которые пользовались большой популярностью ввиду повышения уровня жизни и доходов населения на Западе.

Путь Республики Корея в этой области имеет много общего с японским опытом. В настоящее время популярный контент из Кореи находит поклонников по всему миру. Как и Япония, Южная Корея предлагает мировому рынку продукты, позволяющие отвлечься от реальности благодаря яркому виртуальному миру игр, красочным видеороликам с продуманной хореографией и костюмами К-поп исполнителей.

8 1950-е гг. стали эпохой трех «S» — *senpūki*, *sentakuki*, *suihanki* (с яп. фен, стиральная машина, электрическая рисоварка). 1960-е гг. можно охарактеризовать концепцией трех «C» — *a car*, *a cooler* (air conditioner), and *a color television* (с англ. машина, кондиционер, цветной телевизор).

Южная Корея также стремилась сделать известной за рубежом и корейскую традиционную культуру, что стало настоящей общенациональной целью в последнее десятилетие XX в. Были выбраны аутентичные, истинно корейские символы, которые бы ассоциировались с культурой Кореи, например, традиционный костюм *ханбок*, корейская письменность *хангыль*, боевое искусство *тхэквондо*, *кимчи*⁹ и *пулькоги*¹⁰, чай с женьшенем *корё инсам*, традиционный танец масок [цит. по: 20, с. 112].

Обратим внимание и на то, что сегодня содержание продуктов корейской поп-культуры и шоу-бизнеса, хоть и отвечает законам глобального рынка, ориентированного на Запад, тем не менее отражает корейские традиции. Это прежде всего прослеживается в корейских драмах, представляющих миру повседневность и быт корейцев. Центральное место занимают элементы восточноазиатской ментальности, конфуцианская этика, коллективизм, уважение к старшему поколению (сыновья почтительность), верность фирме. Так, корейская популярная культура апеллирует к чувству ностальгии и общим восточноазиатским идеалам, что позитивно встречается японским обществом.

Однако корейские символы с многолетней историей могут в некоторых случаях вызывать сегодня ассоциацию как с Южной, так и с Северной Кореей. Например, корейское фонематическое письмо *хангыль* является единственным средством письма в Северной Корее, в то время как в Южной Корее до сих пор применяется в том числе и иероглифика [21, с. 117]. Ввиду закрытости КНДР от внешнего мира, корейская традиционная культура, уходящая корнями в прошлое и насчитывающая 5 тыс. лет, стала ошибочно приписываться только южной части полуострова, так как исключительно Республика Корея обладает мощным потенциалом для продвижения собственной культурной дипломатии.

Корейская волна одновременно может рассматриваться и как инструмент мягкой силы Южной Кореи, и как особая субкультура, распространившаяся сначала по Восточной Азии, а затем в глобальном масштабе. Фанаты *халлю* не воспринимают корейскую популярную культуру как политический инструмент, хотя с точки зрения государства она представляет собой особую форму мягкой силы с большим потенциалом.

Японское общество неоднозначно воспринимает продукты корейской поп-индустрии: при явном успехе среди определенных групп населения, среди шовинистически настроенных крайне правых образ Кореи воспринимается негативно, что приводило к социальным волнениям. Ввиду предрасположенности японцев к пониманию разных течений популярной культуры Республики Корея, она нашла последователей в Стране восходящего солнца, даже несмотря на то, что по содержанию продукты поп-культуры нередко основываются на корейских традициях. Общие восточноазиатские ценности, отраженные в массовой культуре Кореи, понятны широким слоям населения Китая, Тайваня, Вьетнама, Сингапура.

Япония имеет опыт распространения собственной поп-культуры в глобальном масштабе, но это не мешает японцам активно интересоваться культурной индустрией

9 Блюдо корейской традиционной кухни, представляющее собой острые квашеные овощи, чаще всего капусту.

10 Барбекю из тонких ломтиков говядины или свинины.

и шоу-бизнесом корейский соседней. В то время как корейская популярная культура «завоевывает умы и сердца» японцев, сама Южная Корея весьма сдержанно относится к японской культурной индустрии. На протяжении долгого времени наложенные на ее распространение ограничения не позволяли корейцам знакомиться с продуктами японской культуры. Ситуация усложняется непростой политической конъюнктурой, так как между двумя странами существуют территориальные споры, которые продолжают оказывать негативное влияние на двусторонние отношения. На политику памяти и дискуссии об исторических событиях, обладающих особой остротой для корейско-японских отношений, халлю существенно не повлияла. Креативный контент, создаваемый Кореей, носит развлекательный характер, поэтому говорить о превращении корейской волны в полноценный дипломатический инструмент урегулирования спорных вопросов в корейско-японском диалоге нецелесообразно и преждевременно.

Список литературы

1. Said E.W. *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. London: Penguin. 2003. 432 p.
2. Корнилов М.Н. Азиатские культуры [Текст] / М.Н. Корнилов // *Культурология XX век. Энциклопедия в 2 т. Т. 1, А–Л*. СПб.: Университетская книга, 1998. 447 с.
3. Morishita, M. *The Empty Museum. Western Cultures and the Artistic Field in Modern Japan*. Routledge, 2010. 160 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315616056> (accessed 13 June 2023).
4. Kim, D.-J., Kim, Y.-Ch. Implications of Korea's Segyehwa Policy // *Chandos Asian Studies Series, Chandos Publishing, 2008*. pp.211–240. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-1-84334-472-8.50008-1>. (accessed 13 June 2023).
5. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М. : Academia, 1999. 788 с.
6. Бодрийяр Ж. *Общество потребления*. М.: Республика, 2006. 269 с.
7. Адорно Т., Хоркхаймер М. *Диалектика просвещения*. СПб.: Ювента, 1997. 312 с.
8. Japan-Republic of Korea Joint Declaration: A New Japan-Republic of Korea Partnership towards the Twenty-first Century. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 8 October 1998. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html> (accessed 10 June 2023).
9. Mori, Y. Winter Sonata and Cultural Practices of Active Fans in Japan: Considering Middle-Aged Women as Cultural Agents // Chua, B.H. and Iwabuchi, K. *East Asian Pop Culture: Analysing the Korean Wave*. Hong Kong, 2008; online edn, Hong Kong Scholarship Online, 14 Sept. 2011 DOI: <https://doi.org/10.5790/hongkong/9789622098923.003.0007> (accessed 13 June 2023).
10. Oh, I. *Hallyu: The Rise of Transnational Cultural Consumers in China and Japan* //

- Korea Observer. 2009. Vol. 40, №3, pp. 425–459.
11. Cheon, M. Kenkanryu (The Hate Korean Wave): Images of Hatred and Racism in Japanese Manga // *A Journal of Contemporary Art*. November 2008. pp.7–9.
 12. Korhonen, P. Leaving Asia? The Meaning of Datsu-A and Japan's Modern History // *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*. Volume 11. Issue 50. Number 1. 15 December 2013. pp.1–18.
 13. Иванов А.Ю. Южнокорейско-японские отношения через призму территориальных разногласий вокруг острова Токто // *Корейский полуостров и вызовы глобализации* / Под ред. А. З. Жебина, К. В. Асмолова, Р. В. Савельева. М.: ИДВ РАН, 2006. 315 с. С. 228–234.
 14. Moon, R. Pre-war Japan and the Origins of the Korean Diaspora. *Spice Digest*. Spice Stanford. Fall 2010. [Electronic resource] Mode of access: https://spice.fsi.stanford.edu/docs/koreans_in_japan (accessed 10 June 2023)
 15. Iwabuchi, K. When the Korean Wave Meets Resident Koreans in Japan: Intersections of the Transnational, the Postcolonial and the Multicultural // Chua, B.H. and Iwabuchi, K. *East Asian Pop Culture: Analysing the Korean Wave*. Hong Kong, 2008; online edn, Hong Kong Scholarship Online, 14 Sept. 2011 DOI: <https://doi.org/10.5790/hongkong/9789622098923.003.0013> (accessed 13 June 2023).
 16. Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // *Японские исследования*. 2019. №4. С. 72–87. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10029
 17. Kim, Y. Soft Power et nationalisme culturel : la vague coréenne // *Outre-Terre*, 2014. Vol. 39, №2, pp.331–337. DOI: 10.3917/oute1.039.0331.
 18. Said, E. W. *Culture and Imperialism*, New York, NY: Vintage Books, 1993. 380 p.
 19. Iwabuchi, K. *Recentring Globalization: Popular Culture and Japanese Transnationalism*. Duke University Press, 2002. 286 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv11vc8ft>. (accessed 13 June 2023).
 20. Першина М.П. «Мягкая сила» во внешней политике Республики Корея и КНР // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2017. №2 (104). С.109–118.
 21. Сухинин В.Е. Иероглифическая письменность в современной Корее // *Филологические науки в МГИМО*. 2020. №22(2). С. 116–124.

Сведения об авторе

Иванова Дарья Геннадьевна – магистрант МГИМО МИД России, г. Москва
E-mail: ivanovadashamgimo@mail.ru

Ivanova D. G.

POPULAR CULTURE AS A POLITICAL TOOL IN SOUTH KOREA – JAPAN RELATIONS: A SAKURA UNDER THE HALLYU WAVE

Abstract: *The popular culture of South Korea, which gained fame in East Asia and on a global scale at the peak of the Korean Wave is used as a political tool to influence the public consciousness of the Japanese. Metaconfucian identity and common East Asian values, broadcast through Korean television series, resonate positively among residents of a number of East Asian countries. Despite the predisposition of certain social groups in Japanese society to consume products of the Korean entertainment industry (video games, comics, music) and the emergence of a special subculture in Japan in this regard, tensions remain between the parties due to the presence of territorial disputes, differences in approaches to the interpretation of historical events, the hostile attitude of the extreme right to the Korean diaspora in Japan. The Republic of Korea is introducing elements of the national traditional culture into the mass culture but due to the Korean problem this approach is not without internal contradictions. Regardless of the significant potential of using South Korean pop culture for political purposes and the attention paid to it at the state level, Korean popular culture still cannot be considered as a full-fledged diplomatic tool in relations with Japan.*

Keywords: *culture, South Korea, Japan, East Asia, Korean Wave, Hallyu, soft power*

References

1. Said E.W. Orientalism: Western Conceptions of the Orient. London: Penguin. 2003. 432 p.
2. Kornilov M.N. Aziatskie kul'tury [Tekst] / M.N. Kornilov // Kul'turologija HH vek. Jenciklopedija v 2 t. T. 1, A–L. SPb.: Universitetskaja kniga, 1998. 447 s.
3. Morishita, M. The Empty Museum. Western Cultures and the Artistic Field in Modern Japan. Routledge, 2010. 160 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315616056> (accessed 13 June 2023).
4. Kim, D.-J., Kim, Y.-Ch. Implications of Korea's Segyehwa Policy // Chandos Asian Studies Series, Chandos Publishing, 2008. pp.211–240. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-1-84334-472-8.50008-1>. (accessed 13 June 2023).
5. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya. M. : Academia, 1999. 788 s.
6. Bodrijar Zh. Obshhestvo potrebleniya. M.: Respublika, 2006. 269 s.
7. Adorno T., Horkhajmer M. Dialectic of enlightenment. SPb.: Juventa, 1997. 312 s.
8. Japan-Republic of Korea Joint Declaration: A New Japan-Republic of Korea Partnership towards the Twenty-first Century. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 8 October 1998. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html> (accessed 10 June 2023).
9. Mori, Y. Winter Sonata and Cultural Practices of Active Fans in Japan: Considering Middle-Aged Women as Cultural Agents // Chua, B.H. and Iwabuchi, K. East Asian Pop Culture: Analysing the Korean Wave. Hong Kong, 2008; online edn, Hong Kong Scholarship Online, 14 Sept. 2011 DOI: <https://doi.org/10.5790/hongkong/9789622098923.003.0007> (accessed 13 June 2023).

10. Oh, I. Hallyu: The Rise of Transnational Cultural Consumers in China and Japan // Korea Observer. 2009. Vol. 40, №3, pp. 425–459.
11. Cheon, M. Kenkanryu (The Hate Korean Wave): Images of Hatred and Racism in Japanese Manga // A Journal of Contemporary Art. November 2008. pp.7–9.
12. Korhonen, P. Leaving Asia? The Meaning of Datsu-A and Japan's Modern History // The Asia-Pacific Journal. Japan Focus. Volume 11. Issue 50. Number 1. 15 December 2013. pp.1–18.
13. Ivanov A.Ju. Juzhnokorejsko-japonskie otnosheniya cherez prizmu territorial'nyh raznoglasij vokrug ostrova Tokto // Korejskij poluostrov i vyzovy globalizacii / Pod red. A. Z. Zhebina, K. V. Asmolova, R. V. Savel'eva. M.: IDV RAN, 2006. 315 s. S. 228–234.
14. Moon, R. Pre-war Japan and the Origins of the Korean Diaspora. Spice Digest. Spice Stanford. Fall 2010. [Electronic resource] Mode of access: https://spice.fsi.stanford.edu/docs/koreans_in_japan (accessed 10 June 2023)
15. Iwabuchi, K. When the Korean Wave Meets Resident Koreans in Japan: Intersections of the Transnational, the Postcolonial and the Multicultural // Chua, B.H. and Iwabuchi, K. East Asian Pop Culture: Analysing the Korean Wave. Hong Kong, 2008; online edn, Hong Kong Scholarship Online, 14 Sept. 2011 DOI: <https://doi.org/10.5790/hongkong/9789622098923.003.0013> (accessed 13 June 2023).
16. D'jachkov I.V. Istoricheskaja pamjat' i politika: problema «zhenshin dlja utesheniya» v sovremennyh juzhnokorejsko-japonskih otnoshenijah // Japonskie issledovanija. 2019. №4. S. 72–87. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10029
17. Kim, Y. Soft Power et nationalisme culturel : la vague coréenne // Outre-Terre, 2014. Vol. 39, №2, pp.331–337. DOI: 10.3917/oute1.039.0331.
18. Said, E.W. Culture and Imperialism, New York, NY: Vintage Books, 1993. 380 p.
19. Iwabuchi, K. Recentring Globalization: Popular Culture and Japanese Transnationalism. Duke University Press, 2002. 286 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv11vc8ft>. (accessed 13 June 2023).
20. Pershina M.P. «Mjagkaja sila» vo vneshnej politike Respubliki Koreja i KNR // Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura. 2017. №2 (104). S.109–118.
21. Suhinin V.E. Ieroglificheskaja pis'mennost' v sovremennoj Koree // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2020. №22(2). S. 116–124.

Ivanova Daria Gennadyevna – Graduate of the Master's degree in International Humanitarian Cooperation, Moscow State University of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation
E-mail: ivanovadashamgimo@mail.ru

УДК 327

СВО И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ПОСТСОВЕТСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И БЕЛОРУССИИ

Абрамов С. В.

Аннотация: В статье анализируются изменения в отношениях России с постсоветскими странами Центральной Азии, Закавказья и с Белоруссией за период после 24 февраля 2022 года и до конца января 2023 года. Выделяются ключевые задачи российской геостратегии в странах Центральной Азии и Закавказья, а также СНГ после начала СВО. Актуальность работы связана с трансформацией геостратегических интересов России в новой реальности. Объектом исследования являются отношения России с постсоветскими странами Центральной Азии и Закавказья. Предметом – трансформация международных приоритетов России в сторону более тесных взаимоотношений с постсоветскими государствами. Цель работы – определить ключевые задачи российской геостратегии в отношении с постсоветскими странами Центральной Азии и Закавказья после начала СВО. Определены следующие задачи исследования. Выявить и исследовать существующие тенденции двусторонних отношений России с постсоветскими странами Центральной Азии и Закавказья после начала СВО. Проанализировать роль личностного фактора лидеров постсоветских государств в двусторонних отношениях с РФ после начала СВО. Выявить трансформацию экономической политики РФ с учетом усиления фактора регионализации. Выявить аспекты размывания российского присутствия в регионе в области мягкой силы. Для решения указанных задач, автором предложен список критериев, в который входят – изменение товарооборота, миграционные изменения, отношения в исследуемых странах к русскому языку, двусторонние контакты глав государств Центральной Азии и Закавказья с президентом России, публичные заявления по поводу признания ДНР и ЛНР, соблюдения антироссийских санкций, голосования в ООН по антироссийской повестке. Методология исследования основана на применении геополитического, мир-системного и цивилизационного подходов.

Ключевые слова: геополитика, Россия, Центральная Азия, Закавказье, Белоруссия, СВО

Решение о начале Российской Федерацией СВО на территории Украины 24 февраля 2022 года ускорило процесс перехода к формированию многополярной системы и поставило вопрос о необходимости для России пересмотреть свои геостратегические отношения с постсоветскими странами Центральной Азии и Закавказья [1].

Геостратегию, с одной стороны, мы понимаем, как стратегическое управление геополитическими интересами [2, с. 44], а с другой, как деятельность государства на меж-

дународной арене, направленную на создание, поддержание и увеличение своего могущества за счет обладания наиболее благоприятным пространственным положением, которое достигается с помощью военных и невоенных средств [3].

Антироссийские резолюции ООН и голосование постсоветских стран Центральной Азии и Закавказья

После начала СВО России на Украине 28 февраля 2022 года был дан старт чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по ситуации на Украине. В течение 2022 года было принято 5 антироссийских резолюций. Постсоветские страны Закавказья, Центральной Азии и Белоруссия при голосовании по антироссийским санкциям выбирали разный формат поведения.

2 марта 2022 года Генассамблея ООН приняла резолюцию ES-11/1, в которой спецоперация РФ была названа «агрессией против Украины». Документ поддержало 141 государство, среди которых – Грузия. Воздержались 35 стран, среди них – Казахстан, Армения, Киргизия, Таджикистан. Не голосовали 12 стран, среди них: Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан. Против были 5 членов ООН, среди которых только две постсоветские страны – Россия и Белоруссия [4].

23 марта 2022 принята резолюция ES-11/2, представленная Украиной, которой от России требовалось незамедлительного прекращения боевых действий и поощрялось продолжение переговоров. За выступили – 140 стран, включая Грузию. Против – 5 (Россия, Белоруссия). Воздержались – 38 (Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). Не голосовали – 10 (Азербайджан, Туркменистан) [5].

Резолюция ES-11/3 с формулировкой «о нарушениях и злоупотреблениях прав человека и нарушениях международного гуманитарного права Российской Федерацией» была принята 7 апреля 2022 года. За проголосовали – 93 страны (Грузия). Против – 24 (Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). Воздержались – 58. Не голосовали – 18 (Армения, Азербайджан, Туркменистан) [6].

12 октября 2022 принята резолюция ES-11/4, которая объявила референдумы о независимости и вхождении в состав России ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей Украины, недействительными и незаконными в соответствии с международным правом. За были – 143 страны (Грузия). Против – 5 (Россия, Белоруссия). Воздержались – 35 (Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). Не голосовали – 10 (Азербайджан, Туркменистан) [7].

Резолюция ES-11/5, призывающая создать международный механизм по возмещению Россией ущерба или вреда в связи с действиями против Украины, была принята 7 ноября 2022. За проголосовали – 94 государства (Грузия). Против – 14 (Россия, Белоруссия). Воздержались – 73 (Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). Не голосовали – 12 (Азербайджан, Туркменистан) [8].

Из всех стран, рассматриваемых в данном исследовании, только Грузия поддержала все антироссийские резолюции. Страны Центральной Азии и Закавказья по всем вопросам почти всегда или воздерживались, или не голосовали. Вместе с этим Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан по одной из резолюций, связанной с возложением

ем на Россию ответственности за нарушения прав человека на Украине, проголосовали против. Единственным постсоветским государством, выступившим в поддержку России и голосовавшим против всех антироссийских резолюций, была Белоруссия.

Официальные контакты президента РФ в 2022 г. с президентами постсоветских стран Закавказья, Центральной Азии и Белоруссии

За период с 24 февраля 2022 года по 24 января 2023 года, президент РФ В.В. Путин больше всего двусторонних контактов имел с премьер-министром Армении Н. Пашиняном. Учитывая двусторонние переговоры в формате видеоконференций, телефонные разговоры и личные встречи, они контактировали 21 раз.

С президентом Белоруссии А.Г. Лукашенко за указанный период, у В.В. Путина было 20 личных контактов. Контакт с главой Казахстана К-Ж. Токаевым было – 17, с президентом Азербайджана И. Алиевым – 15, с президентом Узбекистана Ш.М. Мирзиёевым – 11, с президентом Таджикистана Э.Ш. Рахмоном – 8, с президентом Туркменистана С. Бердымухамедовым – 6, с президентом Киргизии С.Н. Жапаровым – 6. Единственная постсоветская страна из числа исследуемых, с которой у В.В. Путина за указанный период не было контактов – Грузия [9].

Признание ДНР и ЛНР

Признание Россией 21 февраля 2022 года независимости ДНР и ЛНР, за которым последовало начало СВО, вызвало достаточно сдержанную, а иногда и уклончивую реакцию исследуемых страны. Хотя МИД Белоруссии 22 февраля 2022 года выпустил официальное заявление в связи с признанием Россией независимости ДНР и ЛНР [10], позже А.Г. Лукашенко публично дал понять, что официального признания указом президента с его стороны не происходит, поскольку это не дает дополнительных результатов [11].

Дружественную к России позицию в своей риторике продемонстрировал президент Киргизии С. Жапаров, назвавший признание независимости ДНР и ЛНР суверенным правом любой страны [12]. Президент Азербайджана И. Алиев заявил, что признание Россией ДНР и ЛНР ничего не меняет в союзнических отношениях между Баку и Москвой [13].

Официальные власти Туркменистана воздержались от каким-либо комментариев признания Россией независимости республик Донбасса. Однако в октябре 2022 года президент Туркменистана С. Бердымухамедов от имени народа и правительства своей страны поздравил президента Украины В.А. Зеленского и украинский народ с 30-летием установления дипломатических отношений между Туркменистаном и Украиной [14].

С довольно резкой позицией выступил глава МИД Узбекистана А. Камиллов, заявивший, что Узбекистан не признает независимость ДНР и ЛНР, а также выступает за немедленное прекращение военных действий на Украине [15]. Категоричен был и глава МИД Армении В. Унанян, заявивший об отсутствии намерений признавать ДНР и ЛНР [16].

Воздержались от обсуждения на официальном уровне фактов признания ДНР и ЛНР и власти Таджикистана. При этом МИД страны 24 февраля 2022 года опубликовал обращение к гражданам Таджикистана, находящимся и проживающим на Украине, с призывом сохранения спокойствия в связи с введением властями страны военного по-

ложения [17].

Позиции Казахстана позволяют сказать о неоднородности взглядов в стране на признание Россией независимости республик Донбасса. С одной стороны, глава МИД страны М. Тлеуберди выразил понимание причин, по которым Россия пошла на этот шаг в отношении республик Донбасса [18]. А позже президент Казахстана К-Ж.К. Токаев заявил, что ДНР и ЛНР – это квазигосударства, которые не могут быть признаны Казахстаном [19].

Из числа постсоветских стран Центральной Азии и Закавказья, осуждение РФ на официальном уровне из-за признания независимости республик Донбасса последовало только от президента Грузии С. Зурабишвили [20].

Частичный социологический срез

Согласно данным социологического исследования «Социальное мышление под санкционным режимом», проведенного в августе 2022 года Аналитическим центром ЕсоМ по заказу Белорусского государственного телеграфного агентства, 67,9% белорусов относятся к России «хорошо» или «скорее хорошо» [21].

Данные соцопроса Demoscope, проведенного в Казахстане на средства немецкого фонда им. К. Аденауэра, показали, что в марте 2022 года 39% жителей страны поддерживали Россию в конфликте с Украиной, а 46% придерживались позиции нейтралитета [22].

Армянский филиал американского Института им. Гэллага в исследовании за апрель 2022 года отмечал, что 45,8% граждан страны поддерживают Россию в СВО, а 39,6% назвали военную операцию неоправданной. Российский Фонд «Евразийцы – новая волна», опрашивая в апреле 2022 года жителей Киргизии, получил данные, что 45% жителей страны поддерживают Россию в СВО, а 38% выступают за нейтралитет [23; 24].

Для более полной картины было правильным представить к анализу результаты социологических опросов для всех постсоветских стран Центральной Азии и Закавказья, однако в публичном поле за период с февраля по декабрь 2022 года такие данные отсутствуют.

Отношение к антироссийским санкциям

Изменения после 24 февраля 2022 года привели к введению со стороны Европейского Союза, США и их союзников беспрецедентных по масштабам санкций против России и Белоруссии [25, с. 14]. При этом среди постсоветских стран Центральной Азии и Закавказья в антироссийской санкционной политике после начала СВО по-настоящему не участвует ни одна из стран региона.

Азербайджан в марте 2022 года ограничился только введением запрета на пролеты через территорию страны российской авиации и на полеты в Россию. Власти Киргизии, воздержавшись от индивидуальных санкций, утвердили единичные ограничения, связанные с запретом и административной ответственностью в стране символики СВО [26].

Под давлением ЕС в марте 2022 года к банковским ограничениям очень избирательно присоединилась Армения. Глава ЦБ Армении О. Хачатрян заявил, что банковские санкции будут действовать только на трансграничные операции и не будут иметь силы внутри Армении [27]. Отказался присоединиться к санкциям и Казахстан, глава

МИД которого М. Тлеубери публично об этом заявил 5 апреля 2022 года, отметив, что в стране предпримут меры по недопущению негативного воздействия антироссийских санкций на экономику Казахстана [28].

В свою очередь представители США осенью 2022 года провели серию официальных визитов в страны Южной и Центральной Азии с целью изменения в них подходов к санкционной политике против России [29].

Узбекистан первые санкционные ограничения утвердил в сентябре 2022 года, приостановив обслуживание выпущенных международными банками российских карт «Мир» [30]. Президент страны Ш. Мирзиёев 4 марта 2022 года поручил кабинету министров подготовить план по смягчению всех негативных последствий от санкций. Тогда же был проведен российско-узбекский деловой совет, где принимались меры по устранению торговых барьеров и укреплению сотрудничества. Власти Таджикистана публично избегали высказываний по теме украинского кризиса после начала СВО. Президент Э. Рахмон ни разу не упоминал украинский вопрос в публичных выступлениях, фокусируясь на угрозах терроризма и экстремизма [31, с. 39–41].

Глава МИД Грузии Д. Залкалиани заявил, что страна продолжит выполнять санкции, введенные после присоединения Крыма и Севастополя к России в 2014 году, однако воздержится от новых санкций, которых от Грузии требует ЕС [32]. Также глава правительства Грузии И. Гарибашвили публично заявил, что Грузия самостоятельно приняла решение не вводить дополнительных национальных санкций против России после 24 февраля 2023 года [33]. Такую позицию грузинской стороны глава МИД России С.В. Лавров назвал мужественным поступком, он выразил одобрение активно развивающимся двусторонним контактам, а также заявил о возможности скорого возобновления прямого авиасообщения между Россией и Грузией [34].

Товарооборот с Россией

Данные о товарообороте России с постсоветскими странами Закавказья, Центральной Азии и Белоруссией в 2022 г. свидетельствует о положительной динамике.

За 2022 год товарооборот между Грузией и Россией вырос на 52% по сравнению с 2021 годом и превысил 2,4 млрд. долларов США [35]. Рост торгового оборота между Россией и Казахстаном за 9 месяцев 2022 года составил 5,1%. Экспорт из Казахстана в Россию вырос на 15,1% [36]. По итогам 2022 года товарооборот между Узбекистаном и Россией по сравнению с предыдущим годом вырос на 23%, а РФ благодаря такой динамике вернула себе первенство во внешнеторговом обороте республики [37].

За 11 месяцев 2022 года на 34,6% вырос внешнеторговый оборот Туркменистана, достигнув показателя в 18,3 млрд. долларов США. На Россию в совокупном туркменском обороте приходится 1,5 млрд. рублей [38]. На 46,7% за 11 месяцев 2022 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года вырос товарооборот между Киргизией и Россией [39]. На 35% на 11 месяцев 2022 года вырос торговый оборот между Россией и Таджикистаном [40].

По итогам 2022 года внешнеторговый оборот России и Азербайджана показал рост на 23,9% [41]. А оборот внешней торговли между Арменией и Россией с января по но-

ябрь 2022 года вырос на 77% по сравнению с аналогичным периодом 2021 года и достиг 4,1 млрд. долларов США, встав рекордным для двусторонних отношений [42].

Рост торгового оборота РФ с Белоруссией на 17% по итогам года в фактическом выражении превысил цифру в 50 млрд. долларов США, укрепив и без того надежные позиции Белоруссии как главного внешнеторгового партнера России на всем постсоветском пространстве [43].

Дополнительные экономические последствия

До начала СВО европейский газовый рынок был для России премиальным. Газовые контракты России с Евросоюзом, существовавшие десятилетиями, расценивались президентом В.В. Путиным как очевидное конкурентное преимущество Европы глобального характера. Однако после 24 февраля 2022 года, Россия переориентировала приоритеты своих газовых поставок из Европы в Азию, что стало стимулом для развития транспортных коридоров на всем постсоветском пространстве Центральной Азии, Закавказья и дальше [44].

При этом, исследуемые страны, которые начали испытывать на себе антироссийские санкции, смогли снизить их негативные последствия для своих экономик и политических режимов благодаря согласованным действиям на межправительственном уровне и взаимодействии центральным банком.

В феврале–мае 2022 года Россия и страны Центральной Азии проводили регулярные отраслевые переговоры, которые привели к сохранению для российского потребителя прежней товарной группы, поступающей в РФ с международного рынка. В целом страны Центральной Азии нарастили собственный импорт в Россию [31, с. 28]. Результатом двусторонней работы стало внедрение в феврале 2022 года российской Системы передачи финансовых сообщений, разработанной взамен международной межбанковской системы SWIFT, в 331 организацию, включая банки Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Национальный банк внешнеэкономической деятельности Узбекистана [31, с. 30]. А санкционное давление и изоляция Белоруссии от Запада привела к расширению российско-белорусского экономического сотрудничества в области импортозамещения, а также к углублению интеграции двух стран в рамках Союзного государства [31, с. 96–97].

Вместе с этим президент Казахстана К-Ж.К. Токаев публично заявлял, что события на Украине привели к резкому скачку цен на продовольствие внутри страны [46]. Под ударом новых вызовов оказалась и модель инвестиционной политики Казахстана, сложившаяся в стране за последние 30 лет, максимально благоприятная для деятельности самых разных иностранных инвесторов [47, с. 741]. При этом страна ориентируется на способность России быть гарантом безопасности в регионе, отмечая что она была поколеблена в период СВО обострением армяно-азербайджанского и киргизско-таджикского конфликтов [48, с. 1–4].

Антироссийские санкции только частично повлияли на экономику Туркменистан. Они спровоцировали рост цен на энергоносители, что привело к повышению мотивации страны экспортировать газ в Европу, развивая проект Транскаспийского газового

коридора. Туркменистан публично заявил о нейтралитете в отношении украинского кризиса, а также о заинтересованности в продолжении развития транспортно-логистического сотрудничества с Россией [31, с. 37]

Для Узбекистана период после введения антироссийских санкций в феврале 2022 года открыл путь к притоку российских инвестиций, которые к октябрю 2022 года достигли 21% от общего числа внешних инвестиций в экономику страны [31, с. 37]. Это не мешает Узбекистану активно привлекать в свою экономику турецкие, китайские и арабские инвестиции, и выступать за многоплановое сотрудничество с Германией. В марте 2022 года Узбекистан и Турция подписали 9 договоров о сотрудничестве в области строительства, торговли, здравоохранения, таможне [49].

Президент Киргизии К.С. Жапаров 9 марта 2022 года заявил, что конфликт между Россией и Украиной негативно сказывается на его стране в контакте мировой торговли, экономики, безопасности. Но при этом, Киргизия, как небольшая страна будет придерживаться нейтральной позиции в вопросе СВО [50]. Опасения за стабильность экономики Киргизии были связаны с зависимостью почти на 30% ВВП страны от денежных переводов трудовых мигрантов, трудоустроенных в регионах России. Однако стабилизация банковской системы между Россией и Киргизией после февраля 2022 позволила в первом полугодии даже увеличить на 1 млрд. долларов США объем денежных переводов в домохозяйства из России [31, с. 35].

Угрозы для русского языка

На фоне СВО ускорился процесс латинизации в трех республиках Центральной Азии – Туркменистане, Узбекистане и Казахстане, начатый сразу после развала Советского Союза. Перевод кириллических букв в алфавитах и письменности на латинскую графику может говорить, как об ориентации на культурно-историческое поле, не связанное с Россией, так и на выбор внероссийского политического курса официальных властей этих стран. В ходе данного процесса из языков устраниются слова однозначно понятные и единообразно трактуемые в русскоговорящих странах бывшего СССР. Исследователи называют бенефициаром этого процесса Турцию, которая с 1991 года подталкивала независимые государства Центральной Азии к скорейшему отказу от кириллицы и переходу на общий для всех тюркоязычных государств латинский алфавит, что будет способствовать вхождению этих стран в систему мировой коммуникации [51, с. 402].

Латинизация постсоветской Центральной Азии происходит на фоне объявления 2023 года в СНГ годом русского языка как языка межнационального общения [52]. В январе 2023 года лингвисты объявили о завершении основной работы для перехода на латинскую графику алфавита Казахстана. По плану правительства Казахстана, сам процесс отказа от кириллицы должен начаться в 2023 году [53]. Президент Казахстана К. Токаев публично назвал вопрос перевода казахского алфавита на латиницу важным процессом языковой реформы, которую нельзя проводить в спешке, чтобы не допустить существенных ошибок и непонимания нового казахского языка молодежью страны [54].

Председатель нацкомиссии по государственному языку при президенте Киргизии К. Осмоналиев в ноябре 2022 года назвал вопрос перехода на латиницу сильно затянув-

шимся, политическим, давно решенным и обязательным для всех тюркоязычных государств [55]. Ускорить переход узбекского алфавита с кириллической на латинскую графику 1 июля 2022 года поручил премьер-министр Узбекистана А. Арипов [56]. При этом риторика латинизации Узбекистана пока еще не вышла на уровень первых лиц страны. После начала СВО Узбекистан укрепился в статусе страны, где действует наибольшее число филиалов российских вузов среди стран СНГ.

В Таджикистане после 24 февраля 2022 года были открыты еще 15 филиалов российских учебных заведений, среди которых Центр изучения русского языка [57; 58]. При этом в Таджикистане после начала СВО среди населения продолжает чувствоваться большая симпатия к России и ко всему «российскому». Это связано, как и с историческими связями, так и с вкладом России в мирное урегулирование гражданской войны в Таджикистане 1992–1997 годов. Многие вузы и учебные заведения в стране обучают на русском языке и по российским образовательным стандартам. В основном, граждане Таджикистана владеют только русским языком, как иностранным, что предопределяет информационную политику страны, ориентированную на русскоязычные СМИ. В сентябре 2022 года в различных городах Таджикистана были открыты еще пять российских школ [59, с. 582–584].

Миграционный фактор

Начало СВО ощутимо повлияло на миграционные процессы на постсоветском пространстве Центральной Азии и Закавказья. По данным Росстата, за период с января по ноябрь 2022 года, по сравнению с аналогичным периодом 2021 года, сохраняется миграционный отток населения России. Число выбывших из Российской Федерации увеличилось на 390,5 тыс. человек, или в 2,7 раза, как за счет эмигрантов в государства-участники СНГ – на 339,4 тыс. человек, или в 2,7 раза, так и за счет выбывших в страны дальнего зарубежья – на 51,1 тыс. человек, или в 2,9 раза. В январе–ноябре 2022 г. в обмене населением со всеми государствами-участниками СНГ отмечается уменьшение миграционного прироста. За указанные период из России в Азербайджан выехало на 5160 человек больше, чем въехало. Для Армении этот показатель составляет 12199 человека, Белоруссии – 1716, Казахстана – 6807, Киргизии – 9930, Туркменистана – 4987, Узбекистана – 10360, Грузии – 629. Для сравнения, в Украину из России за этот же период выехало на 1785 человек больше, чем въехало в обратном направлении [60].

Единственная страна из числа рассматриваемых, с которой у России отмечен миграционный прирост после начала СВО, – Таджикистан. Из Таджикистана в Россию въехало на 73492 человека больше, чем выехало в обратном направлении [41]. Однако первые недели после 24 февраля 2022 года вызвали большую тревогу в Таджикистане из-за зависимости страны от денежных переводов трудовых мигрантов из России, которые составляют около 34,5% ВВП Таджикистана. Первоначальное ослабление рубля резко снизило платёжеспособность домохозяйств мигрантских семей, но впоследствии рубль укрепился, и число мигрантов из Таджикистана в России за 2022 год выросло на 1 млн. человек по сравнению с предыдущим годом [31, с. 35].

Данные СМИ показывают, что на конец 2022 года, Казахстан вышел на первое ме-

сто среди постсоветских стран по числу иммигрантов из России – 2,9 млн. человек. При этом, с сентября по декабрь 2022 года из Казахстана в другие страны выехало более 205 тыс. человек, что говорит о рассмотрении гражданами РФ Казахстана, в том числе, как транзитной площадки [61].

Приток российских граждан в Киргизию повлиял на количество денежных переводов в страну. По итогам 2022 года, из России в Киргизию было переведено более 2,6 млрд. долларов США, что стало рекордным для двусторонних отношений [62]. Начало СВО изменило миграционную ситуацию и социально-экономическую жизнь в Армении. С конца февраля 2022 года в стране отмечался на 7% рост цен на жилье, на 300–400% рост цен на арендное жилье, на 15–20% рост цен на продукты питания и товары первой необходимости, на 20% рост цен на в местных ресторанах и кафе. Но несмотря на это, переселенцы из России пока не вызывают отторжение армянского общества. При этом многие приехавшие из России стараются запустить внутри Армении оппозиционные дискурсы, направленный против СВО [63, с. 87–88].

В Грузии в целом в отличие от Армении и даже Азербайджана, после притока в страну россиян, существует консенсус в плане негативного отношения к России и ее внешней политике после начала СВО. На бытовом уровне это стало выражаться после прибытия в страну российских релокантов, к приезду которых граждане Грузии отнеслись без энтузиазма. В Грузии имели место случаи ксенофобии, проводились антироссийские проукраинские митинги в Тбилиси. Такая солидарность с Украиной обусловлена в грузинском обществе недавними событиями, связанными с так называемой «российской агрессии» 2008 года и «потерей территорий» Южной Осетии и Абхазии [64, с. 32].

Дополнительный военно-политический контекст

Для большинства постсоветских государств, рассматриваемых в рамках данного исследования, с 2014 года до 2022 года была актуальна позиция нейтральности в украинском кризисе. Однако после начала СВО на постсоветские государства оказывается давление со стороны «коллективного Запада», сопровождаемое требованием выбрать сторону конфликта [31, с. 39].

События после начала СВО привели к консолидации действий Москвы и Минска, направленных на укрепление обороноспособности армий Союзного государства. На 25 лет были продлены договоры о строительстве и использовании Россией на территории Белоруссии узла предупреждения о ракетном нападении Барановичи, а также – содержания российской военной радиостанции «Вилейка».

Для Туркменистана внешнеполитические события после начала СВО проходили на фоне важнейшего внутривнутриполитического процесса – смены президента страны и транзита власти. 12 февраля 2022 года Г. Бердымухамедов объявил о сложении полномочий. Преемником стал его сын С. Бердымухамедов, занимавший до этого пост вице-премьера по финансово-экономическому сектору и курировавший нефтегазовую отрасль [31, с. 40]. Казахстан также столкнулся с новой геополитической реальностью в условиях стабилизации страны после январского кризиса 2022 года, угрожавшего разрушению

государственности, разрешению которого способствовала Россия. При этом, новый президент страны К. Токаев продолжил многовекторный курс внешней политики страны, а также направил существенную гуманитарную помощь Украине на сумму более 2,2 млн. долларов США [31, с. 41]. В период с апреля по июнь 2022 года гуманитарную помощь на Украину дважды отправлял Узбекистан [31, с. 43]. А между министерствами обороны Узбекистана и Турции после начала СВО был подписан договор о развитии двустороннего военного и военно-технического сотрудничества для совершенствования боевой подготовки, военного образования, а также оборонной промышленности двух стран [65].

После начала СВО военная зависимость Армении от России выражается в наличие 10-тысячной группировки Вооруженных сил России, которые охраняют армяно-турецкую и армяно-иранские границы [64, с. 81]. Однако, находясь в зависимости от России, в январе 2023 года премьер-министр Армении Н. Пашинян заявил об отказе проведения в 2023 году на территории страны учений ОДКБ [66].

Политическое поведение Грузии после начала СВО можно описать как максимально осторожное. С одной стороны, это объясняется значительной экономической зависимостью Грузии от России, а с другой – заинтересованностью Тбилиси в сохранении статус-кво в сфере безопасности, поскольку открытая поддержка Украины со стороны Грузии, может привести к повышению ставок со стороны Москвы в деле признания Абхазии и Южной Осетии с последующим включением обеих республик в состав РФ [64, с. 82].

Выводы

Событийный анализ показывает, что геополитические изменения после начала СВО краткосрочно не привели к необратимым последствиям для двусторонних отношений России с Белоруссией, постсоветскими странами Центральной Азии и Закавказья. Сформировалась тенденция по выработке опережающих двусторонних мер для снижения негативного влияния антироссийских санкций на экономики стран исследуемого региона, которая торпедируется коллективными, более системными и институциональными действиями стран Запада. Поэтому, России необходимо предложить исследуемым странам более привлекательные траектории взаимодействия в рамках всего макрорегиона.

Другая тенденция прослеживается в отношениях России с Белоруссией после начала СВО. Она показывает, что политическая лояльность и готовность нести политические издержки вплоть до жесточайших санкций могут быть фундаментом для усиления экономического и военного двустороннего взаимодействия. Российско-белорусские отношения, в практическом смысле, могут рассматриваться другими странами, как модель двусторонних отношений, гарантирующая национальный суверенитет внутри макрорегиона.

Анализ голосований в ООН по антироссийским санкциям выявил тенденцию осторожных действий большинства постсоветских стран Центральной Азии и Закавказья (кроме Грузии) в демонстрации своей позиции по России. В большинстве случаев они предпочитали воздерживаться от голосований или не голосовать вовсе.

Исследование геостратегических реалий показывает, что России необходимо сохранять свое военно-политическое присутствие в тех странах Центральной Азии и Закавказья, где оно существует; а также наращивать военно-техническое сотрудничество во всем макрорегионе; стремиться завершить все внутрорегиональные конфликты с опорой на единоличные гарантии безопасности от России.

Анализ событий в рамках влияния личностного фактора показал, что официальные контакты В.В. Путина с лидерами исследуемых стран случались чаще в случаях необходимости разрешения военно-политических конфликтов и участия в этом процессе России. Частота встреч В.В. Путина с президентом Армении Н. Пашиняном объясняется задачей урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, с президентом Белоруссии А.Г. Лукашенко – задействованием российских военных баз на территории Белоруссии в первые дни СВО, с президентом Казахстана К-Ж. Токаевым – потребностью урегулирования последствий внутреннего казахского кризиса января 2022 года.

Рассмотрение экономической политики РФ в регионе проявляет ее трансформацию к ускорению обустройства маршрута Европа – Западный Китай, а также проходящих через территорию государств СНГ трансевразийских логистических коридоров «Восток – Запад» и «Север – Юг» [67; 68]. Реализация данных проектов приведет к обустройству лояльного к РФ экономического макрорегиона в Евразии.

В рамках исследования гуманитарной сферы выявлен аспект размывания российского присутствия в регионе через ускорение процесса перехода стран Центральной Азии на латинский алфавит. Такая ситуация остро актуализирует для РФ задачу сохранения русского языка как языка межнационального общения всех постсоветских государств и механизмов, укрепляющих этот статус. Россия должна предложить механизмы заморозки процесса латинизации постсоветской Центральной Азии. В противном случае, продолжение и завершение процесса латинизации постсоветской Центральной Азии открывает риски вытеснения русского языка и России из совместных научных проектов, в том числе – в сфере обороны и безопасности.

Список литературы

1. Встреча с руководством Госдумы и главами фракций. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68836> (дата обращения: 16.10.2022).
2. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы // Международные отношения. 1999. 256 с.
3. Юрченко С.В. Геостратегия США в процессе становления глобальной державы: Дис... дра полит. наук : 23.00.04 // Юрченко Сергей Васильевич. Симферополь, 2001. 430 с.
4. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 2 марта 2022 года. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/293/39/PDF/N2229339.pdf> (дата обращения: 09.01.2023).
5. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 24 марта 2022 года. URL: <https://>

- documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/301/70/PDF/N2230170.pdf (дата обращения: 14.01.2023).
6. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 7 апреля 2022 года. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/312/50/PDF/N2231250.pdf> (дата обращения: 14.01.2023).
 7. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 12 октября 2022 года. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/630/71/PDF/N2263071.pdf> (дата обращения: 14.01.2023).
 8. Furtherance of Remedy and Reparation for Aggression Against Ukraine : Resolution Adopted by the General Assembly. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3994052?ln=ru> (дата обращения: 14.01.2023).
 9. Официальный сайт президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 16.12.2022).
 10. Заявление МИД Беларуси в связи с признанием Российской Федерацией независимости ДНР и ЛНР. URL: https://mfa.gov.by/print/press/news_mfa/a996b8322b64a791.html (дата обращения: 06.01.2023).
 11. Лукашенко заявил о фактическом признании ДНР и ЛНР. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/07/21/932505-lukashenko-priznanii-dnr-lnr> (дата обращения: 26.01.2023).
 12. Президент Кыргызстана о признании РФ ДНР и ЛНР: Это суверенное право любой страны. URL: <https://tengrinews.kz/sng/prezident-kyrgyzstana-priznanii-rf-dnr-lnr-suverennoe-462620/> (дата обращения: 05.01.2023).
 13. Алиев: признание Москвой ДНР и ЛНР ничего не меняет для союзничества РФ и Азербайджана. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13831881> (дата обращения: 13.02.2023).
 14. Президент Туркмении заявил о заинтересованности в расширении связей с Украиной. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/10/12/18775267.shtml> (дата обращения: 13.02.2023).
 15. Узбекистан не признает независимость Луганской и Донецкой республик – глава МИД. URL: <https://podrobno.uz/cat/politic/uzbekistan-ne-priznaet-nezavisimost-luganskoj-i-donetskoj-respublik-glava-mid/> (дата обращения: 14.02.2023).
 16. Армения не будет признавать ДНР и ЛНР. URL: <https://www.interfax.ru/world/823867> (дата обращения: 14.02.2023).
 17. Обращение к гражданам Республики Таджикистан, находящимся в Украине. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/9714/obrashchenie-k-grazhdanam-respubliki-tadzhikistan-nakhodyashchimsya-v-ukraine> (дата обращения: 11.02.2023).
 18. «Последнее предупреждение»: Как союзники России отреагировали на признание ДНР и ЛНР. URL: <https://eurasia.expert/poslednee-preduprezhdenie-kak-soyuzniki-rossii-otreagirovali-na-priznanie-dnr-i-lnr> (дата обращения: 10.02.2023).
 19. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 10.01.2023).

20. Президент Грузии осудила признание Россией ДНР и ЛНР. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13793715> (дата обращения: 11.02.2023).
21. Данные социологического исследования: большинство белорусов хорошо относятся к Российской Федерации. URL: <https://www.belta.by/society/view/dannye-sotsissledovaniya-bolshinstvo-belorusov-horosho-otnosjatsja-k-rossijskoj-federatsii-520018-2022/> (дата обращения: 09.01.2023).
22. Опрос: Значительная часть казахстанцев подвержена влиянию российской пропаганды. URL: <https://demos.kz/opros-znachitelnaja-chast-kazahstancev-podverzhena-vlijaniju-rossijskoj-propagandy/> (дата обращения: 01.01.2023).
23. Стало известно, как армяне относятся к спецоперации на Украине. URL: <https://eurasia.expert/stalo-izvestno-kak-armjane-otnosjatsja-k-spetsoperatsii-na-ukraine/> (дата обращения: 09.01.2023).
24. Более тысячи кыргызстанцев ответили на вопрос, как они относятся к спецоперации России на Украине. URL: <https://enw-fond.ru/our-projects/1379-boleetysjachi-kyrgyzstancev-otvetili-na-vopros-kak-oni-otnosjatsja-k-spetsoperacii-rossii-na-ukraine.html> (дата обращения: 10.01.2023).
25. Изряднова О.И., Ковалева М.А. Динамика и структура производства: адаптация к новым реалиям // Экономическое развитие России, 2023. № 1. С. 14–21.
26. Азербайджанские авиакомпании приостанавливают полеты в Россию. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/03/05/17386009.shtml> (дата обращения: 13.02.2023).
27. В ЦБ Армении назвали санкции против России «не самыми жесткими». URL: <https://ria.ru/20220301/sanktsii-1775711478.html> (дата обращения: 11.02.2023).
28. Глава казахстанского МИД: Казахстан не признаёт «ДНР» и «ЛНР». URL: <https://rus.azattyq.org/a/31786625.html> (дата обращения: 11.02.2023).
29. Дональд Лу назвал Туркменистан островом стабильности. URL: https://www.ng.ru/cis/2022-11-07/5_8583_turkmenistan.html (дата обращения: 10.02.2023).
30. Технические процедуры на стороне участников платежной системы. URL: <https://uzcard.uz/ru/news/post/tehnicheskie-protsedury-na-storone-uchastnikov-platezhnoy-sistemy> (дата обращения: 11.02.2023).
31. Доклад международного клуба Валдай. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/43693/> (дата обращения: 11.01.2023).
32. В Грузии высказались об отказе от санкций против России. URL: https://lenta.ru/news/2022/02/28/georgia_sanctions/ (дата обращения: 10.02.2023).
33. Премьер Грузии: решение не вводить национальные санкции против России было принято самостоятельно. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5458864> (дата обращения: 10.02.2023).
34. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2022 году, Москва, 18 января 2023 года. URL: <https://mid.ru/ru/detail-material-page/1848395/> (дата обращения: 24.01.2023).

35. Товарооборот Грузии и России увеличился более чем на 50% в 2022 году. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16844847> (дата обращения: 11.02.2023).
36. Казахстан и РФ увеличили товарооборот на \$1 млрд, импорт пшеницы в РК вырос в 2 раза. URL: <https://www.apk-inform.com/ru/news/1530694> (дата обращения: 13.02.2023).
37. Товарооборот Узбекистана с Россией в 2022 году вырос на 23 процента. URL: https://www.alta.ru/external_news/96990 (дата обращения: 10.02.2023).
38. Внешнеторговый оборот Туркменистана за январь-ноябрь 2022 года превысил \$18 млрд. URL: <https://centralasia.news/18970-vneshnetorgovuj-oborot-turkmenistana-za-janvar-nojabr-2022-goda-prevysil-18-mlrd.html> (дата обращения: 10.02.2023).
39. Товарооборот Киргизии и России приблизился к \$3 млрд. URL: <https://www.interfax.ru/business/880981> (дата обращения: 11.02.2023).
40. Торгпред РФ: товарооборот России и Таджикистана в 2022 году впервые превысил \$1,5 млрд. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16719377> (дата обращения: 14.02.2023).
41. Товарооборот Азербайджана и России вырос в 2022 году почти на четверть. URL: <https://mir24.tv/news/16539305/tovarooborot-azerbaidzhana-i-rossii-vyros-v-2022-godu-rochti-na-chetvert> (дата обращения: 14.02.2023).
42. Товарооборот Армении и России достиг рекордных \$4,1 млрд. в 2022 году. URL: https://arka.am/ru/news/economy/tovarooborot_armenii_i_rossii_dostig_rekordnykh_4_1_mlrd_v_2022_godu/ (дата обращения: 13.02.2023).
43. Внешнеторговый оборот Белоруссии и России по итогам 2022 года превысил \$50 млрд. URL: <https://www.interfax.ru/business/884460> (дата обращения: 13.02.2023).
44. Пленарное заседание Восточного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69299> (дата обращения: 17.10.2022).
45. Астахова С. Белоруссия: отношения с Россией в условиях новых внешнеполитических реалий. Россия и новые государства Евразии, 2022. № 4. С. 89–98.
46. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 10.01.2023).
47. Есдаулетова А.М., Демеуов Н.Б. Инвестиционная политика Казахстана: основные направления и перспективы роста // Постсоветские исследования. 7(5), 2022. С. 741–753.
48. Дроздов И.А., Попов Д.Д., Рахман Хашими М.М., Федоров А.В., Шарагина А.Д. Казахстан в новой экономической реальности: перспективы многовекторной политики республики после начала специальной военной операции России на Украине // Международный научно-исследовательский журнал. № 11 (125). 2022. С. 1–7.
49. Подписан пакет документов, направленных на укрепление стратегическо-

- го партнерства. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5089> (дата обращения: 10.01.2023).
50. Выступление Президента Садыра Жапарова на очередном заседании Жогорку Кенеша. URL: https://www.president.kg/ru/sobytiya/22008_vistuplenie_prezidenta_sadira_ghaparova_naocherednom_zasedanii_ghogorku_kenesha (дата обращения: 08.01.2023).
51. Януш О.Б. Латиница в странах Центральной Азии: алфавит, политика, культурное влияние // Лингвокультурология, 2016. №10.
52. В СНГ 2023 год объявлен Годом русского языка как языка межнационального общения URL: https://cis.minsk.by/news/24650/v_sng_2023_god_objavlenn_godom_russkogo_jazyka_kak_jazyka_mezhnacionalnogo_obschenija (дата обращения: 08.01.2023).
53. Переход казахского языка на латиницу: учёные выбрали вариант алфавита, который может стать окончательным. URL: <https://informburo.kz/novosti/perexodkazaxskogo-yazyka-na-latinicu-ucyonye-vybrali-variant-alfavita-kotoryi-mozet-stat-okoncatelnym> (дата обращения: 08.01.2023).
54. Выступление Главы государства на первом заседании Национального курултая. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-na-pervom-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-165936> (дата обращения: 08.01.2023).
55. Глава Нацкомиссии по госязыку: Переход на латиницу – веление времени. URL: <https://vesti.kg/politika/item/106216-glava-natskomissii-po-gosyazyku-perekhod-na-latinitu-velenie-vremeni.html> (дата обращения: 30.11.2022).
56. Премьер поручил ускорить переход на латиницу. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/07/05/latin-alphabet/> (дата обращения: 28.12.2022).
57. Минобрнауки России подписало меморандум о взаимопонимании с Министерством инновационного развития Узбекистана. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/60204/?sphrase_id=4319943 (дата обращения: 10.01.2023).
58. В Ташкенте открыт Центр русского языка. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/58302/?sphrase_id=4319943 (дата обращения: 10.01.2023).
59. Шарапов О.М. Роль межрегионального сотрудничества в укреплении стратегического партнерства Республики Таджикистан и Российской Федерации // Постсоветские исследования. 6 (5), 2022. С. 584–591.
60. Социально-экономическое положение России. 2022 год. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf> (дата обращения: 08.02.2023).
61. Почти 3 миллиона россиян въехало в Казахстан с начала года. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/3-milliona-rossiyan-vyehalo-kazahstan-nachalagoda-486633/ (дата обращения: 08.02.2023).
62. Новый рекорд: в 2022 году из России в Киргизию переведено более 2,6 млрд долларов. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2023-01-30--novyj-rekord-v>

- 2022-godu-iz-rossii-v-kirgiziju-perevedeno-bolee-2-6-mlrd-dollarov-64390 (дата обращения: 11.02.2023).
63. Евстратов А.Г. Релокация россиян в Армению в свете спецоперации РФ на Украине // Архонт, 2022. № 3 (30). С. 85–90.
 64. Евстратов А.Г. Влияние Спецоперации России на Украине на государства и общества Южного Кавказа // Архонт, 2022. № 3 (30). С. 78–84.
 65. Министры обороны Узбекистана и Турции подписали соглашение о военном сотрудничестве. URL: <https://mudofaa.uz/ru/10754/> (дата обращения: 10.01.2023).
 66. Армения отказалась принимать учения ОДКБ в 2023 году. URL: <https://www.interfax.ru/world/880090> (дата обращения: 14.01.2023).
 67. Саммит Россия – Центральная Азия. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69598> (дата обращения: 16.10.2022).
 68. Заседание Совета глав государств СНГ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69595> (дата обращения: 16.10.2022).

Сведения об авторе

Абрамов Сергей Валерьевич – аспирант кафедры «Политические науки», Институт общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, заместитель главного редактора севастопольского новостного портала ForPost, г. Севастополь.

E-mail: serg.abramov@gmail.com

Abramov S. V.

SPECIAL OPERATION AND TRANSFORMATION OF RUSSIA'S RELATIONS WITH THE POST-SOVIET STATES ON THE EXAMPLE OF CENTRAL ASIA, CAUCASIAN AND BELARUS

***Abstract:** The article analyzes the changes in Russia's relations with the post-Soviet countries of Central Asia, Transcaucasia and Belarus for the period after February 24, 2022 and until the end of January 2023. The key tasks of the Russian geostrategy in the countries of Central Asia and the Caucasus, as well as the CIS after the start of the NWO, are highlighted. The relevance of the work is connected with the transformation of Russia's geostrategic interests in the new reality. The object of the study is Russia's relations with the post-Soviet countries of Central Asia and the Caucasus. The subject is the transformation of Russia's international priorities towards closer relations with the post-Soviet states. The purpose of the work is to determine the key tasks of the Russian geostrategy in relations with the post-Soviet countries of Central Asia and the Caucasus after the start of the NWO. The following objectives of the study are defined. To identify and investigate the current trends in Russia's bilateral relations with the post-Soviet countries of Central Asia and the Caucasus after the start of the NWO. To analyze the role of the personal factor of the leaders of the post-Soviet states in bilateral relations*

with the Russian Federation after the start of the NWO. To identify the transformation of the economic policy of the Russian Federation, taking into account the strengthening of the factor of regionalization. To identify aspects of the erosion of the Russian presence in the region in the field of soft power. To solve these problems, the author proposes a list of criteria, which includes - a change in trade turnover, migration changes, attitudes in the countries under study to the Russian language, bilateral contacts between the heads of states of Central Asia and the Caucasus with the President of Russia, public statements regarding the recognition of the DPR and LPR, compliance anti-Russian sanctions, voting at the UN on the anti-Russian agenda. The research methodology is based on the application of geopolitical, world-system and civilizational approaches.

Keywords: geopolitics, Russia, Central Asia, Transcaucasia, Belarus, special operation

References

1. Vstrecha s rukovodstvom Gosdumy i glavami fraktsii [Meeting with the Leadership of the State Duma and Heads of Factions]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68836> (accessed 16 October 2022).
2. Bzhezinskiy Zb. Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i yego geostrategicheskiye imperativy [Great chessboard. America's Dominance and Its Geostrategic Imperatives]. International Relations. 1999. 256 p.
3. Yurchenko S.V. Geostrategiya SSHA v protsesse stanovleniya global'noy derzhavy [US geostrategy in the process of becoming a global power]. Doctor of political science thesis: 23.00.04 // Yurchenko Sergey Vasilyevich. Simferopol. 2001. 430 p.
4. Rezolyutsiya, prinyataya General'noi Assambleei 2 marta 2022 goda [Resolution Adopted by the General Assembly on March 2, 2022]. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/293/39/PDF/N2229339.pdf> (accessed 9 January 2023).
5. Rezoliutsiia, priniataia Generalnoi Assambleei 24 marta 2022 goda [Resolution adopted by the General Assembly on March 24, 2022]. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/301/70/PDF/N2230170.pdf> (accessed 14 January 2023).
6. Rezoliutsiia, priniataia Generalnoi Assambleei 7 apreliia 2022 goda [Resolution adopted by the General Assembly on April 7, 2022]. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/312/50/PDF/N2231250.pdf> (accessed 14 January 2023).
7. Rezoliutsiia, priniataia Generalnoi Assambleei 12 oktiabria 2022 goda [Resolution adopted by the General Assembly on 12 October 2022]. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/630/71/PDF/N2263071.pdf> (accessed 14 January 2023).
8. Furtherance of Remedy and Reparation for Aggression Against Ukraine : Resolution Adopted by the General Assembly. Available at: <https://digitallibrary.un.org/>

- record/3994052?ln=ru (accessed 14 January 2023).
9. Official website of the President of the Russian Federation. Available at: <http://kremlin.ru/> (accessed 16 December 2022).
 10. Zaiavlenie MID Belarusi v sviazi s priznaniem Rossiiskoi Federatsiei nezavisimosti DNR i LNR [Statement by the Ministry of Foreign Affairs of Belarus in connection with the recognition by the Russian Federation of the independence of the DPR and LPR]. Available at: https://mfa.gov.by/print/press/news_mfa/a996b8322b64a791.html (accessed 6 January 2023).
 11. Lukashenko zaiavil o fakticheskom priznanii DNR i LNR [Lukashenka announced the de facto recognition of the DPR and LPR]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/07/21/932505-lukashenko-priznanii-dnr-lnr> (accessed 26 January 2023).
 12. Prezident Kyrgyzstana o priznanii RF DNR i LNR: Eto suverennoe pravo liuboi strany [President of Kyrgyzstan on Russia's recognition of the DPR and LPR: This is the sovereign right of any country]. Available at: <https://tengrinews.kz/sng/prezident-kyrgyzstana-priznanii-rf-dnr-lnr-suverennoe-462620/> (accessed 5 January 2023).
 13. Aliyev: priznanie Moskvoi DNR i LNR nichego ne meniaet dlia soiuznichestva RF i Azerbaidzhana [Aliyev: Moscow's recognition of the DPR and LPR does not change anything for the alliance between the Russian Federation and Azerbaijan]. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13831881> (accessed 13 February 2023).
 14. Prezident Turkmenii zaiavil o zainteresovannosti v rasshirenii sviazei s Ukrainoi [The President of Turkmenistan declared his interest in expanding ties with Ukraine]. Available at: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/10/12/18775267.shtml> (accessed 13 February 2023).
 15. Uzbekistan ne priznaet nezavisimost Luganskoi i Donetskoi respublik – glava MID [Uzbekistan does not recognize the independence of the Lugansk and Donetsk republics - Foreign Minister]. Available at: <https://podrobno.uz/cat/politic/uzbekistan-ne-priznaet-nezavisimost-luganskoy-i-donetskoy-respublik-glava-mid/> (accessed 14 February 2023).
 16. Armeniia ne budet priznavat DNR i LNR [Armenia will not recognize the DPR and LPR]. Available at: <https://www.interfax.ru/world/823867> (accessed 14 February 2023).
 17. Obrashchenie k grazhdanam Respubliki Tadjikistan, nakhodiashchimsia v Ukraine [Appeal to citizens of the Republic of Tajikistan who are in Ukraine]. Available at: <https://mfa.tj/ru/main/view/9714/obrashchenie-k-grazhdanam-respubliki-tadjikistan-nakhodyashchimsya-v-ukraine> (accessed 11 February 2023).
 18. «Poslednee preduprezhdenie»: Kak soiuzniki Rossii otreagirovali na priznanie DNR i LNR [«Last warning»: How Russia's allies reacted to the recognition of the DNR and LNR]. Available at: <https://eurasia.expert/poslednee-preduprezhdenie-kak-soyuzniki-rossii-otreagirovali-na-priznanie-dnr-i-lnr> (accessed 10 February 2023).
 19. Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo ehkonomicheskogo foruma

- (Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum) Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (accessed 10 January 2023).
20. Prezident Gruzii osudila priznanie Rossiei DNR i LNR [The President of Georgia condemned Russia's recognition of the DPR and LPR]. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13793715> (accessed 11 February 2023).
 21. Dannye sotsissledovaniya: bol'shinstvo belorusov khorosho odnosyatsya k Rossiiskoi Federatsii (Social Survey Data: Most Belarusians Have a Good Attitude Towards the Russian Federation) Available at: <https://www.belta.by/society/view/dannye-sotsissledovaniya-bolshinstvo-belorusov-horosho-otnosjatsja-k-rossijskoj-federatsii-520018-2022/> (accessed 9 January 2023).
 22. Opros: Znachitel'naya chast' kazakhstansev podverzhena vliyaniyu rossiiskoi propagandy (Poll: A Significant Part of Kazakhstanis Are Under the Influence of Russian Propaganda) Available at: <https://demos.kz/opros-znachitelnaja-chast-kazahstancev-podverzhena-vlijaniju-rossijskoj-propagandy/> (accessed 1 January 2023).
 23. Stalo izvestno, kak armyane odnosyatsya k spetsoperatsii na Ukraine (It Became Known How the Armenians Relate to the Special Operation in Ukraine) Available at: <https://eurasia.expert/stalo-izvestno-kak-armyane-otnosyatsya-k-spetsoperatsii-na-ukraine/> (accessed 9 January 2023).
 24. Bolee tysyachi kyrgyzstantsev otvetili na vopros, kak oni odnosyatsya k spetsoperatsii Rossii na Ukraine (More Than a Thousand Kyrgyzstanis Answered the Question of How They Feel About Russia's Special Operation in Ukraine) Available at: <https://enw-fond.ru/our-projects/1379-bolee-tysjachi-kyrgyzstancev-otvetili-na-vopros-kak-oni-otnosjatsja-k-specoperacii-rossii-na-ukraine.html> (accessed 10 January 2023).
 25. Izryadnova O.I., Kovaleva M.A. Dinamika i struktura proizvodstva: adaptatsiia k novym realiiam [Dynamics and structure of production: adaptation to new realities] // Economic development of Russia, 2023. № 1. P. 14–21.
 26. Azerbaidzhanskije aviakompanii priostanavlivaiut polety v Rossiiu [Azerbaijani airlines suspend flights to Russia]. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/03/05/17386009.shtml> (accessed 13 February 2023).
 27. V TsB Armenii nazvali sanktsii protiv Rossii «ne samymi zhestkimi». [The Central Bank of Armenia called the sanctions against Russia «not the toughest»]. Available at: <https://ria.ru/20220301/sanktsii-1775711478.html> (accessed 11 February 2023).
 28. Glava kazakhstanskogo MID: Kazahstan ne priznaet «DNR» i «LNR». [The head of the Kazakh Foreign Ministry: Kazakhstan does not recognize the «DPR» and «LPR»]. Available at: <https://rus.azattyq.org/a/31786625.html> (accessed 11 February 2023).
 29. Donald Lu nazval Turkmenistan ostrovom stabilnosti [Donald Lu called Turkmenistan an island of stability]. Available at: https://www.ng.ru/cis/2022-11-07/5_8583_turkmenistan.html (accessed 10 February 2023).
 30. Tekhnicheskie protsedury na storone uchastnikov platezhnoi sistemy [Technical procedures on the side of the payment system participants]. Available at: <https://uzcard.uz/ru/news/post/tekhnicheskie-protsedury-na-storone-uchastnikov-platezhnoy-sistemy>

- (accessed 12 February 2023).
31. Doklad mezhdunarodnogo kluba Valdai [Report of the Valdai International Club]. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/files/43693/> (accessed 11 January 2023).
 32. V Gruzii vyskazalis ob otkaze ot sanktsii protiv Rossii [In Georgia, they spoke about the rejection of sanctions against Russia]. Available at: https://lenta.ru/news/2022/02/28/georgia_sanctions/ (accessed 10 February 2023).
 33. Premer Gruzii: reshenie ne vvodit natsionalnye sanktsii protiv Rossii bylo priniato samostoiatelno [Prime Minister of Georgia: the decision not to impose national sanctions against Russia was taken independently]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5458864> (accessed 10 February 2023).
 34. Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii S.V. Lavrova v khode press-konferentsii po itogam deiatelnosti rossiiskoi diplomatii v 2022 godu, Moskva, 18 ianvaria 2023 goda [Speech and answers to media questions by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov during a press conference on the results of the activities of Russian diplomacy in 2022, Moscow, January 18, 2023]. Available at: <https://mid.ru/ru/detail-material-page/1848395/> (accessed 24 January 2023).
 35. Tovaroorobot Gruzii i Rossii uvelichilsia bolee chem na 50% v 2022 godu [The trade turnover between Georgia and Russia increased by more than 50% in 2022]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/16844847> (accessed 11 February 2023).
 36. Kazakhstan i RF uvelichili tovaroorobot na \$1 mlrd, import pshenitsy v RK vyros v 2 raza [Kazakhstan and the Russian Federation increased their trade turnover by \$1 billion, wheat imports to Kazakhstan doubled]. Available at: <https://www.apk-inform.com/ru/news/1530694> (accessed 13 February 2023).
 37. Tovaroorobot Uzbekistana s Rossiei v 2022 godu vyros na 23 protsenta [The trade turnover of Uzbekistan with Russia in 2022 increased by 23 percent]. Available at: https://www.alta.ru/external_news/96990 (accessed 10 February 2023).
 38. Vneshnetorgovyi oborot Turkmenistana za ianvar-noiabr 2022 goda prevysil \$18 mlrd. [The foreign trade turnover of Turkmenistan in January-November 2022 exceeded \$18 billion]. Available at: <https://centralasia.news/18970-vneshnetorgovyj-oborot-turkmenistana-za-ianvar-nojabr-2022-goda-prevysil-18-mlrd.html> (accessed 10 February 2023).
 39. Tovaroorobot Kirgizii i Rossii priblizilsia k \$3 mlrd [The trade turnover between Kyrgyzstan and Russia approached \$3 billion]. Available at: <https://www.interfax.ru/business/880981> (accessed 11 February 2023).
 40. Torgpred RF: tovaroorobot Rossii i Tadjikistana v 2022 godu vpervye prevysil \$1,5 mlrd [Trade Representative of the Russian Federation: the trade turnover between Russia and Tajikistan in 2022 for the first time exceeded \$1.5 billion]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/16719377> (accessed 14 February 2023).
 41. Tovaroorobot Azerbaidzhana i Rossii vyros v 2022 godu pochti na chetvert [The trade turnover between Azerbaijan and Russia increased by almost a quarter in 2022].

- Available at: <https://mir24.tv/news/16539305/tovarooborot-azerbaidzhana-i-rossii-vyros-v-2022-godu-pochti-na-chetvert> (accessed 14 February 2023).
42. Tovaroborot Armenii i Rossii dostig rekordnykh \$4,1 mlrd v 2022 godu [The trade turnover between Armenia and Russia reached a record \$4.1 billion in 2022]. Available at: https://arka.am/ru/news/economy/tovarooborot_armenii_i_rossii_dostig_rekordnykh_4_1_mlrd_v_2022_godu (accessed 13 February 2023).
 43. Vneshnetorgovyi oborot Belorussii i Rossii po itogam 2022 goda prevysil \$50 mlrd [By the end of 2022, the foreign trade turnover of Belarus and Russia exceeded \$50 billion]. Available at: <https://www.interfax.ru/business/884460> (accessed 13 February 2023).
 44. Plenarnoe zasedanie Vostochnogo ehkonomicheskogo foruma (Plenary Session of the Eastern Economic Forum) Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69299> (accessed 17 October 2022).
 45. Astakhova S. Belorussia: otnosheniia s Rossiei v usloviakh novykh vneshnepoliticheskikh realii [Belarus: relations with Russia in the context of new foreign policy realities]. *Russia and the New States of Eurasia*, 2022. № 4. P. 89–98.
 46. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana (Message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the People of Kazakhstan) Available at: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (accessed 10 January 2023).
 47. Esdauletova A.M., Demeuov N.B. Investitsionnaia politika Kazakhstana: osnovnye napravleniia i perspektivy rosta [Investment policy of Kazakhstan: main directions and growth prospects] // *Post-Soviet Studies*. 7(5), 2022, pp. 741–753.
 48. Drozdov I.A., Popov D.D., Rakhman Khashimi M.M., Fedorov A.V., Sharagina A.D. Kazakhstan v novoi ekonomicheskoi real'nosti: perspektivy mnogovektornoj politiki respubliki posle nachala spetsial'noi voennoi operatsii Rossii na Ukraine [Kazakhstan in the new economic reality: prospects for the multi-vector policy of the republic after the start of Russia's special military operation in Ukraine] // *International Scientific Research Journal*. No. 11 (125). 2022, pp. 1–7.
 49. Podpisan paket dokumentov, napravlennykh na ukreplenie strategicheskogo partnerstva (A Package of Documents Aimed at Strengthening the Strategic Partnership was Signed) Available at: <https://president.uz/ru/lists/view/5089> (accessed 10 January 2023).
 50. Vystuplenie Prezidenta Sadyra Zhaparova na ocherednom zasedanii Zhogorku Kenesha (Speech by President Sadyr Japarov at the Regular Meeting of the Jogorku Kenesh) Available at: https://www.president.kg/ru/sobytiya/22008_vistuplenie_prezidenta_sadira_ghaparova_naочередном_zasedanii_ghogorku_kenesha (accessed 8 January 2023).
 51. Yanush O.B. Latinita v stranakh Tsentralnoi Azii: alfavit, politika, kulturnoe vliianie [Latin in the countries of Central Asia: alphabet, politics, cultural influence] // *Lingvokulturologiya*, 2016. № 10.
 52. V SNG 2023 god obavlenn Godom russkogo iazyka kak iazyka mezhnatsionalnogo obshcheniia [In the CIS, 2023 is declared the Year of the Russian language as a language

- of interethnic communication]. Available at: https://cis.minsk.by/news/24650/v_sng_2023_god_objavlen_godom_russkogo_jazyka_kak_jazyka_mezhnacionalnogo_obschenija (accessed 8 January 2023).
53. Perekhod kazakhskogo iazyka na latinitu: uchenye vybrali variant alfavita, kotoryi mozhet stat okonchatelnym [The transition of the Kazakh language to the Latin alphabet: scientists have chosen a variant of the alphabet, which may become final]. Available at: <https://informburo.kz/novosti/perexod-kazaxskogo-yazyka-na-latinicu-ucyonye-vybrali-variant-alfavita-kotoryi-mozet-stat-okoncatelnym> (accessed 8 January 2023).
54. Vystuplenie Glavy gosudarstva na pervom zasedanii Natsionalnogo kurultai [Speech by the Head of State at the first meeting of the National Kurultai]. Available at: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-na-pervom-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-165936> (accessed 8 January 2023).
55. Glava Natskomissii po gosyazyku: Perekhod na latinitu – velenie vremeni [Head of the National Commission for the State Language: The transition to the Latin alphabet is the imperative of the times]. Available at: <https://vesti.kg/politika/item/106216-glava-natskomissii-po-gosyazyku-perekhod-na-latinitu-velenie-vremeni.html> (accessed 30 December 2022).
56. Premier poruchil uskorit perekhod na latinitu [The Prime Minister instructed to speed up the transition to the Latin alphabet]. Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/07/05/latin-alphabet/> (accessed 28 December 2022).
57. Minobrnauki Rossii podpisalo memorandum o vzaimoponimanii s Ministerstvom innovatsionnogo razvitiya Uzbekistana (The Ministry of Education and Science of Russia Signed a Memorandum of Understanding with the Ministry of Innovative Development of Uzbekistan) Available at: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/60204/?sphrase_id=4319943 (accessed 10 January 2023).
58. V Tashkente otkryt Tsentr russkogo yazyka (Russian Language Center Opened in Tashkent) Available at: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/58302/?sphrase_id=4319943 (accessed 10 January 2023).
59. Sharapov O.M. Rol' mezhregional'nogo sotrudnichestva v ukreplenii strategicheskogo partnerstva Respubliki Tadjikistan i Rossiiskoi Federatsii [The role of interregional cooperation in strengthening the strategic partnership between the Republic of Tajikistan and the Russian Federation] // *Post-Soviet Studies*. 6 (5), 2022, pp. 584–591.
60. Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. 2022 god [Socio-economic situation in Russia. 2022]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf> (accessed 8 February 2022).
61. Pochti 3 milliona rossiian viekhalo v Kazakhstan s nachala goda [Almost 3 million Russians have entered Kazakhstan since the beginning of the year]. Available at: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/3-milliona-rossiyan-vyehalo-kazahstan-nachala-goda-486633/ (accessed 8 February 2022).
62. Novyi rekord: v 2022 godu iz Rossii v Kirgiziiu perevedeno bolee 2,6 mlrd dollarov

- [New record: in 2022, more than \$2.6 billion was transferred from Russia to Kyrgyzstan]. Available at: <https://www.ritmeurasia.org/news--2023-01-30--novyj-rekord-v-2022-godu-iz-rossii-v-kirgiziju-perevedeno-bolee-2-6-mlrd-dollarov-64390> (accessed 11 February 2022).
63. Evstratov A.G. Relokatsiia rossiiian v Armeniiu v svete spetsoperatsii RF na Ukraine [The relocation of Russians to Armenia in the Light of the Special Operation of the Russian Federation in Ukraine] // Archon, 2022. No. 3 (30). pp. 85–90.
 64. Evstratov A.G. Vliianie Spetsoperatsii Rossii na Ukraine na gosudarstva i obshchestva Iuzhnogo Kavkaza [Influence of the Russian Special Operation in Ukraine on the States and Societies of the South Caucasus] // Archon, 2022. No. 3 (30). pp. 78–84.
 65. Ministry oborony Uzbekistana i Turtsii podpisali soglasenie o voennom sotrudnichestve (Defense Ministers of Uzbekistan and Turkey Signed an Agreement on Military Cooperation) Available at: <https://mudofaa.uz/ru/10754/> (accessed 10 January 2023).
 66. Armeniya otkazalas' prinimat' ucheniya ODKB v 2023 godu (Armenia Refused to Accept CSTO Exercises in 2023) Available at: <https://www.interfax.ru/world/880090> (accessed 14 January 2023).
 67. Sammit Rossiya – Tsentral'naya Aziya (Summit Russia – Central Asia) Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69598> (accessed 16 October 2022).
 68. Zasedanie Soveta glav gosudarstv SNG (Meeting of the Council of CIS Heads of State) Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69595> (accessed 16 October 2022).

Abramov Sergey Valerievich – Post-graduate student of the Department of Political Science, Institute of Social Sciences and International Relations of the Sevastopol State University, Deputy Editor-in-Chief of the Sevastopol news portal ForPost, Sevastopol.
E-mail: serg.abramov@gmail.com

УДК 327

РУССО И ИСТОКИ ЛИБЕРАЛИЗМА

Роджер Скрутон

Перевод с английского С. В. Мельничука¹

***Аннотация:** В статье автор рассматривает вклад Жан-Жака Руссо в развитие либерального направления общественно-политической мысли. Подробно описаны взгляды Руссо на свободу личности, социальное неравенство и ряд других социальных феноменов. Затронуты влияние трудов Руссо на работы других мыслителей.*

***Ключевые слова:** свобода, равенство, общество, общественный договор*

На каждом этапе своего существования современный мир наглядно демонстрирует, что разрушать действующие институты гораздо проще, чем создавать новые. Тем не менее, похоже, лишь немногие осознают данную истину. Лейбористская партия Великобритании приступила к осуществлению ряда «конституционных реформ», способных подорвать прежнюю власть парламента, но при этом не предлагающих на его место достойных альтернатив. Церкви приступили к проведению массовых литургических изменений, тем самым утратив свои былые верования и способы утешения, при этом не приобретя последователей среди молодежи.

Люди, будь то реформаторы школьного образования или ЛГБТ-активисты в армии, стремятся преобразовать унаследованные институты в соответствии с интересами их нынешних представителей. Каждый из этих последних должен занимать равное положение в церкви, школе, бригаде или трудовом коллективе, к которым он принадлежит. Однако ни у кого нет ни малейшего понимания того, каковы будут результаты такого подхода в долгосрочной перспективе. Этот процесс пересмотра кажется исключительно рациональным и справедливым лишь его сторонникам. Разве можно препятствовать реформам, если того требует либеральная идеология? Однако факт остается фактом: реформы с легкостью разрушат тот или иной институт, но не смогут гарантированно заменить его другим.

Нам довелось наблюдать это на примере церквей, школ, университетов и государственных органов. И пока в обществе преобладает либеральный консенсус, мы будем наблюдать подобное и дальше. Именно по этой причине не лишним будет вновь обратиться к первому и величайшему из либеральных реформаторов, Жан-Жаку Руссо, с влиянием которого на современные культуру и политику не сравнится ни один другой мыслитель эпохи Просвещения. В работах Руссо раскрывается, что же на самом деле лежит в основе противостояния между консерваторами и либералами во всех сферах общественной жизни, в которых проявляется это противостояние. А в основе его ле-

¹ Перевод с сокращения выполнен по изданию: Roger Scruton Rousseau and the Origins of Liberalism // Mark Dooley (ed.) The Roger Scruton Reader. London, New York: Continuum, 2009. P. 43–50.

жат не свобода, равенство или власть, а унаследованный багаж социальных знаний.

Рассуждения Руссо об общественном договоре, всеобщей воле, характере суверенитета и гражданства, истоках неравенства и возможности демократического выбора представляют большой философский интерес. Однако их следует рассматривать в контексте всей его деятельности в целом. Руссо был не просто выдающимся мыслителем; он был философом, чьи мысли рождались из чувств, а чувства – из идей. Все его работы несут в себе печать неподражаемой жизни; если кому-то из писателей и суждено было представить либерализм в правдоподобном виде, то только Руссо, сумевшему проникнуть в самое сердце этого течения. Его взгляд на жизнь также представлял собой своеобразную форму жизни, нашедшую свое отражение не только в философских трудах мыслителя, но и в невероятно влиятельном романе «Julie, ou la Nouvelle Heloise» («Юлия, или Новая Элоиза»), сравниться с которым может только одно бесспорное произведение искусства, вышедшее из-под пера другого философа – «Пир» Платона.

Руссо выражал свое мировоззрение через другой – хотя, по его мнению, тесно связанный с философией – медиум, а именно через музыку. И, конечно же, в своей «Исповеди» он представил потомкам первый и, пожалуй, самый яркий пример романтической автобиографии, представляющую собой благородную ложь в ее практически современном понимании. Добавьте к перечисленному его гениальное предвосхищение различий между обществами охотников-собираателей и земледельческими общинами; его понимание языка и всей серьезности связанной с ним научной проблемы; его самобытные, влиятельные и чрезвычайно опасные убеждения в отношении образования, и тогда вам сразу станет ясно, что невозможно в рамках одной статьи надлежащим образом рассказать о Руссо, а пренебречь им – тем более нельзя. Впрочем, из его жизни можно извлечь урок, точное содержание которого возможно передать в гораздо меньшем словесном объеме, чем те, что когда-либо уделялись такому значимому человеку, как Жан-Жак Руссо.

Мне уже довелось использовать понятие «либерализм» в том значении, в котором оно употребляется в наше время – или же в одном из них. Однако Руссо не стал бы оперировать данным термином в его современном понимании; кроме того, он бы не узнал свои идеи в том виде, в котором современные мыслители – также называемые нами «классическими либералами» – их подают. Либерализм представляет собой интеллектуальную традицию, сформировавшуюся в результате взаимодействия двух политических идеалов: свободы и равенства. Либералы различаются в зависимости от того, что для них важнее – свобода или равенство. Либертарианцы считают, что свободу можно променять только на свободу, в то время как современный американский «либерал», когда свобода и равенство вступают в конфликт, склонен жертвовать первым понятием в угоду второму. И либертарианцы, и эгалитаристы враждебно настроены к власти имущим, причем на практике такая враждебность нередко их объединяет, даже если в теории это кажется невозможным. Руссо горячо заботился как о свободе, так и о равенстве. Однако он также выдвигал на первый план некоторые глубокие противоречия между этими понятиями. Ему было противно наблюдать за тем, как люди

распоряжаются своей свободой, и это отвращение являлось свидетельством глубокого неравенства, выделявшего Руссо среди многих его современников.

Истинная свобода, по мнению Руссо, – это «нравственная свобода». Ее суть заключается не только в отсутствии ограничений. Свобода предполагает возможность самостоятельно принимать решения. Люди свободны только в том случае, если они могут сами связать себя по рукам и ногам. Отсюда вытекает другая присущая Руссо и четко сформулированная Кантом мысль, а именно, что свобода – это также подчинение закону. Как писал Руссо в «Общественном договоре», «повиновение закону, который мы сами себе предписываем, и есть свобода». По мнению Руссо, общество может быть свободным только при добровольном на то согласии, а обязательства обретают значение, если человек их сам на себя налагает. Из этого следует, что общество обязательно должно основываться на договоре: каждый член общества гарантирует послушание в обмен на аналогичное обещание со стороны всех остальных. Тем не менее здесь кроется противоречие, и Руссо неоднократно возвращается к нему. Умение давать обещания, брать на себя обязательства, действовать самостоятельно – все это предполагает наличие языка, которому, в свою очередь, требуется общество. Автономный агент не может существовать при естественных обстоятельствах, так как он является социальным артефактом. Как поясняет сам Руссо, наша естественная свобода ликвидируется общественным договором, а на ее место приходит «гражданская свобода». Из гражданской свободы вытекает нравственная, однако лишь с обретением нравственной свободы люди могут связать себя договором. Итак, как же можно основать общество на договоре, если для этого самого договора необходимо наличие общества? В этом и заключается мощный парадокс, который пробуждает в Руссо желание верить. Мы должны жить так, словно связаны договором, при этом осознавая, что такое невозможно.

Неравенство бывает двух видов: естественное и искусственное. Руссо убежден, что неравенство, возникающее в обществе, является ограничением свободы как для верхних слоев населения, так и для нижних. Богатые становятся рабами роскоши и зависят от тех, кто служит и повинуется им; бедные становятся рабами своих потребностей и зависят от тех, кто ими повелевает и поощряет их. Но здесь снова возникает парадокс. В свободном обществе, где каждый вправе воплощать свои идеи, естественная власть переходит в социальную, а естественное неравенство – в неравенство иного рода. Все социальные преимущества проистекают из интереса, испытываемого людьми по отношению друг к другу. Внешность, ум, сила, доблесть, энергичность, живость, да и сама привязанность к жизни – все это распределено неравномерно. Тем не менее именно эти качества представляют для нас наибольший интерес и определяют наши перспективы в этом мире. Таким образом, во избежание социального неравенства мы должны позаботиться о том, чтобы люди не могли свободно распоряжаться своими природными способностями. Добиться этого можно только посредством масштабной социальной инженерии.

Руссо прекрасно осознавал парадоксальную природу эгалитаризма. На протяжении всей своей жизни он убеждался в том, что природный талант, если ему не пре-

пятствовать, способствует социальному различию. Человеческие отношения, которые вызывали у него сочувствие, были сопряжены как с естественным, так и социальным неравенством. Отношения между Эмилем и его наставником, между Юлией («Новая Элоиза») и ее возлюбленным Сен-Прё (который также является ее наставником), между самим Руссо и материнскими фигурами, которые поочередно опекали его, как явствует из «Исповеди» – все это является ярким примером того, как социальное и естественное неравенство способствуют взаимному развитию. Он наблюдал, как неравенство принимается и одобряется обществом; также ему довелось столкнуться с состраданием, которое испытывают люди, когда им позволено смотреть свысока – ровно как и снизу – на своих соседей. Следовательно, в трудах Руссо фигурирует только то равенство, при котором сила и власть «уходят на отдых». Как писал швейцарский философ Жан Старобински в своей книге «Жан-Жак Руссо: прозрачность и препятствия» (1988), подобное равенство – это «праздник». В качестве примера автор приводит идиллию сбора винограда в «Nouvelle Heloise», внезапное изобилие которого освобождает представителей всех сословий от необходимости работать, и тем самым позволив им устроить общее торжество.

Так почему же Руссо был готов принять упомянутые мною парадоксы? Что именно в его интеллектуальном и эмоциональном проекте повлекло за собой такое *stredo quia absurdum*? Данный вопрос затрагивает саму основу мышления Руссо. «Мне больше нравится быть человеком парадоксов, чем человеком предрассудков», – писал он в «Эмиле». Предрассудки исходят из желания защитить уже существующие понятия и ценности, а парадоксы – из попытки поставить их под сомнение. Парадокс является признаком априорного мышления – мышления из первых принципов в ситуации, в которой обычаи и привычки закрепились в человеческой природе. По мнению Руссо, общество развратило человека. Чтобы вновь обрести свободу, мы должны соотносить каждый вид деятельности с его «естественным» аналогом. Не то чтобы мы могли вернуться к нашему «естественному» состоянию; все-таки сама идея такого состояния представляет собой философскую абстракцию. Тем не менее всегда имеется другой – пока еще никому не известный – путь к истине, который позволит нам добровольно делать все то, что в настоящее время мы делаем только по принуждению. Следовательно, ни один действующий институт не может быть принят лишь из-за факта его существования. Любые практики и обычаи должны подвергаться сомнению, сопоставляться с априорным стандартом и корректироваться, если они не соответствуют ожиданиям...

Нападки Руссо на общество во имя «естественности» служат примером того, что для меня является главной проблемой либерализма во всех его проявлениях, а именно неспособности принять или даже осознать унаследованные формы социального знания. Под социальным знанием я подразумеваю то, что воплощено в общем праве, в парламентских процедурах, в манерах, стиле одежды, общественных условностях, и, конечно же, в морали. Такое знание, словно по мановению «невидимой руки», зарождается из непрерывной общественной деятельности, из решенных проблем, из закреплённых обычаями соглашений, из конвенций, координирующих наши конфликтующие страсти,

а также из нескончаемых согласований и компромиссов, благодаря которым мы усмиряем «псов войны».

Именно это знание имел в виду Эдмунд Берк, когда критиковал априорное мышление французских революционеров в своем трактате «Размышления о Французской революции» (1790). Писал он следующее: «Мы боимся предоставить людям жить и действовать только своим собственным умом, потому что подозреваем, что ум отдельного человека слаб и индивидууму лучше черпать из общего фонда, хранящего веками приобретенную мудрость нации». В некотором отношении представления Берка ошибочны. Социальное знание не накапливается, подобно деньгам, и не растет, как научное знание, закрепленное на бумаге. Это знание существует только за счет его многократного применения: будучи общественным, негласным и прагматичным, оно не может быть отражено в формуле или в конкретном плане. Легче всего это можно понять на примере неудач плановой экономики.

Австрийские экономисты - как, например, Людвиг фон Мизес в своей книге «Социализм: экономический и социологический анализ» (1951) – вполне логично утверждали, что рыночные цены хранят в себе необходимую для экономической деятельности информацию. Данная информация может существовать только в условиях свободного обмена товарами и услугами; это сведения о том, как потребности оказывают давление на человека. А потому попытка заключить экономическую деятельность в некий рациональный, централизованный план, приведет к уничтожению информации, на которую этот план должен опираться. В экономике рационализм иррационален. И действительно, это яркий пример внутренних противоречий, обнаруженных Руссо во время исследования основных принципов человеческого общества.

Теория австрийских экономистов аналогична той критике, что Майкл Оукшотт обрушил на политический рационализм в своей работе «Рационализм в политике и другие эссе» (1963). Как продемонстрировал Фридрих Август фон Хайек в книге «Право, законодательство и свобода» (1982), такая критика актуальна и в других отраслях, где социальное знание является основой рационального поведения. Например, общее право включает в себя информацию, которая не может содержаться в законодательной программе, – это сведения о конфликтах и их урегулировании, о чувстве справедливости и о человеческих ожиданиях. Данная информация рассеяна по всему закону, и ее невозможно обнаружить, если законодательство является единственным правовым органом. Следовательно, попытки изменить правопорядок с помощью законодательного кодекса, воплощающего в себе все допустимые решения, в корне иррациональны. Данный кодекс приведет к исчезновению источника правовых знаний, коим являются решения беспристрастного судьи, столкнувшегося с непредсказуемым исходом человеческих конфликтов. Общественный договор Руссо порождает абстрактный и априорный кодекс, устанавливаемый не в попытках исправить несправедливость в момент ее возникновения, а в соответствии с верховным актом законодателя, которому суждено потерпеть неудачу, ибо он не Господь Бог, а всего лишь Жан-Жак. На законодателя, словно на несчастного Атланта, возложено непосильное бремя человечества...

Социальное знание является результатом поиска согласия в течение определенного времени. И даже общее право, опирающееся на принудительную силу, сопряжено с попытками прийти к социально согласованным решениям. Таким образом, в случае общего права результат всегда известен – все права и обязанности определены. Но данный принцип – *ratio decidendi* – может оказаться вовсе не очевидным и сформироваться уже позднее в рамках юридического осмысления. Закон, обычай, конвенция, церемония, моральные нормы и рынок – при помощи всего этого люди стараются жить в согласии. В итоге такой общественной строй обречен на неравенство и ограничения. А как иначе? Однако при обычных обстоятельствах все это возникнет в результате свободно заключенных договоров. Если договоры заключаются принудительно, то вытекающие из них конвенции и нормы не будут содержать в себе столь важного для всех нас знания о том, какие действия следует предпринимать, чтобы жить в гармонии с окружающими людьми.

Отказ Руссо от общества в пользу свободного выбора и неиспорченной природы следует рассматривать именно в этом контексте. По мнению Руссо, недостаточно, чтобы институты возникали вследствие всеобщего соглашения, подобно общему праву или рынку; институты сами по себе должны быть объектами соглашения. Нам следует посмотреть на наши институты со стороны и спросить себя, смогли бы мы добровольно избрать их из числа доступных альтернатив. Если ответ положительный, тогда формируется основа общественного договора. И только тогда, заключая такой договор, мы устанавливаем законный порядок. Ибо только тогда институты будут отражать наше добровольное подчинение правительству. Только тогда «личность» побеждает «всех прочих».

Конечно, в понимании Руссо договор мало что значит. Не успеваем мы освободиться от социального бремени, как тут же покоряемся «всеобщей воле», не терпящей возражений и нагло утверждающей, что, повинуясь ей, мы поступаем в соответствии с собственной волей. Обретая свободу, мы тут же ее отмечаем. Каждый, кто знаком с «деспотизмом свободы» Робеспьера, понимает, насколько опасными могут быть парадоксы Руссо, если их глубинный (то есть религиозный) смысл выносится на поверхность.

Но не менее опасным является и утверждение, согласно которому мы можем отказаться от всех институтов, традиций и условностей и заново приняться за их создание. Таково фундаментальное представление либерализма, которое можно встретить во всех вариантах общественного договора, в том числе и в гипотетическом договоре философа Джона Ролза. Оно подразумевает, что мы можем совершать рациональный выбор, зная, что и как делать, без обращения к социальному знанию, то есть без наследия консенсусных решений, накопленного за долгие годы труда.

И дело здесь не в том, что нет никаких оснований для такого умозаключения. Скорее, наоборот, есть все основания для противоположной точки зрения. Понимание того, что нужно делать, приходит только тогда, когда у нас имеется представление о хорошем и плохом, неявное осознание того, как наши действия влияют на множество незнакомых нам людей, а также инстинктивное знание того, что заслуживает восхищения или презрения. Все это передается через традицию. Как утверждает Ролз, без традиций мы не можем постигнуть «концепцию блага». И, несмотря на все, что Ролз говорит об обрат-

ном, общественный договор между людьми, не осознающими концепцию блага, является пародией на рациональный выбор. Причем Ролз представляет это так, будто он раз и навсегда доказал правоту либерального взгляда на общество, а не опроверг её.

Жан Старобински приписывает Руссо эмоциональную потребность отвергнуть любое посредничество, а именно все институты, обычаи и практики, которые встают между «личностью» и ее желанием. Имеем ли мы дело с любовью, религией или образованием, цель Руссо заключается в удалении пелены «общества», чтобы индивид мог немедленно обрести благо, принадлежащее ему по праву рождения, но удерживаемое «всеми прочими», что стоят на его пути. Подобное восприятие общества в качестве среды «инобытия» и отчуждения несет в себе религиозный смысл. Согласно Руссо, личность по природе своей добра и свободна, она живет в состоянии непосредственного единства, являющегося также amour de soi – состояния любви к себе, с которого начинается наша жизнь. Зло объясняется разрушением этого изначального единства и обращением «личности» против самой себя – именно это случается, если мы живем в соответствии с требованиями других. Общество провоцирует переход от невинной amour de soi к amour propre – любви к себе, но уже с чувством вины. Только благодаря общественному договору, перестраиваемому обществом в соответствии с индивидуальным свободным выбором, мы можем преодолеть наше отчуждение. Поэтому договор несет в себе искупительное значение и ведет к «гражданской религии», навязывающей всем гражданам те не опосредованные отношения с Божеством, которых требует их природа...

Сведения об авторе

Сэр Роджер Вернон Скрутон (1944–2020) – английский философ, специализировавшийся на философии эстетики и консерватизма.

Сведения о переводчике

Мельничук Сергей Васильевич – аспирант кафедры политических наук и международных отношений Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com

Scruton R.

ROUSSEAU AND THE ORIGINS OF LIBERALISM

transl. from English by S. V. Melnichuk

***Abstract:** In the article, the author examines in detail the contribution of Jean-Jacques Rousseau to the development of the liberal direction of social and political thought. Rousseau's public views on individual freedom, social inequality and the commonality of other social phenomena*

are detailed. The influence of Rousseau's ideas on the work of other thoughts is described.

Keywords: *freedom, equality, society, social contract*

Sir Roger Vernon Scruton (1944–2020) was an English philosopher and writer who specialised in aesthetics and political philosophy of conservatism.

Melnichuk Sergey Vasilyevich – post-graduate student of the Department of Political Science and International Relations of the Institute «Tauride Academy», V. I. Vernadskiy Crimean Federal University.

E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com

РЕЦЕЗИИ

**Хэзлит Г. Основания морали /пер. с англ. А. А. Столярова.
Москва, Челябинск: Социум, 2019. 556 с.**

В 2019 году в издательстве «Социум» была переведена и издана работа по этике, написанная американским публицистом Генри Хэзлита (1894–1993), под названием «Основания морали». Работа была создана в 1964 году, но долгое время не была известной российскому читателю. Сам автор не является профессиональным специалистом в области этики и философии. Г. Хэзлит более известен как автор книг по экономике и журналист либертарианского толка, таких известных газет, как «The Wall Street Journal», «The New York Times» и других. Книга создана публицистом, тем объясняется специфика ее стиля.

На первый взгляд может показаться, что данная книга будет интересна только студентам и преподавателям вузов, так как написана в середине прошлого века и уже успела утратить свою актуальность. Но это не так. Более того, «Основания морали» не является учебником по истории этики. Основной задачей книги Хэзлит считает рассмотрение проблем, сопряжённых с утилитаристским подходом, а также критический анализ альтернативных подходов.

В предисловии к первому изданию Хэзлит здраво оценивает свои возможности и задачи, стоящие перед ним, такими словами: «Со стороны любого современного автора, было бы крайне самонадеянно претендовать на какую-либо оригинальность в решении проблем, которые на протяжении двадцати пяти столетий занимали внимание самых глубоких умов человечества. Применительно к этике подобная претензия будет, вероятно, более самонадеянной, чем применительно к любому другому предмету, поскольку, как я отмечаю во Введении, любая этическая система, предлагающая «переоценку всех (традиционных) ценностей», почти наверняка окажется некорректной» (с. 6). Кроме того, Генри Хэзлит отмечает, что в работе «Основания морали» он стремился выработать «единую теорию» права, морали и правил поведения.

Уже в размышлениях о причине написания книги автор обозначает свою позицию по отношению к классической этике, а именно критикует её за игнорирование (по мнению Хэзлита) такой важной части нравственной философии как практика. Для него идеалом выступает юриспруденция. По мнению Хэзлит, «право вводит определенный “этический минимум” и что «право есть круг, имеющий один центр с этикой, но меньшую длину окружности». Но верно еще и то, что юриспруденция разработала такие методы и принципы решения правовых проблем, которые служат великолепным руководством при решении этических проблем» (с. 7).

В главе 9 Генри Хэзлит говорит, что действующее право есть этика на практике. Он восхищается правом потому, что оно раньше этики смогло высвободиться и стать независимым от теологии. Оно приобрело более четкий и определенный вид. Но автор

не принижает заслуги теологии в деле формирования «общего права». Хэзлит воспроизводит сам процесс возникновения права. И самое важное, что оно возникает, по его мнению, одновременно с обществом, но не явно, а в синтезе религиозных культов, мифов и обычаев. Однако, со временем оно выкристаллизовывается в самостоятельную нравственную доктрину и возникает то, что мы называем естественным правом.

Итак, мы видим, что одним из оснований морали для Генри Хэзлита является право. Для него право имеет не столько законодательную власть над человеком, сколько является практической стороной этики. Культуре свойственно избавляться от того, что не имеет пользы для неё самой, и если, как отмечает автор, право существует на протяжении всей истории человечества и даже в век нравственного упадка право всё равно сохраняет свою роль, то оно и должно являться фундаментом морали.

На протяжении всей своей жизни Генри Хэзлит отстаивал принципы свободы и индивидуализма, последовательно критикуя государственное регулирование и построение «государства всеобщего благосостояния». Он выступал против идей социализма и коммунизма. Именно поэтому он уделяет в своей нравственной доктрине большое внимание религии. Но это связано не с религиозностью Г. Хэзлита, а, наоборот, с его утилитаризмом. В религии он видел теоретическую базу, которая выступает как инструмент противостояния моральному разложению общества, кульминацией чего является возникновение социализма и коммунизма, т. е. того, что сам автор называет «религией безнравственности».

В главах 1, 26, 30, 31 и 32 автор рассуждает о безнравственности марксизма. Всякий раз, когда Генри Хэзлит начинает говорить о религии, он переходит к критике марксизма. По его мнению, моральный упадок современности связан с подъёмом «религии безнравственности». Марксизм является антиморальной доктриной поскольку отрицает все ценности, существующие в мире, будь то этические или политические. А сам автор характеризует учение Маркса и его последователей так: «Марксизм – не просто носитель воинствующего атеизма; он стремится уничтожить религию именно потому, что считает ее “опиумом народа”, т.е. потому, что она служит интересам “буржуазной” морали, осуждающей систематический обман, ложь, предательство, беззаконие, конфискацию, насилие, гражданскую войну и убийство – все средства, которые коммунисты считают необходимыми для свержения или уничтожения капитализма»

Если право, по Г. Хэзлиту, – это практическая этика, то в религии он видит теоретическое основание морали. Право долгое время оставалось частью теологии, потому даже современное законодательство несёт в себе модифицированные под светское общество религиозно-этические идеи. И религия для Г. Хэзлита становится теоретической частью основания морали, без которой не может существовать практическая.

Подводя итоги, отметим что, несмотря на столь почтенный возраст книги «Основание морали», она не утратила своей актуальности. Генри Хэзлит характеризует современное общество как страдающее от упадка морали. Примерами деградации морали являются всё большее количество конфликтов на планете. Хэзлит отмечает, что самый ярким примером безнравственности является война как способ решения проблем. За

это он критикует и марксизм, который видит в насилии способ достижения блага, и западное общество, которое противопоставляет насилию насилием. И именно поэтому Хэзлит задается таким вопросом о том, что же является основанием морали, в чём искать ответ. Прodelав большую работу, Генри Хэзлит находит ответ. Он понимает, что не стоит выдумывать что-то новое, – история и культура всё уже сделали. Теоретическое основание уже существует. Это религия как идеал, к которому стоит стремиться, а инструментом для этого является право, как-то что на протяжении веков формировалось под воздействием теологии. В завершение книги Хэзлит отмечает, что для обыденности естественен утилитаризм, что каждый человек стремится к счастью, но остаётся большим вопросом какое это счастье будет индивида или счастье общества. Он отвечает: это «Философская этика – это стремление выявить рациональное основание существующего морального кодекса и установить принципы, или критерии, с помощью которых можно тестировать существующие нравственные правила и формулировать новые, более совершенные.» (с. 376–377).

Книга Генри Хэзлита «Основания морали» выделяется на фоне остальных работ об этике своим языком повествования и уникальным (для современности) ответом на вопрос фундамента морали. Данная работа будет интересна преподавателям философии, студентам и всем интересующимся этикой, и философией.

*Гайцук В. С.
(Институт «Таврическая академия»
КФУ им. В.И. Вернадского)*

CONTENT

PHILOSOPHY

Platonova S. I. Identity in a Digital Society: Philosophical Reflection.....	4
Popov D. N. Means and Limits of Human Knowledge in Gaudiya-Vedanta.....	14
Kolesnikova G. I. Axiological Component in the Concept of “Social Justice”: Importance of the Regulation of Interethnic Relations and Strengthening of the All-Russian identity.....	30
Garbuzov D. V., Gromova E. A., Nechukhrin A. N., Ramazanov S. P. Philosophical Origins of the principle of Dialogue as a System of Worldview and Method of Historical Research.....	41

CULTURAL STUDIES

Grigoryev S. L. Cinematographic Screen: The Impact on the Worldview of the XX century Human Being.....	58
Zaitseva D. S. The Italian Cinema in the Soviet Everyday Culture during 1960–1970s.....	68
Murata S., Chittick W. C. The Role of Sufism in Chinese Islam / transl. from English by R. N. Enverov.....	79

POLITICAL SCIENCE

Ilyichev A. V. The Russophobic Narrative in the Studies of Leading British Authors on the Second World War as a Factor in the Formation of the Modern Worldview of British Society.....	85
Ivanova D. G. Popular Culture as a Political Tool in South Korea – Japan Relations: A Sakura under the Hallyu Wave.....	108
Abramov S. V. The Special Operation and Transformation of Russia’s Relations with the Post-Soviet States on the Example of Central Asia, Caucasus, and Belarus.....	119
Scruton R. Rousseau and the Origins of Liberalism / transl. from English by S. V. Melnichuk.....	142

REVIEW

Hazlitt H. The Foundations of Morality / transl. from English by A. A. Stolyarov. Moscow, Chelyabinsk: Socium, 2019. 556 p. (V. S. Gaitsuk).....	150
---	-----